

АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

04.9.90 005822

На правах рукописи

ЧИРИКИН

Виктор Александрович

**МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ
ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ (1861 - 1917 гг.)**

Специальность 12. 00. 01 -

теория права и государства; история права и государства;
история политических и правовых учений

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор Р.С.Мулукаев

Москва 1999

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Сотрудничество правоохранительных органов России и других стран в борьбе с политической преступностью	13
§ 1. Исторические условия создания системы взаимодействия сил правопорядка и ее организационно-правовые формы	13
§ 2. Основные направления взаимодействия правоохранительных органов	37
Глава 2. Сотрудничество правоохранительных органов России и других стран в борьбе с общеуголовной преступностью	83
§ 1. Создание законодательной и организационной базы сотрудничества	83
§ 2. Основные формы и методы взаимодействия правоохранительных органов	115
Заключение	155
Список источников	160
Библиографический список литературы	167

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Новый этап в развитии российской государственности, совершенствование экономических отношений, правовой нигилизм, рост преступности, повышение ее профессионализма и усиление организованности вызвали необходимость разработки нового законодательства, совершенствования основ деятельности правоохранительной системы.

Реформирование правоохранительных органов предполагает интегрирование последних в международную систему специальных структур, организацию деятельности на основе принятых в мировой практике методов борьбы с преступностью. Эти преобразования будут малоэффективны без всестороннего анализа методов и стратегии деятельности сил правопорядка зарубежных стран развитой демократии. Изучение и применение этой стратегии, учитывающей особенности развития России, в совокупности с традициями и историческим опытом деятельности отечественных правоохранительных органов позволят синтезировать наиболее приемлемую и эффективную систему контроля над преступностью¹.

Существующие ныне формы международного сотрудничества правоохранительных органов были определены и использовались еще в начале XX века. В настоящее время, на новом этапе исторического развития, важно развивать и совершенствовать их.

Как показывает анализ современных зарубежных источников данной проблематике уделяется самое пристальное внимание².

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что более восьми десятилетий в нашем сознании формировалось представление о полиции дореволюционной России и Запада как о крайне реакционных государ-

---

¹ О мерах по дальнейшему развитию НЦБ Интерпола: Приказ МВД РФ № 666 от 13 октября 1997 г.

² См.: *Butler J.P. National Priorities and Policing by Objectives // Management Challenges in 21 st Century Policing. Canada: Ottawa, 1995; Friedman L. A history of American Law. New York: Simon and Schuster, 1973.*

ственных институтах, деятельность которых была направлена в первую очередь против революционного движения, в то время как борьба с общеуголовной преступностью стояла на втором плане. Однако пришло время отказаться от этой ложной идеологической установки. Возникла настоятельная необходимость объективно исследовать организационно-правовые основы сотрудничества правоохранительных органов царской России и зарубежных стран в сфере борьбы с международной как политической, так и общеуголовной преступностью.

Объектом данного исследования является система организации и развития сотрудничества правовых институтов различных стран в борьбе с международной преступностью с 1861 по 1917 гг.

Предметом исследования выступают организационно-правовые формы международного сотрудничества правоохранительных органов России по борьбе с преступностью; основные направления взаимодействия сил правопорядка в борьбе с этим негативным явлением.

Рамки исследования:

1. Автор уделяет основное внимание сотрудничеству России с государствами Европы и Американского континента в связи с тем, что именно эти страны испытывали давление международной преступности и первыми пришли к пониманию необходимости взаимодействия.

2. Обозначенный период представляет собой органическую часть политической истории России. Начальная дата исследования - 1861 год выбран неслучайно. С отменой крепостного права страна вступает в период трансформации общественных отношений. Последовавшая за февральским Манифестом 1861 г. цепь реформ затрагивала все стороны государственно-правовых отношений. Наиболее последовательными из них были преобразования правоохранительной системы. Новый облик, который постепенно принимала страна, создавал благоприятные условия для включения России в систему международного сотрудничества, в том числе и в сфере правоохранительной деятельности. Конечной датой исследования выбран 1917 год. Октябрь этого года завершил собой рассматриваемый нами исторический

период. Последовавшая за этим изоляция Советской России осложнила дальнейшее международное сотрудничество ее правоохранительных институтов с зарубежными.

Степень изученности темы. Актуальность данной темы явно не соответствует степени ее изученности. До сегодняшнего дня не существует специального исследования по проблематике международного сотрудничества правоохранительных органов России в указанный период.

А в тех работах, где рассматриваются некоторые аспекты взаимодействия сил правопорядка, по понятным причинам приоритет отдается чисто политической оценке этой деятельности. При этом профессиональные, неполитические аспекты координации и объединения усилий правоохранительных органов остаются как бы вне поля зрения исследователей. Следует, однако, отметить, что имеется определенная основа, позволяющая автору ориентироваться в этой сложной проблематике. В частности такую историко-методологическую основу заложили своими разработками ученые-юристы XIX - начала XX веков Г.Л.Вербловский, М.Н.Гернет, А.В.Гефтер, А.А.Дриль, П.Е.Казанский, Л.Л.Комаровский, Ф.Лист, П.И.Люблинский, Ф.Ф.Мартенс, С.П.Мокринский, Д.Никольский, А.Принс, Е.Я.Шостак, А.Штиглиц¹.

---

¹ См.: *Вербловский Г.Л.* О взаимной выдаче преступников и дезертиров // Юрид. вестник. М., 1867. № 6; 1868. № 7; *Гернет М.Н.* Общественные причины преступности. М., 1906; Революция, рост преступности и смертная казнь. М., 1917; *Гефтер А.В.* Европейское международное право. Спб., 1880; *Дриль А.А.* Учение о преступности и мерах борьбы с ней. Спб., 1912; *Казанский П.Е.* Всеобщие административные союзы государств. Одесса, 1897; *Комаровский Л.Л.* Работы института международного права по вопросу о выдаче преступников / Русская мысль. 1884. № 1; Лист Ф. Задачи уголовной политики. Спб., 1895; Международное право в систематическом изложении. Юрьев, 1909; *Люблинский П.И.* Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905 - 1915). Пг., 1915; *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Спб., 1904 - 1905; *Мокринский С.П.* Смертная казнь и борьба с политическими преступлениями Спб.: "Право", 1906; *Никольский Д.* Выдача преступников по началам международного права. Спб., 1884; *Принс А.* Преступность и общество. М., 1896; Преступность и репрессия. М., 1898; Защита общества и преобразования уголовного права. М., 1912; *Шостак Е.Я.* О выдаче пре-

Важное место в исследовании отводится анализу законов Российской Империи, узаконений и распоряжений царского правительства, нормативных актов Министерства юстиции и Министерства внутренних дел России, которые регулировали процессы международного сотрудничества, а также законодательных материалов зарубежных государств рассматриваемого периода. Несомненную ценность в этом плане представляют труды В.Н.Александренко, И.Ивановского, Лихачева, Ф.Ф.Мартенса, М.И.Мыша, М.Ткаченко, посвященные международным соглашениям России с другими государствами¹.

Диссертант обстоятельно изучил и опирался в своем исследовании на труды ученых различных отраслей знаний по вопросам, относящимся к теме диссертации: В.Ф.Агафонова, Ш.А.Басилаи, Я.М.Бельсона, А.Г.Богатырева, А.В.Борисова, С.В.Бородина, Р.М.Валеева, Л.Н.Галенской, Л.Гардоцкого, Л.И.Гурова, П.Н.Зайончковского, В.П.Зимины, Г.В.Игнатенко, И.И.Карпеца, Е.Г.Ляхова, А.Я.Малыгина, Р.С.Мулукаева, К.С.Родионова, Н.А.Троицкого, М.Д.Шаргородского, А.Н.Ярмышы и других.

Цель и задачи исследования. Актуальность и значимость темы, ее недостаточная изученность сделали целесообразной комплексную научную разработку рассматриваемой проблемы. Поставленная диссертантом цель исследовать проблемы международного сотрудничества правоохранитель-

---

ступников по договорам с иностранными державами. Киев, 1882; *Штиглиц А.* Исследование о выдаче преступников. Спб., 1882.

¹ *Александренко В.Н.* Собрание важнейших трактатов, конвенций. Варшава, 1906; *Ивановский И.* Собрание действующих договоров, заключенных Россией с иностранными державами. Одесса, 1890; *Лихачев.* Договор России с Англией о выдаче преступников // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. № 9; *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: В 8 т. Спб., 1874 - 1888; *Мыш М.И.* Об иностранцах в России: Сб. узаконений, трактатов и конвенций с относящимися к ним и судебными разъяснениями. Спб., 1888; *Ткаченко М.* Договоры о выдаче, заключенные Россией с иностранными державами и их отношение к ст. 168 - 174 Уложения о наказаниях // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 5.

ных органов России в борьбе с политической и общеуголовной преступностью в период с 1861 по 1917 гг. выдвинула необходимость формулирования следующих задач:

- изучить и обобщить нормативно-правовые акты, архивные материалы и иные источники по проблеме исследования;

- исследовать процесс выработки определения понятия политического преступления в законодательных актах и юридической литературе, начиная с XVII века;

- проанализировать исторические условия создания системы международного взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с преступностью;

- изучить и дать характеристику международным соглашениям в области борьбы с преступностью;

- проанализировать основные формы, методы и направления международного сотрудничества сил правопорядка в борьбе с политическими и общеуголовными преступлениями.

Методологическую и теоретическую основу диссертации составляют труды российских и зарубежных ученых по истории государства и права, теории государства и права, международному праву, философии, социологии, криминологии, уголовному праву. В рассмотрении поставленных вопросов диссертант руководствуется положениями общенаучного диалектического метода познания. Применяются и частнонаучные методы социологии, криминологии, статистики, в частности, структурно-логический, сравнительный, исторический.

Значительная часть диссертации написана на основе анализа разнообразных источников и, прежде всего, материалов Государственного архива Российской Федерации, архива внешней политики Российской Империи и Российского государственного исторического архива.

Тщательному изучению и анализу подвергнута юридическая литература XIX - XX вв. по международному праву и, в особенности, рассматривающая институт выдачи преступников.

Диссертация подготовлена на основе широкого привлечения законодательного и иного нормативного материала. Содержание первых параграфов обеих глав, в основном, раскрывается посредством юридического анализа документов. Нормативно-правовой материал заимствован из Полного Собрания Законов Российской Империи; Собрания узаконений и распоряжений правительства; Свода законов уголовных; девятитомного издания "Российское законодательство X - XX веков" под редакцией О.И.Чистякова.

Использованы различного рода сборники документов, материалы периодической печати. В диссертации рассмотрено более двухсот источников, в том числе труды зарубежных авторов.

Научная новизна. Поставленные диссертантом цели определили круг вопросов, подлежащих рассмотрению. В работе на базе комплексного подхода исследуются исторические условия создания системы сотрудничества правоохранительных органов России и других стран в борьбе с заметно растущей, начиная со второй половины XIX века, международной преступностью; организационно-правовая база и основные направления этого сотрудничества; впервые вводятся в научный оборот материалы, документы и источники, характеризующие систему организации и развития сотрудничества правовых институтов разных стран в противодействии преступности.

Новизна диссертационного исследования состоит также в том, что рассматриваются и анализируются практически все предпринятые Российским государством попытки установить и закрепить действенные формы международного взаимодействия правоохранительных органов.

Анализ научной литературы свидетельствует, что и в России, и за рубежом отсутствуют исследования, специально посвященные данной теме.

На основе историко-правового анализа автором разработаны следующие положения, которые выносятся на защиту:

1. Необходимость объединения усилий правоохранительных органов России и других стран в рассматриваемый период диктовалась серьезным ростом международной преступности, развитию которой способствовали: расширение межгосударственных связей, упрощение пограничных режимов, строительство железных дорог.

2. Борьба с международной преступностью, предпринимаемая отдельными государствами, как правило, оказывалась малоэффективной вследствие отсутствия единой организации розыска, несогласованности правил о выдаче преступников, что обуславливало настоятельную потребность в координации усилий государств по этому вопросу.

3. Анализ взаимодействия правоохранительных органов, и в целом государств, позволяет утверждать, что в области борьбы с общеуголовной преступностью это было активное сотрудничество с прочной организационно-правовой базой, различными формами и направлениями, а не фрагментарное, эпизодическое взаимодействие.

4. В борьбе с политической преступностью имелись определенные сложности и трудности как организационного, так и правового плана: отсутствие единого подхода в определении понятия политического преступления; слаборазвитая законодательная база большинства государств, регламентирующая борьбу с этим явлением; заметное отличие демократических традиций различных государств.

5. Сотрудничество России с правоохранительными органами зарубежных государств строилось по принципу взаимности, что позволило в сжатые исторические сроки выработать необходимые формы взаимодей-

ствия, которые оказались достаточно эффективными и получили свое развитие в настоящее время.

6. Результатом международного сотрудничества стало заметное сдерживание роста ряда опасных преступлений (фальшивомонетничество, мошенничество, кражи и некоторые другие).

Научная и практическая значимость исследования. Научная значимость исследования состоит в том, что впервые в целях специального историко-правового изучения процесса международного сотрудничества правоохранительных органов анализируется становление форм, методов, технологий и средств их взаимодействия. При этом анализ состояния системы сотрудничества дается на основе не использовавшихся до настоящего времени документов и материалов. Новым обстоятельством представляется автору и обобщение опыта поиска подходов в обеспечении совместных усилий в определении принципов, форм и условий оказания правовой помощи, что и на современном этапе является одной из самых сложных проблем международного сотрудничества органов правопорядка.

Практическая значимость исследования заключается в том, что восполнение существующего пробела в отечественной историографии позволяет полнее дать картину хода развития сотрудничества и возрастания роли правоохранительных органов в современных условиях, когда члены международного сообщества, в том числе и Россия, все в большей степени испытывают воздействие интеграционных процессов, как никогда возникает настоятельная необходимость в объединении усилий правоохранительных органов в борьбе с преступностью, которая приобретает все более глобальный характер.

Обобщение данного опыта может содействовать поиску новых форм сотрудничества, которое в силу углубляющейся интеграции правоохранительных органов, требует на современном этапе значительной перестройки.

Вместе с тем, до сих пор не создана надлежащая правовая база для эффективной совместной деятельности российских и зарубежных органов правопорядка.

Нуждается в совершенствовании организационное обеспечение такого сотрудничества. Выявлена недостаточная подготовка сотрудников различных служб к осуществлению совместной деятельности с зарубежными коллегами. Не изжито ошибочное представление о второстепенности этого направления работы.

Результаты исследования могут быть применены в работе над историческими аспектами теории права и государства. Практические рекомендации могут оказать помощь в деятельности подразделений МВД и других правоохранительных органов, занимающихся вопросами международного сотрудничества.

Кроме того, практическое значение диссертации заключается в том, что ее положения могут быть использованы российскими специалистами при разработке и планировании совместно с зарубежными коллегами комплекса мер по предупреждению и борьбе с международной преступностью, а также при подготовке нормативно-правовых актов, особенно касающихся экстрадиции подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Апробация и внедрение результатов исследования. Полученные в результате диссертационного исследования выводы, а также материалы, на которых они основаны, нашли практическое внедрение в учебно-воспитательном процессе.

Апробация результатов исследования получила выражение в опубликованных автором научных работах. Эти результаты обсуждались и были одобрены на заседании кафедры государственно-правовых дисциплин и кафедры гуманитарных дисциплин Владимирского юридического института МВД России, кафедры государственно-правовых дисциплин Академии

управления МВД России и используются в преподавании курса "История органов внутренних дел России".

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в выступлениях автора: на межвузовском заседании "круглого стола" на тему "Проблемы борьбы с терроризмом на современном этапе" (Владимир, 30 - 31 января 1996 г.); международной научно-практической конференции "Социально-правовые и психологические основы деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России: проблемы теории и практики" (Санкт-Петербург, 20 - 21 марта 1997 г.); Всероссийской научно-практической конференции "Уголовная политика и международное право: проблемы интеграции" (19 - 20 ноября 1998 г.); научных семинарах, конференциях и совещаниях в различных подразделениях органов внутренних дел Владимирской области.

Основное содержание диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, нормативного и иного документального материала, библиографического списка литературы.

ГЛАВА 1. СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН В БОРЬБЕ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

§1. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИЛ ПРАВОПОРЯДКА И ЕЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ

Термин "политические преступления" впервые введен был во французском законодательстве 8 октября 1830 года. В законе в форме перечислений были выделены наиболее известные группы преступных деяний, которые и были названы "политическими"¹.

Однако с полным основанием можно считать, что политические преступления имели место еще в древние времена. В Древней Греции, например, афиняне относили к таковым посягательство на жизнь Филиппа Македонского; в античном Риме видели политических преступников в Ганнибале, царе Митридате². Как правило, в те времена к политическим преступникам относили личных врагов правителей, от которых выгодно было избавиться, а также государственных преступников, бунтовщиков и изменников. Разграничение преступлений общеуголовных и политических имеет свое историческое основание в римском праве, которое содержит постановления о *crimen majestatis*. Под *crimen majestatis* понимали совокупность действий, направленных против величия и безопасности римского государства и римского народа³.

Германский союзный приказ 18 августа 1836 г. к политическим преступлениям относил деяния, имеющие целью посягнуть на жизнь одного из германских монархов или безопасность одного из союзных государств⁴.

¹ *Фейгин Я.* Выдача политических преступников // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. № 4. С. 59-60.

² *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Спб., 1904. Т.1. С.427; *Фейгин Я.* Указ. соч. С. 45.

³ *Штиглиц А.* Исследование о выдаче преступников. Спб., 1882. С.74.

⁴ *Никольский Д.П.* О выдаче преступников по началам международного права. Спб., 1884. С. 170.

Понятие "государственное (политическое) преступление" впервые в России получило законодательное определение в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. В главе 2 "О государственной чести, и как его государское здоровье оберегать, а в ней 22 статьи" определяются составы государственных, политических преступлений. Она резко отделяет эти деяния от других "лихих" дел. Статья 1 предусматривает высшую меру наказания - смертную казнь за умысел, направленный против жизни и здоровья государя: "Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил, и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию"¹.

Затем, в XVIII в. в Указе, определявшем порядок доносов, Петр I распределил государственные преступления по трем направлениям:

- 1) о злом умысле против персоны Его величества;
- 2) о возмущении или бунте;
- 3) о похищении денежной казны.

Эта классификация сохранилась до издания Уложения о наказаниях 1845 г., войдя без существенных изменений в Свод законов 1832 г.²

В соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. государственные преступления были разделены на три категории:

1. Злоумышления против особы Его величества и членов императорского дома и поношение Их величеств и императорского дома злыми и вредительными словами; бунт или измена против государя или государства.

¹ Цит. по: Российское законодательство X - XX веков: В 9 т. / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т.3: Акты Земских соборов. С.86.

² См.: Очерк деятельности Министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями // Историко-революционный сб. / Под ред. В.И. Невского. М. - Л., 1926. Т.3. С.247.

2. Преступления против веры, восстание против правительства, попытка низвергнуть его, измена, неповиновение законным властям, оскорбление мест и чиновников правительства, взлом тюрем, тайные общества, преступления по службе.

3. Преступления против повинностей и уставов казенных¹.

Уголовное уложение 1903 г., по сравнению с вышеупомянутым Уложением, отвело значительно больше места политическим преступлениям, которые размещены:

- в главе III "о бунте против верховной власти и преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома";

- в главе IV "о государственной измене";

- в главе V "о смуте"².

До XVII века в России не было специальных учреждений, занимавшихся делами по государственным преступлениям. Дела эти всегда были особенно близки носителям верховной власти - великим князьям московским и царям,- и рассматривались под их наблюдением, часто при их личном участии, в различных высших государственных учреждениях: Преображенском, Тайном Приказах³.

В первой половине XVIII в. дела по государственным преступлениям рассматривали или особые учреждения (две тайные канцелярии - Петровская и Аннинская), или учреждения с более широким кругом ведения - Преображенская канцелярия, сенат, Верховный тайный совет.

Екатерина II высшей инстанцией по делам о государственных преступлениях назначила Сенат.

Во времена Александра I дела о государственных преступлениях рассматривались в 1-м и 5-м департаментах Сената и во всех присутственных местах, где велись уголовные дела.

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Спб., 1845.

² См.: Уголовное уложение. Спб., 1903 (указанные главы).

³ Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. С.17.

По Уставам 1864 г. эта группа деяний рассматривалась:

- 1) судебными палатами, когда государственное преступление содержало в себе отдельное деяние одного или нескольких лиц;
- 2) Верховным уголовным судом по случаю общего заговора против верховной власти или порядка, престолонаследия, когда следовал высочайший указ о рассмотрении дела в этом суде¹.

Политическое преступление - это одно из тех понятий, которое, несмотря на обыденность и общеупотребительность свою, трудно свести к научному определению.

События 70-х и начала 80-х годов XIX века показали, что вопрос о политических преступлениях должен был стать предметом международного обсуждения. Это была одна из наиболее сложных задач, с которой столкнулись ученые-юристы, дипломаты всего мира. Данный вопрос послужил темой горячих дискуссий на съездах юристов в Германии и Швейцарии; был также затронут на оксфордском съезде института международного права 1880 года. Однако проблема оставалась нерешенной.

Профессор Берлинского университета Ф. Лист, выступая на XVI съезде германских юристов в 1894 году сделал попытку охарактеризовать их как: "политические преступления суть наказуемые деяния, направленные против политических прав индивида или совокупности индивидов"².

Профессор Ф.Ф. Мартенс в фундаментальном 2-томном труде "Современное международное право цивилизованных народов" подчеркивал, что вообще никто еще не определил точным и бесспорным образом, что такое политическое преступление³.

Главным, как мне представляется, камнем преткновения в разрешении этого вопроса является то, что понятие "политическое", есть понятие, изменяющееся сообразно с изменением характера политики и общественного мнения. Трансформация политической сферы может привести к тому, что

¹ См.: Историко-революционный сборник... С.252.

² Цит. по: Фейгин Я. Указ. соч. С. 34.

³ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С. 459.

деяния, считавшиеся в определенное время тяжкими политическими преступлениями, через несколько десятков лет считаются даже похвальными. "... тот, кого вчера считали достойным петли, сегодня удостаивался министерского портфеля"¹.

Гольцендорф подчеркивал, что "вполне справедливым судьей над политическим преступлением является история, а не ученые-юристы или выбранные из народа присяжные. Всякая партия, как таковая, уже пристрастна и вследствие этого расположена к злоупотреблениям силой по отношению к своим политическим противникам"².

Другая причина отсутствия согласия в вопросе о сущности политического преступления, заключается в том, что в основу этого понятия положены различные принципы. В этом отношении, все попытки юристов дать определение данному понятию можно свести к двум группам.

Юристы-международники первой группы основным критерием, выделяющим политическое преступление из общеуголовного, считали фактор субъективный, мотив преступления. Представителями этого направления являлись профессора Венского университета Вальберг и Глазер, которые считали, что политическим преступлением может быть лишь такое преступление, которое по самой природе своей такого свойства, что оно по правилу покоится на политических мотивах³.

Аналогичные воззрения на политическое преступление высказывали ученые (Моль, Шмидт), исходящие в определении этого понятия из цели деяния. Они отмечали, что политические преступления, суть деяния имеющие своей непосредственной причиной политическую цель, преследуемую виновником⁴.

¹ Мокринский С.П. Смертная казнь и борьба с политическими преступлениями // Право. 1906. № 22. С. 1986.

² Цит. по: Комаровский Л.Л. Работа института международного права по вопросу о выдаче преступников / М.: "Русская мысль", 1884. №1. С.53.

³ Никольский Д.П. Указ.соч. С.163; Фейгин Я. Указ. соч. С. 35.

⁴ Вербловский Г.Л. О взаимной выдаче преступников и дезертиров. М., 1868. С. 13-15; Фейгин Я. Указ.соч. С. 35.

Представители второй группы исходили из объективного начала в различии политических и общеуголовных преступлений. Суть определения здесь видели в том правовом благе, которое нарушено преступлением. Так, Гаус считал, что под политическими преступлениями необходимо подразумевать деяния, посягающие исключительно на политический порядок¹, а Лист дополнял к этому посягательство на главу государства и политические права граждан².

Предметом международного обсуждения стало определение политического преступления на Международном съезде криминалистов в Брюсселе в 1910 году. Участники этого форума пожелали ограничиться определением этого понятия по его объекту, т. е. по посягательству, которое оно включает в себе на права государства и его внутреннюю и внешнюю безопасность³.

Филанджиери называет политическими преступлениями все акты, направленные против государственного устройства и против суверенной власти⁴.

Фиоре определяет политические преступления как деяния, которые нарушают порядок, установленный основными государственными органами, компетенцию властей, пределы власти каждого гражданина, общественный порядок, права и обязанности, отсюда вытекающие⁵.

Заслуживает внимания взгляд на эту проблему Ортолана и Росселя. По их мнению, под политическим преступлением следует понимать деяние, которое имеет своей целью свергнуть или изменить противоправным образом устройство высших государственных властей, разрушить или ослабить одну из них, расширить или ограничить участие в них разных членов об-

¹ Никольский Д. Указ.соч. С. 161; Фейгин Я. Указ.соч.

² Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Юрьев, 1909. С. 319.

³ Люблинский П.И. Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905 - 1915). Пг., 1915. С. 104 - 105.

⁴ См.: Штиглиц А. Исследование о выдаче преступников. Спб., 1882. С.78.

⁵ Там же.

щества, разрушить или преобразовать какой-нибудь элемент государственной власти, или наконец возбудить смятения, ненависть, насильственную борьбу в обществе из-за указанных предметов¹.

Наконец, сюда же следует отнести определение, предложенное комиссией по составлению Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года: "под политическими деяниями можно понимать или деяния, посягающие на основные начала государственного устройства страны, или посягательство на целостность и независимость государства, или деяния, грозящие опасностью для государственного спокойствия, или подготавливающие государственный переворот"².

Из приведенных дефиниций политических преступлений, наиболее приемлемой, как представляется, является та, которую дает Филанджиери, ибо она отличается сжатостью и содержательностью. А для всякого определения эти два свойства являются краеугольными. Но общеуголовные деяния, такие, как кража, грабеж, убийство и т.д., даже если они внушены политической ненавистью или мстостью, не должны рассматриваться как политические преступления.

Исследование действующих международных соглашений показывает, что позитивного определения политического преступления не существует и сегодня. Так, в ст.3 Европейской (Парижской) конвенции о выдаче преступников 1957 года предусмотрен отказ в выдаче, если преступление, по поводу которого поступило требование, рассматривается запрашиваемым государством как преступление политическое или как преступление, связанное с политическим деянием. Однако, что понимается под таким деянием, в договоре не указывается³.

Международно-правовая практика идет по пути отрицания за тем или иным деянием политического характера (что, как правило, связано с про-

¹ Никольский Д. Указ. соч. С. 161.

² Свод законов уголовных. Часть первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. Спб., 1885. С. 50.

³ Материалы по иностранному законодательству и международному частному праву. Труды 44. 1989. С. 164-165.

блемой экстрадиции). Например, из содержания статьи 7 Монреальской конвенции 1971 года о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, следует, что лица, совершившие преступления, направленные против безопасности гражданской авиации, подлежат выдаче и наказанию, "как и в случае обычного преступления серьезного характера"¹.

Определение характера совершенного деяния, как правило, отдается на усмотрение государства, к которому обращена просьба о выдаче. Однако, во всех случаях не обладают качествами политического преступления следующие деяния: а) международные преступления; б) деяния, являющиеся экстрадиционными по многосторонним договорам по борьбе с отдельными видами уголовных преступлений².

Вторая половина XIX столетия на европейском континенте характеризуется активизацией процессов интеграции экономической и политической жизни различных государств, которые возникают на основе ускоренной капитализации экономики и взаимопроникновения национальных рынков.

Этот процесс сближения закреплялся в основные соглашения - союзы, хартии, формирующие общие и постоянные связи. В этих случаях устанавливалась международная регламентация совместной деятельности вместо прежних многочисленных и часто противоречивых национальных регламентаций.

Но это движение, свидетельствующее о солидарности различных государств и народов, слабо затрагивало область уголовного права и в первую очередь проблемы борьбы с преступностью.

В рассматриваемый период преступность не знала ни расстояний, ни границ; она стремилась интернационализироваться в своих средствах и

---

¹ Сб. международных договоров СССР. Вып. XXXVII. М., 1984. С. 90-95.

² *Галенская Л.Н.* Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью. Л., 1978. С. 22.

своих последствиях. Как в области общеуголовной, так и политической преступности появлялись международные преступные организации, распространившие свою деятельность на ряд государств. Борьба с этими сообществами, предпринимаемая отдельными странами, в большинстве случаев оказывалась безуспешной вследствие определенных трудностей международных полицейских сношений, отсутствия единой организации розыска, несогласованности правил о выдаче, об определении отдельных преступных деяний, подсудности и т.д.

Всеобщую опасность в это время представляла политическая преступность, основной формой проявления которой был политический террор.

Различные политические движения исторически обусловлены, возникают и формируются на базе существующих социальных условий. В 50 – 60-е гг. XIX века в странах Европы начались прогрессивные преобразования, что породило недовольство и консерваторов, противившихся любым социальным и политическим переменам, и социал-демократов, революционеров, не желавших стране благополучия из рук монарха, и либералов, разочарованных темпами реформ, принимавших осмотрительность властей за нерешительность. Реформы не только привели к существенным положительным переменам, но и способствовали росту преступности, появлению невиданному ранее числу сторонников скорейших революционных перемен¹.

Через всю историю народов рядом со стихийными, массовыми выступлениями против угнетения шла другая, нередко бессознательная, но непрерывная и непримиримая борьба путем заговоров и политических убийств. С каждым столетием террористическая борьба становилась все активнее, и

---

¹ Государственный архив Российской Федерации, ф. 102 (Особый отдел департамента полиции), оп. 231, д. 1075, л. 80; там же, оп. 237, д. 489, л. 4; Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие 1855 - 1880 гг. Спб., 1880. С.4; *Дашкевич Л.В.* Наше Министерство внутренних дел. Берлин, 1895. С.17-20; *Гредескул Н.А.* Террор и охрана. Спб., 1912. С. 11; *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 14, 34; *Лурье Ф.М.* Индивидуальный политический террор: что это? // Индивидуальный политический террор в России XIX - начало XX в. М., 1996. С. 125-127.

никогда попытки убийства государственных деятелей не были так часты, как во второй половине XIX века.

Покушение на жизнь герцога Моденского, попытка убийства принца Прусского, покушение на жизнь императрицы Виктории, нанесение тяжелой раны императору Францу Иосифу, покушение на жизнь Виктора Эммануила, убийство Фердинанда III Пармского, покушение на жизнь Испанской королевы, удар штыком Фердинанда Неаполитанского, выстрел в королеву Греции, убийство князя Михаила Сербского, покушение на жизнь (впоследствии убийство) короля Италии Гумберта, четыре покушения на жизнь Вильгельма, шесть попыток убийства Наполеона III и шесть покушений на жизнь (затем убийство) Александра II - такова статистика террористических актов в рассматриваемый период¹.

Размах революционной террористической активности и значимости мишеней их атак вряд ли уступал активности современных террористов. Только в 1892 году в Европе было осуществлено около 1000 взрывов, а в США - около 500².

Почти все капиталистические страны в той или иной мере были охвачены политическим терроризмом. Россия в этом ряду занимала особое место.

Во-первых, создавая полицейско-бюрократическое государство, Петр I одновременно открыл европейской культуре доступ в Россию. Уже во второй половине XVIII века просвещенным русским дворянам пришлось начать борьбу за элементарные права, которые в европейских государствах давно стали обыденными. Западные монархии заменялись республиками или ограничивались конституциями, а российское самодержавие продолжало проявлять агрессивность в отношении лиц, стремившихся к политическим и экономическим преобразованиям. Стеснение свобод приводило к попыткам обойти закон, порождало недовольство властями.

Во-вторых, социал-демократическое движение в России имело ряд особенностей, несвойственных другим странам. Эти особенности являлись

¹ *Морозов Н.* Террористическая борьба. Лондон, 1880. С. 12; *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Мысль, 1990. С. 394.

² *Витюк В.В., Эфиров С.А.* "Левый" терроризм на Западе: история и современность. М.: Наука, 1987. С. 49.

следствием того, что русские революционеры осуществляли и возводили в систему такие действия, которые не имели отношения к политической деятельности, какой она понималась представителями европейской социал-демократии. Например:

- многие революционные деятели России проживали под чужими именами, прибегая для этого к подделке документов;

- тайные типографии устраивались путем кражи из частных типографий шрифта и других принадлежностей;

- в первое десятилетие XX века деятельность основных революционных организаций - РСДРП, Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше, России (Бунд), эсеров осложнялась еще более тяжкими преступлениями, которые выражались в покушениях на убийство, убийствах частных лиц, признаваемых революционерами за агентов полиции¹.

Таким образом, русские революционные деятели, стремясь к свержению самодержавия, часто оказывались преступниками с точки зрения права каждой цивилизованной страны.

Примеры организации массового террора имели место еще накануне и в ходе восстания в Царстве Польском, где убивали солдат, чиновников, еще больше гибли при этом случайных жертв - мирных жителей. За 1859 - 1863 годы было совершено свыше 5 тысяч убийств².

Однако систематический революционный террор в России имел два достаточно выраженных пика: рубеж 1870 - 1880-х гг. XIX века и начало XX века. На рубеже 70 - 80-х гг. преобладали террористические акты, организованные "Народной волей", направленные против высших государственных чинов, и в первую очередь против императора³.

---

¹ ГАРФ, ф. 102, оп. 232, д. 17 а, л. 32.

² Керсновский А.А. История русской армии: В 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 196.

³ Малиновский А. Кровавая месть и смертные казни. Кн. 33. Томск, 1909. Вып. 1. С.17; Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. М., 1912. С. 11-19; Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX в.) // Индивидуальный политический террор в России XIX - начала XX века. М., 1996. С. 33.

Новая эра политического террора начинается в начале XX века: она открывается убийством министра народного просвещения Боголепова в 1901 году. После этого случаи террористических актов становятся все более частыми, особенно в 1905 - 1908 гг. Террор в этот период был делом многих политических партий. Он направлялся против правительства вообще. Его жертвами становятся: члены Императорского двора, министры и члены Государственного Совета, генерал-губернаторы и их помощники, губернаторы и градоначальники, воинские чины всех уровней, судьи и прокуроры - военные и гражданские, чины тюремного ведомства, чины жандармской и общей полиции - приставы, урядники, околоточные, городовые, стражники и т.д.¹

Это подтверждает статистика террористических актов за апрель и май 1905 года²:

Перечень чинов, подвергавшихся террору	Убито, чел	Ранено, чел.	Неуд. покушения, чел.
Губернаторы	1	1	
Полицмейстеры и их помощники		4	
Начальники охранных отделений	1	1	
Жандармские офицеры	1	1	
Приставы и их помощники	2	9	4
Околоточные и полицейские чиновники	4	11	3
Городовые	10	11	3
Жандармы и сыщики	6	2	
Урядники, стражники, караульные	6	7	
Казачи	4	3	
Фабриканты, управляющие, мастера	2	8	
Различные начальствующие лица	4	3	2
ВСЕГО	42	60	12

¹ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 6-15; Малиновский А. Указ.соч. С. 19; Леонов М.И. Указ. соч. С. 33-40.

² Право. 1905. № 24. С. 2914-2915.

По неполным данным, с февраля по май 1906 года террористы убили и тяжело ранили 1421 человека, а по статистике департамента полиции в 1907 году неустановленными лицами было совершено 3487 террористических актов - в подавляющем большинстве против рядовых служащих государственного аппарата¹.

Основной целью деятельности террористических организаций Европы, России в рассматриваемый период была дезорганизация правительств посредством террористической борьбы с ними: возбудить революционное настроение в обществе, а также месть². Так, газета французских анархистов "Революционное действие" от 20 марта 1887 года призывала: "Смело приемся за дело... огнем, кинжалом, ядом, чтобы каждый удар, нанесенный в социальное тело буржуазии, проделал в нем глубокую рану"³.

Испанские революционеры во второй половине 70-х - начале 80-х годов, приняв "Программу осуществления немедленного действия", в ряде районов страны осуществили серию взрывов и поджогов⁴.

В одной из первых политических прокламаций - "Молодая Россия", выпущенной в 1862 году, содержится призыв беспощадно всеми способами истреблять врагов народа. "Бей, не жалея... Бей на площадях, в домах... Бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам"⁵.

¹ ГАРФ, ф. 102, оп. 1907, д. 80, т.1, л. 18-20.

² ГАРФ, ф. 102, оп. 232, д. 17 а, л. 14; *Малиновский А.* Указ. соч. С. 20-27; *Былое.* 1906. № 6. С.121; *Набоков В.* Отмена смертной казни // *Право.* 1906. № 21. С. 1902.; *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866 - 1882 гг. М.: Мысль, 1978. С. 147-148; *Витюк В.В., Эфиров С.А.* Указ. соч. С. 43-63; *Морозов Н.* Указ.соч. С. 10; *Засулич В.И.* Воспоминания. М., 1931. С. 57; *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России: 1783 - 1883 гг. М., 1986. С. 206; *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 33-34; *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х - начала 90-х годов). М., 1970. С. 8-10; *Достоевский Ф.М.* Бесы: Роман в трех частях / Авт. вступ. ст. Б.Н. Тарасов. М., 1993.С. 5-8.

³ Цит. по кн.: *Витюк В.В., Эфиров С.А.* Указ. соч. С.51.

⁴ Цит. по кн.: *Витюк В.В., Эфиров С.А.* Указ. соч. С.55.

⁵ Цит. по кн.: *Малиновский А.* Указ. соч. С.17.

В программе "Народной Воли", изданной в 1892 году, деятельность организации определялась следующим образом: "террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионов, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т.д. имеет своей целью главным образом самозащиту. Но в то же время террористические акты могут подрывать обаяние правительственной силы, давать непрерывные доказательства возможности борьбы против правительства, поднимать, наконец, революционный дух народа и веру в успех дела и формировать годные и привычные к бою силы"¹.

Самым значительным проявлением "левого" терроризма в России была деятельность Комитета "Народной Расправы" под руководством С.Нечаева. В "Катехизисе революционера" он последовательно декларировал, что революционер "живет в обществе, имея целью лишь беспощадное его разрушение"².

В числе основных задач партии социалистов-революционеров в начале XX века была "организация боевых дружин для самообороны и вооруженного восстания и террористических актов, как средство поднять настроение в оппозиционных кругах населения и вместе с тем дезорганизовать врага"³.

---

¹ Цит по кн.: Революционное движение в России в докладах министра Муравьева с предисловием Л. Мартова. Спб.: "Летописец", 1906. С.23-24; см. также: Процесс 16-ти террористов, 1880. Спб., 1906. С. 226-228; "Программа Народной партии" (Приложение к статье Н.Сергиевского "Народничество 80-х годов"): Историко-революционный сб. / Под ред. В.И.Невского. М.; Л., 1926. Кн.3. С.185; Троицкий А.Н. "Народная Воля" и ее "красный террор" // Индивидуальный политический террор в России XIX - начала XX в. М., 1996. С. 18; Кан Г.С. Идейные "еретеки" "Народной Воли". Там же. С.24.

² Цит. по: Ковалевский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. М., 1923. Кн. 1. С. 38. См. также: Баум Я.Д. Указ. соч. С. 136; Малиновский А. Указ. соч. С.18.

³ ГАРФ, ф. 102, оп. 232, д. 17а, л. 14; Кузьминский. Участие русских в революционном движении // Право. 1906. № 8. С. 700.

Таковы были официальные взгляды революционеров на террор, отраженные в их программах и резолюциях.

Такие же суждения высказывали частным образом и отдельные члены революционных организаций. Один из членов партии социалистов-революционеров говорил о терроре: "При современных русских порядках и той фазе развития, в которой ныне находится дело революции, насильственно-революционная борьба, ведомая террористическими организациями и боевыми дружинами, необходима уже потому, что является тем единственным средством, которое способно сделать из народных волнений, манифестаций и демонстраций - первую ступень к всеобщему народному восстанию"¹.

Социально-политические изменения и противоречия в Европе второй половины XIX века: незавершенность капиталистических преобразований, активная борьба между сторонниками монархии и республики, многочисленные акты государственного и индивидуального политического террора, активизация революционного движения, проявление организованной политической преступности практически во всех странах, превращаясь в серьезное препятствие на пути их социально-политического, экономического и культурного развития, - указывали на необходимость тесного сотрудничества российских и зарубежных правоохранительных органов.

Одним из основных условий эффективности этого взаимодействия являлось организационно-правовое обеспечение как на международном, так и на внутригосударственном уровне. Это обеспечение сотрудничества состояло из двух компонентов: международно-правового и национально-правового.

Международно-правовой компонент включал в себя международные договоры (межгосударственные и межправительственные), в которых регулировались те или иные вопросы, относящиеся к области борьбы с политической преступностью.

---

¹ Хилков Д. Террор и массовая борьба. Типография партии социалистов-революционеров, 1904. С.40.

Основу таких договоров составляли конвенции, трактаты о выдаче (экстрадиции) политических преступников, их преследовании и наказании, мерах борьбы с анархо-революционным движением.

Впервые конвенцию, в которой предусматривалась выдача политических преступников, Россия заключила со Швецией 20 ноября 1810 года, действие которой было продолжено в 1834, 1840, 1846, 1852 и 1860 гг. Под преступниками в них подразумевались все лица, которые в том или другом из договаривающихся государств осуждены судебным приговором за преступление, проступок или нарушение законов¹.

7 (19) ноября 1833 года Россия заключила известную Мюнхенгрецкую конвенцию о выдаче политических преступников с Австрией. Этот договор явился непосредственным результатом Польского восстания 1830 года. Его основу составили следующие положения:

1) солидарность двух держав в сохранении спокойствия в польских владениях;

2) общность прав и интересов, т.е. обязанность выдавать преступников, обвиняемых в посягательстве на верховные права монархов и существующий порядок².

В связи с этим договором находилась конвенция, заключенная 4 января 1834 года между Россией, Австрией и Пруссией о праве на взаимную выдачу и помощь против бунтовщиков и нарушителей установленного порядка.

Необходимо отметить, что этот договор не был обнародован в России, а был только опубликован манифест 6 февраля 1834 года о взаимной выдаче политических преступников на основании трехстороннего соглашения России, Австрии и Пруссии. В манифесте было сказано, что "желая укрепить связи искренней дружбы и доброго соседства... никто из оказавшихся в областях одной из 3-х держав, т.е. России, Австрии и Пруссии, виновным в государственной измене, оскорблении Величества, вооруженном

¹ Штиглиц А. Указ. соч. С.88; Вербловский Г.Л. Указ. соч. С.36.

² Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций. Т. IV. Ч. I. № 136.

бунте, или же из злоумышлявших против престола и правительства, не будет иметь ни защиты, ни убежища в областях двух других держав"¹. Все три государства обязаны были выдать каждого, изобличенного в вышеназванных преступлениях.

3 октября 1860 года было заключено соглашение между Россией и Австрией, устанавливающее взаимность в наказаниях за политические преступления, совершаемые в пределах одного государства против безопасности другого².

Напуганные размахом революционного движения в Польше, правительства России и Австрии 8 февраля 1863 года приняли конвенцию о преследовании польских повстанцев на территории Польши русскими и прусскими войсками³.

После 1864 года - преобразования российского судопроизводства на европейских началах, ряд государств начали давать согласие на заключение с Россией картельных конвенций.

Первым европейским государством, заключившим с Россией такой договор, было Королевство Дания. Статья третья этой конвенции перечисляет девять видов чисто уголовных деяний. Вопрос о политических преступлениях в этом соглашении совершенно не затрагивался. Здесь впервые российское правительство молчаливо согласилось подписать договор, на основании которого предъявить требование о выдаче политического преступника было нельзя. Однако по этому договору предъявление требования на выдачу за политические убийства было обеспечено. Так как лица, виновные в убийстве и умерщвлении (п.1, ст.3), выдаются. Характер же убийства в этой конвенции не оговаривался⁴.

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи. 1834. № 6780.

² Там же. 1860. № 38786.

³ Архив внешней политики Российской империи, ф. 162 а, оп. 460, д.1016, л.1-4.

⁴ *Александренко В.Н.* Собрание важнейших трактатов, конвенций. Варшава, 1906. С.425-429.

На следующий год (19 апреля 1867 г.) была заключена Конвенция о взаимной выдаче преступников с Голландией. В этом договоре умолчать о политических преступлениях, видимо, было нельзя. В ст.6 российское правительство признавало право на убежище для политических преступников: "Преступления и проступки политические исключаются из настоящей конвенции"¹.

Однако особое место как в этом соглашении, так и последующих занимало положение, связанное с покушением на особу монарха "... в отношении применения настоящей статьи само собою разумеется, что не будет признаваемо за политический проступок, или за действие, состоящее в связи с таковым проступком, покушение против особы иностранного государя, или против особы кого-либо из членов его дома, если это покушение составляет убийство, отравление или умерщвление². Впервые это положение было принято в бельгийском законе 1856 года³.

Так, до 1881 года в числе общепризнанных норм международного права значился и принцип невыдачи политических преступников.

Однако после убийства Императора Александра II (1 марта 1881 г.) Россия, надеясь максимально стеснить право политического убежища для русских революционеров, по указанию Александра III приступила к соответствующим дипломатическим переговорам с иностранными прави-

¹ АВПРИ, ф.155, оп. 269 (1867 г.), д. 495, л.144.

² АВПРИ, там же, л.146.

³ Закон был издан по случаю покушения некоего Жакэна, французского эмигранта в Бельгии, взорвать на железной дороге, между Лилем и Калэ, тот поезд, на котором ехал Наполеон III. Жакэн был арестован, но требование французского правительства о его выдаче удовлетворено не было, так как брюссельский суд нашел, что Жакэн совершил политическое преступление. Тогда бельгийское правительство, исходя из того соображения, что жизнь государя не может быть менее обезопасена от преступных посягательств, чем жизнь каждого частного лица, решило внести в палаты проект закона, который был принят и гласил, что "посягательство на жизнь главы иностранного государства, или членов его семейства, выразившееся в убийстве, умерщвлении или отравлении, не считается политическим преступлением". Цит. по: *Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Спб., 1904. Т.1. С.455.*

тельствами¹. Секретные дипломатические переговоры с последними велись Министерством иностранных дел при активном участии и представителей Министерства внутренних дел в течение 1881 - 1882 г. По итогам этих переговоров были заключены двухсторонние договоры о взаимной выдаче политических преступников, покушавшихся на жизнь правителей и членов их семей с Бельгией (1881 г.), Монако (1883 г.), Германией, Австро-Венгрией, Румынией (1885 г.), Португалией (1887 г.), Люксембургом (1892 г.), США (1893 г.), Японией и Болгарией (1911 г.).

19 сентября 1885 года Российское и Королевско-Баварское правительства заключили соглашение, в котором постановлялось, что "если преступление или проступок, по поводу которых требуется выдача, были совершены с политической целью, то это обстоятельство ни в каком случае не может служить основанием к отказу в выдаче"².

Такого же содержания был и договор, заключенный между Россией и Испанией 11 апреля 1888 года, где в статье 4 подчеркивалось, что преступные деяния, совершенные с политической целью, не могут служить причиной отказа в выдаче³.

Важным событием в укреплении международного сотрудничества правоохранительных органов явилось подписание секретного протокола 1 (14) марта 1904 года в Санкт-Петербурге представителями правительств Германии, Австро-Венгрии, Дании, Румынии, России, Сербии, Швеции, Норвегии, Турции и Болгарии по поводу международных мероприятий

¹ По данным департамента полиции, в различных странах Европы в это время насчитывалось до 20 тысяч политических эмигрантов [Записки С.Сватикова и документы заграничной агентуры // Заграничная агентура департамента полиции. М., 1941. С.5; Мулукаев Р.С. Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер. М., 1976. С.25].

² Сборник конвенций о выдаче преступников, о непосредственных сношениях русских судебных учреждений с таковыми же германскими и австрийскими и о наследствах. Спб.: Изд-во Мин. юстиции, 1888. С. 80.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1888 г. № 65. Ст. 4.

против преступлений анархистов. Основные положения данного акта таковы:

1) Каждый анархист, высылаемый из одной из договаривающихся стран, должен быть сопровождал кратчайшим путем в страну, подданым которой он состоял.

2) В каждой стране создавалось Центральное полицейское бюро, которое должно было собирать сведения об анархистах, а также об их деяниях.

3) Правительству каждой страны принадлежало право решать, каким способом компетентные органы должны были доставлять в Центральное полицейское бюро нужные сведения на анархистов, находившихся на их территории, а также об их действиях.

4) Каждое Центральное бюро должно было уведомлять бюро договорившихся стран:

а) ... о высылке;

б) ... о добровольном выезде анархиста, который находился на его территории.

5) Центральное бюро обязано было сообщать без промедления во все бюро договорившихся стран все имеющиеся сведения о преступных заговорах, имеющих анархический характер.

6) Каждое Центральное бюро обязано было сообщать во все другие бюро в течение 6 месяцев все сведения, касающиеся значительных событий, которые имели отношение к анархическому движению и произошедших в его районе¹.

По предложению российского правительства акту 1/14 марта было придано расширенное толкование в применении его не только к анархистам, но и к революционным деятелям других категорий².

¹ Записки С. Сватикова и документы заграничной агентуры // Заграничная агентура департамента полиции. М., 1941. С.104-106.

² Там же. С.108.

Национально-правовая база сотрудничества российских и зарубежных правоохранительных органов в борьбе с политической преступностью строилась, в основном, по принципу взаимности. Так, в соответствии со статьей 260 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., законодатель отмечал: "В случае учинения одного из означенных выше сего в ст. 241, 242, 243 (преступления против Священной Особы Государя Императора и Членов Императорского Дома) 249, 250 и 253 (бунт против Власти Верховной) преступлений против иностранного государства, с которым, на основании трактатов, или обнародованных о том узаконений, поставлена надлежащая в сем отношении обоюдная взаимность, или же против верховной того государства власти, виновные, буде к сему не присоединяется и преступление, подлежащее другому более тяжкому наказанию, приговариваются: к лишению всех особенных прав и к ссылке на житье в Сибирь или к отдаче в исправительно-арестанские отделения..."¹.

Статья 13 Уголовного уложения 1903 г. предусматривает: "Иностранец, учинивший тяжкое преступление или преступление вне пределов России, если не был за то преступное деяние в России осужден, оправдан или освобожден от наказания в установленном порядке, подлежит выдаче согласно договору, заключенному с государством, требующим выдачи обвиняемого, или установившейся в этом отношении с сим государством взаимности"².

Анализ данной статьи показывает:

1) Что субъектом преступлений, совершенных на чужой территории против иностранного государства, мог быть не только русский подданный, но и иностранец, так как в статье говорилось "в случае учинения одного из ...", не указывая кем именно.

2) Объектом преступлений могли быть только те иностранные государства, или верховная их власть, с которыми "поставлена надлежащая в

¹ Свод Законов уголовных. Часть первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885г. Спб., 1885. С.59.

² Уголовное уложение. Спб., 1903. С.7.

сем отношении обоюдная взаимность". Политические преступления, совершенные против государств, с которыми Россия не заключала договора, или о которых "не обнародовано никаких узаконений", в России были не наказуемы.

3) Не все политические преступления, указанные в III разделе Уложения, были в России наказуемы, даже если бы они были направлены против государств или их верховной власти, с которыми была установлена взаимность, так как статьями 241, 243, 249, 250 и 253 не были исчерпаны все политические преступления. Так, за деяния, обозначенные в ст. 244 (против наследника престола) и ст. 255 (против российского государства и против верховной власти), влекли за собой серьезные уголовные наказания, в России не были наказуемы, если они были совершены против иностранного государства.

4) За политические преступления, обозначенные в ст. 260, виновные подвергались только исправительным наказаниям (лишение всех особых прав и ссылка), следовательно, российское законодательство смотрело снисходительнее на указанные преступления, направленные против иностранных государств.

В соответствии со ст. 173, 174 Уложения круг наказуемых политических преступлений, которые могли быть совершаемы русским подданным за границей, различен, в зависимости от того, против кого они направлены. Этот круг шире по отношению к России, так как ст. 173 говорит о преступлениях, учиненных против державной власти или целостности, безопасности, или благосостояния России. По отношению к иностранному государству, в котором русский подданный пребывал, объем преступных действий становится уже, так как ст. 174 говорит только о преступлениях верховной того государства власти¹.

Не изменяется позиция России в этом отношении и в национальном законе о выдаче преступников по требованию иностранных государств от

---

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Ст. 173, 174. С.35.

15 декабря 1911 года, где подчеркивалось: "Иностранец, учинивший вне пределов России преступное деяние, влекущее за собой по уголовным законам как России, так и государства, требующего выдачи, наказание не ниже заключения в тюрьме, подлежит выдаче согласно договору, заключенному с государством, требующим выдачи, или установившейся в этом отношении с этим государством взаимности. Выдача может последовать на началах взаимности за указанные деяния, даже если они не были предусмотрены в договоре, заключенном с государством, требующим таковой"¹.

Более того, в этом акте отмечалось: "Выдача при условиях, указанных в ст. 852, допускается и в случаях, когда преступное деяние было вызвано политическими побуждениями, или было совершено совместно с преступным деянием, именуемым в международных договорах политическими"².

Россия учитывала карательный опыт европейских правительств. Зарубежные Уложения служили царскому самодержавию как бы своеобразным ориентиром, по которому следовало определять наказания. Так, за "насильственное посягательство, имеющее целью изменить государственное устройство, форму правления или порядок наследования престола", которое в России по ст. 241 и 249 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. каралось смертной казнью, в Германии полагалось пожизненное заключение, в Италии - заточение в крепость на 21 - 23 года, во Франции - ссылка в укрепленную местность без указания срока³.

16 июля 1858 года Государственный Совет Российской Империи утвердил меры наказания за преступления против безопасности дружественных России держав. Лица, совершившие подобные деяния, осуждались

---

¹ Собрание Узаконений и распоряжений правительства за 1911 г. №4. Ст.852. (Данный закон дополнил раздел 4 книги 2 Устава уголовного судопроизводства гл. 12 "О выдаче преступников по требованиям иностранных государств").

² Собр. Узак... за 1911 г. №4. Ст. 852.

³ Российский государственный исторический архив, ф. 908, оп. 1, д. 331, л. 80-83.

к ссылке, наказанию розгами, направлению в арестанские роты на срок до четырех лет¹.

Таким образом, широкое развитие международных отношений во второй половине XIX века, затронувших различные стороны жизни отдельных государств, не могло не коснуться и правоохранительной деятельности последних, направленных на борьбу с возрастающей преступностью, особенно политической, и на защиту правового строя не только внутригосударственного, но и международного.

Социально-экономические реформы, проводимые в странах Запада и России, вызывали недовольство различных слоев общества - от консерваторов до либералов. Ответом на осторожно осуществляемые преобразования был рост революционного движения, которое одним из главных средств борьбы с существующими порядками использовало террор, как основную форму политической преступности.

Отсутствие единства взглядов как юристов международников, так и законодателей различных государств на понятие политического преступления, не позволяло в полной мере организовать борьбу с этой международной опасностью.

Анализ национальных законодательств и первых международных нормативных актов, направленных на предупреждение и борьбу с политическими деяниями в рассматриваемый период показывает, что как Россия, так и другие государства, обозначая пределы действия своих уголовных законов, не ограничивались только преследованием преступлений, направленных против их прав и интересов или прав и интересов их подданных, но и брали под свою защиту также права и интересы других держав и иностранных граждан.

В преследовании политических преступников Россия пошла дальше других держав, законодательно закрепив их наказание и выдачу.

---

¹ Никольский Д. П. Указ. соч. С. 109.

§2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Россия и европейские государства во 2-й половине XIX в. вынуждены были решать немало сходных проблем, связанных с ростом преступности. Расширение международных связей, упрощение пограничных режимов, строительство железных дорог этому способствовали.

Деятельность правоохранительных систем многих государств мира в рассматриваемый период начинала принимать формы тесного сотрудничества, причем, на рубеже веков предпринимались интенсивные усилия для его расширения и укрепления. И это было вполне закономерно: преступность, особенно политическая, все более приобретала международный характер.

Устанавливающиеся международные правоохранительные контакты рассматривались как составная часть процесса широкого сотрудничества по вопросам сохранения и защиты социально-экономических устоев государств, среди которых выработка эффективной стратегии и тактики борьбы с политической преступностью занимала одно из главных мест.

В рассматриваемый период выделялись следующие основные направления взаимодействия правоохранительных органов России с другими странами:

Во-первых, выработка общих подходов в борьбе с политической преступностью.

Сразу же после подавления Польского восстания 1863 года царское правительство совместно с европейскими государствами предприняло решительные меры для наказания участников восстания и пресечения в дальнейшем подобных действий.

Так, по указанию Российского Императора Министерство внутренних дел совместно с Министерством иностранных дел 11 сентября 1863 года объявило через посредство Российских миссий в Европе, что проживающие за границей уроженцы Западных губерний польского происхождения обя-

заны возвратиться в отечество к сроку, обозначенному в выданных им заграничных паспортах. В противном случае, на имущество тех из них, которые не возвратятся, будет наложен секвестр¹.

Вследствие отношения заместителя Министра иностранных дел Вестмана к министру внутренних дел Валуеву от 17 ноября 1866 года департамент исполнительной полиции препроводил в департамент внутренних сношений 61 экземпляр циркулярных предложений начальникам губерний о воспрещении въезда в пределы Империи и Царства Польского 70-ти политическим преступникам из иностранных подданных, с приложением описания их примет².

Вестман по этому поводу отмечал: "Некоторые из иностранцев, которые были приговорены в России к наказаниям за участие в смутах в Царстве Польском, отправлены уже за границу с воспрещением им навсегда возврата в Империю и Царство Польское. Для предупреждения приезда означенных политических преступников в наши пределы следует дать императорским миссиям и консульствам в чужих краях предписание о невыдаче им паспортов на возврат в Россию"³.

Так, секретный циркуляр Министерства внутренних дел от 27 октября 1865 года № 151 гласил "По конфирмации Главного начальника Северо-Западного края, прусский подданный Ян Знанецкий, виновный в отводе в шайку мятежников свинца, по приказанию эконома имения Бержан - графа Чапского, как иностранец, высылается в Пруссию с воспрещением ему, на будущее время, возвращаться в Северо-Западный край"⁴.

А прусские подданные Антон Внуковской и Генрих Беме за участие в Польском восстании были высланы из Царства Польского и приговорены соответственно к 1 и 3-летнему содержанию в Орловской арестанской роте.

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 264 (1863 г.), д. 114, л.1. В Лондонской газете "Times" от 7 октября было напечатано объявление об этом от имени российского генерального консульства. л.7-8.

² АВПРИ, ф.155, оп. 267 (1866 г.), д. 324, л.1.

³ Там же. Л.2.

⁴ АВПРИ, ф. 155, оп. 267 (1866 г.), д. 324, л.5.

На просьбу прусского посланника в Санкт-Петербурге о помиловании их, Министерство внутренних дел не возражало против их высылки за границу с воспрещением навсегда въезда в пределы Империи и Царства Польского, но чтобы высылка последовала не ранее, как по окончании определенных им сроков содержания в арестанской роте согласно 2 п. 3 ст. Конвенции о взаимной выдаче дезертиров и беглых заключенных между Россией и Пруссией от 27 июля / 8 августа 1857 г.¹

Такое же решение было принято и в отношении прусского подданного - бывшего графа Бруно фон Домбского².

Однако российское правительство понимало, что одной строгостью уголовных законов невозможно обеспечить общественный порядок. В циркуляре Министерства внутренних дел от 2 мая 1867 г. № 92 отмечалось "...разрешено политических преступников из иностранных подданных, осужденных с лишением всех прав и преимуществ, к заключению на сроки в исправительно-арестанских ротах, и на водворение в Сибирь без временно-го содержания в ротах, возвратить на родину.

Меру эту применять не прежде, как по истечении срока заключения, а к остальным ныне же"³.

А 17 мая 1867 года Александр II издает Указ "О лицах, прикосновенных к делам политического свойства, касающихся последнего Польского мятежа", в котором отмечалось, что:

1) Все дела политического свойства, касающихся последнего восстания и беспорядков, имевших отношения к нему, не законченные еще производством, как в Следственных комиссиях, так и в судебных местах - если лица, причастные к этим делам, не обвинялись кроме того в особых уголовных преступлениях как: в убийстве, поджоге и т.п. - прекращались, а все обвиняемые освобождались от следствия и суда.

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 241, д. 39, л.1,5; там же, д. 59, л.1, 4.

² Там же. Д. 61, л.12.

³ См.: Мыш М.И. Об иностранцах в России. С.336-337.

2) Новые дела, которые могли возникнуть по обвинениям к принадлежности к бывшему мятежу или политическим беспорядкам, не начинать и подвергшихся подобным обвинениям, если они не обвиняются кроме того в особых уголовных делах, оставить без преследования.

3) Уроженцам Царства Польского, высланным по случаю политических беспорядков в разные места Империи в административном порядке, и если они местным начальством в поведении одобрены, дозволить возвратиться на родину¹.

Однако положения данного Указа не распространялись на участников политического восстания, которые после его подавления бежали за границу, так как они совершили особое преступление, предусмотренное ст.ст. 325-328 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 1866 г.²

Проблемы, связанные с Польским восстанием, еще длительное время беспокоили Россию. Так, в 1877 году австрийской полицией были задержаны в Лемберге (Австрия) несколько членов находящегося в Женеве революционного комитета, прибывших в Галицию с намерением сформировать повстанческие отряды и направить их в Молдавию для нападения с тыла на российские войска³.

Варшавский генерал-губернатор в секретном отношении министру внутренних дел от 21 сентября 1877 г. № 200 подтвердил, что в Галиции существует деятельная польская агитация, которая употребляет все средства, чтобы организовать беспорядки в подвластных России польских населенных пунктах⁴.

Любопытно, что революционная агитация в Галиции поддерживалась благодаря оказываемой ей извне денежной помощи - 20 тысяч фунтов стерлингов, присланных из Лондона⁵.

¹ АВПРИ, ф.155, оп.268 (1867 г.), д.480, л.1.

² Там же, л.2.

³ АВПРИ, ф.155, оп.241 (1877 г.), д.6, л.1.

⁴ Там же. Л.56.

⁵ АВПРИ, ф.155, оп.268 (1867 г.), д.480, л.59.

Представляется важным также то, что, несмотря на российско-австрийское соглашение 1863 г. о преследовании польских повстанцев, Австрия проявляла непоследовательность в этом вопросе. Так, российский посланник в Берне тайный советник Озеров секретной депешей информировал Министерство иностранных дел и 3-е Отделение собственной его императорского величества канцелярии о том, что австрийская миссия в Швейцарии снабжала польских выходцев паспортами на проезд в Галицию на основании удостоверений местной полиции, выражая опасения, что эти лица могли под вымышленными именами получить визу и на въезд в Россию¹. Тем самым Австрия пыталась ослабить влияние России в Царстве Польском и социальный порядок в обществе.

Ярким проявлением солидарности европейских государств и США явилось объединение совместных усилий в борьбе с Парижской коммуной и I Интернационалом. Временно забыв о существующих между ними противоречиях, они объединились перед лицом революционной опасности, чтобы:

- 1) не допустить распространения идей Коммуны;
- 2) преградить путь коммунарам во все европейские страны;
- 3) покончить с революционным движением в Европе и его организационным центром - I Интернационалом;
- 4) создать международный полицейский интернационал, который стал бы центром мировой реакции против революционного движения пролетариата².

Французский министр иностранных дел Жюль Фавр составил и 6 июня 1871 года разослал всем европейским державам обширный циркуляр о грозившей миру опасности от "Международного товарищества рабочих" -

¹ АВПРИ, ф.155, оп.241 (1868 г.). д.15, л.1.

² *Басиля Ш.К.* К вопросу об отношении царского правительства к Парижской коммуне. Сухуми, 1954. С.91; *Мулукаев Р.С.* Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер. М., 1976. С.16.

I Интернационала; циркуляр призывал все государства объединиться для борьбы с этим опасным сообществом¹.

Журналист "Московских ведомостей" Катков так оценивал обращение главы иностранного ведомства Франции ко всем европейским державам: "Законность выраженного в этом циркуляре требования была очевидна каждому. Нельзя было представить себе, чтобы виновники злодеяний, возмущающих всякое человеческое чувство, могли рассчитывать на чье-либо покровительство. Общественное мнение всего цивилизованного мира не могло иначе смотреть на них, как на преступников, равно ответственных перед законом всех стран начал общественной нравственности"².

Опасность усиления революционного движения побудила 3-е Отделение собственной его императорского величества канцелярии с первых дней парижских событий установить контроль над всеми формами связи между Россией и Францией, а также всей Европой. Одновременно оно стремилось выяснить, кто из русских революционеров-эмигрантов принимал участие в Коммуне, с кем из коммунаров они поддерживали наиболее тесные связи³.

13 марта 1871 года был разослан секретный циркуляр за подписью шефа жандармов Шувалова, в котором подчеркивалось: "Ввиду происходящей в Европе смуты и возможного возникновения разных толков по сему прискорбному поводу среди части населения, увлеченной крамольной агитацией, всем жандармским управлениям усилить надзор за неблагонадежными элементами страны и следить за настроением разных кругов общества, донося обо всем 3-му Отделению"⁴.

Для получения достоверной информации из Парижа Шувалов обратился к помощи видного чиновника прусской полиции Штибера, который

¹ Сб. документов "Царская дипломатия и Парижская коммуна 1871 года" / Под ред. Ц.Фридлянда. М.; Л., 1933. С.176; *Манфред А.З.* Внешняя политика Франции. 1871-1891. М., 1952. С.32.

² Московские ведомости. №111. 1871. 26 мая.

³ *Кантор Р.* Царская охранка и Парижская коммуна // Прожектор. 1928. №12. С.6-7; *Мулукаев Р.С.* Указ.соч. С.15.

⁴ *Кантор Р.* Указ. соч. С.6.; *Басилая Ш.* Указ. соч. С.115-116.

за 1000 марок в месяц доставлял 3-му Отделению сведения о связях парижских коммунаров с революционерами России и других европейских государств¹.

После разгрома Парижской коммуны руководители европейских государств, желая упрочить победу в борьбе с революционным движением пролетариата, решили объединить усилия в борьбе с I Интернационалом, который насчитывал в своих рядах до 3 миллионов членов в Европе. С этой целью Александр II выступил с предложением создать международный "полицейский интернационал", чтобы воспрепятствовать росту значения социального вопроса.

О конкретных мерах, принятых в этом направлении российским правительством, видно из докладов заместителя министра иностранных дел Вестмана Александру II 16 июня 1871 года и канцлеру А.М.Горчакову 21 июня того же года по поводу "тех опасностей, которым подвержен социальный порядок европейских государств вследствие устрашающего развития социалистических идей". В этих документах подчеркивалось, что и шеф жандармов граф Шувалов и министр юстиции Пален высказали единодушно предложение, что принципы взаимодействия государств в борьбе с Международным Сообществом должны быть облечены в форму интернационального акта (международного соглашения)².

На основе 3-стороннего соглашения правительств России, Пруссии и Австро-Венгрии в Вене был учрежден специальный правительственный комитет по изучению рабочего вопроса в Европе. В результате деятельности этого комитета австро-венгерский канцлер Бейст подготовил докладную записку об Интернационале. Этот документ рассматривал проблему с двух точек зрения: репрессивной и превентивной. Он рекомендовал, во-первых, пересмотр и усиление уголовных законов, содержащихся в законодательствах разных государств Европы против правонарушителей; во-

¹ Кантор Р. Указ. соч. С.7.

² Сб. документов. Царская дипломатия и Парижская коммуна 1871 года. С. 187-189.

вторых, изыскание международных средств, которые можно было бы противопоставить развитию социалистического движения¹.

События 1 марта 1881 года заставили кардинальным образом пересмотреть отношение государств мира к революционному движению, особенно к анархо-терроризму. Убийство Александра II показало, с одной стороны, силу и растущую дерзость революционной социалистической партии и ее международный характер, а с другой стороны, это событие обнаружило бессилие правительств и особенно правоохранительных органов в защите государственных устоев. Возникла более острая необходимость объединения новых усилий в борьбе с революционной опасностью. Инициатором новых международных мероприятий в этом направлении стало российское правительство. Оно предложило заключить соглашение относительно надзора за революционерами; организовать международную полицию; принять законы, запрещающие изготовление и продажу взрывчатых веществ, применять исключительные меры наказания за нарушения этих правил и вообще за пользование такими средствами. Одним из первых, кто поддержал инициативы России, был канцлер Бисмарк, так как и российское, и германское правительства были "солидарны перед лицом социального чудовища, угрожающего им, и чтобы сообща против него бороться"².

Через российского посла в Берлине Сабурова Александр III просил поддержки германского правительства по трем направлениям:

- 1) требование приравнять политическое убийство к общеуголовному;
- 2) требование у Румынии и Швейцарии изгнания из их территории политических преступников, которые будут им указаны, и недопущения деятельности революционных центров;

¹ Сб. документов. Царская дипломатия и Геррижская коммуна. С. 201, 206-207.

² Из секретной телеграммы Сабурова министру иностранных дел Н.К.Гирсу 6/18 марта 1881 г. [Цит. по: Тарле Е. Кни. Бисмарк и царубийство 1-го марта 1881 г. По неизданным документам] // Былое. 1919. № 14. С. 22.

3) заключение соглашения между европейскими правительствами по вопросу о единстве действий и наблюдения, что могло быть достигнуто созданием единого центрального правоохранительного учреждения¹.

После одобрения германским правительством этих предложений, уже 1 апреля российское правительство подготовило проект циркулярного обращения, которое было разослано российским послам и представителям в Берлине, Париже, Вене, Риме и Лондоне. В нем предлагалось созвать конференцию держав с целью выработки плана общей борьбы против анархистских элементов².

Одновременно был разработан и другой конфиденциальный циркуляр, где подчеркивалось, что современное революционное движение носит более общий характер, чем несколько десятилетий назад. Поэтому и бороться с ним необходимо также общими усилиями. Особенностью документа являлось также то, что в нем предусматривалось определение наказаний за приготовление к политическому убийству, даже если эти приготовления не привели к совершению самого деяния; предлагалось также карать и за участие в подобных приготовлениях.

В третьем документе, уже секретном, предлагалось учредить интернациональное полицейское бюро, которое координировало бы дело надзора, поиска и наказания преступников, или, по крайней мере, обмен специальными полицейскими сотрудниками в целях взаимного осведомления и сильной помощи.

Германское правительство сразу же поддержало предложения России и даже предложило место проведения будущей конференции - Брюссель³. 1/13 сентября 1881 года российское посольство в Вене сообщило, что австро-венгерское руководство готово принять предложения России⁴. Однако Франция, Италия и Англия отнеслись к этому предложению довольно

¹ Из секретной телеграммы Сабурова ... С.24-25.

² Там же. С.25; *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866 - 1895 гг. М., 1979. С.44.

³ АВПРИ, ф.155, оп.441, д.20 (1881 г.), л.2-7, 16

⁴ Там же. Л. 47-48.

сдержанно, а затем и вообще отказались от участия в международном форуме по причине недружелюбного отношения к проектируемому мероприятию общественности этих стран.

Однако усилия России не оказались напрасными. Французское правительство обязалось предоставить свою полицию к услугам российских правоохранительных органов и обещало изгонять из пределов республики эмигрантов, которых укажет Россия. Глава английского правительства лорд Грэнвилль обещал воспользоваться всеми средствами борьбы против революционеров, какие давало ему английское законодательство¹.

Одной из эффективных форм взаимодействия правоохранительных органов России и других стран в вопросах предупреждения и пресечения политических преступлений являлось установление непосредственных сношений российских пограничных жандармских властей с пограничными полицейскими органами Австро-Венгрии и Пруссии. Потребность такого взаимодействия была вызвана "необходимостью постоянного наблюдения за находящимися за границей членами социалистических сообществ, для пресечения им возможности приводить в исполнение преступные их замыслы в России"².

Для обеспечения более удобного обмена сведениями в августе 1882 года непосредственное взаимодействие было установлено между пограничными полицейскими властями в Радзивилове (Волынской губ.) и Новоселицах (Бессарабской губ.) в лице полицмейстера Городецкого и штабс-капитана Шпицбарта с таковыми же австрийскими в Лемберге и Черновицах в лице комиссара полиции Михалескуля и капитана Цуккера³.

20 декабря того же года подобные отношения были установлены между российским комиссаром в пограничном местечке Границе и дирек-

¹ Тарле Е. Указ. соч. С. 26-27.

² Из отношения директора департамента государственной полиции Игнатъева министру иностранных дел Гирсу от 22 марта 1883 г. // АВПРИ, ф. 155, оп. 441 (1881-1897 гг.), д. 15, л. 25.

³ АВПРИ, ф. 155, оп. 441 (1881-1897 гг.), д. 15, л. 7.

тором полиции в Кракове. Все эти отношения были урегулированы путем обмена дипломатических нот¹.

Через год, в целях более оперативного обмена сведениями о попытках передвижения революционеров-эмигрантов из одного государства в другое, непосредственное взаимодействие было установлено между российскими и прусскими полицейскими органами в пограничных пунктах Вержболов - Эйдкунен, Граев - Просткен, Млав - Нейденбург, Александров - Торн².

Таким образом, был создан своеобразный единый полицейский фронт, целью которого были:

1) получение сведений о проживавших рядом с российской границей русских эмигрантах и их занятиях;

2) своевременное уведомление о выезде в Российскую Империю подозрительных лиц, на которых следовало обратить внимание, ввиду их преступных намерений.

Следующим шагом было предложение руководства прусской полиции (графа Эйленбурга и барона Маршалла) в 1893 году об установлении прямых отношений между директором департамента полиции России и обер-президентом полиции Берлина по делам русских революционеров.

Значимость этого мероприятия подчеркнул директор прусской политической полиции фон Фосс в обращении к управляющему делами русского консульства в Берлине Маркову: "Непосредственный обмен сведений и услуг, исключительно полицейского свойства, между лицами, стоящими во главе высших полицейских учреждений в России и Пруссии, в значительной мере облегчил бы наблюдение за происками революционеров и способствовал бы предупреждению их преступных замыслов, одинаково опасных для обоих государств"³. Для установления этих отношений 19 июля 1893 года в Берлин был направлен вице-директор департамента полиции статский советник Зволянский, который провел успешные переговоры с

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 441 (1881-1897 гг.), д. 15, л. 17.

² Там же. Л. 25-26.

³ Там же. Ф. 155, оп. 441 (1893 г.), д. 31, л. 11-12.

президентом берлинской полиции Рихтгофеном. После этого при решении различных вопросов департамент полиции обращался не к содействию русского консульства в Берлине, а напрямую к прусским правоохранительным органам¹.

Начиная с 70-х годов XIX века правоохранительные органы, правительства большинства государств Европы, США высказывали озабоченность в связи с резким ростом числа террористических актов, исходящих от анархистов, и понимали необходимость объединения усилий в борьбе с крайними формами политического насилия. В этом направлении предпринимались определенные шаги. Та или иная форма международного взаимодействия складывалась в реально возникающих обстоятельствах и приносила ощутимую пользу заинтересованным сторонам в общей борьбе со злом.

Так, в результате письменного сообщения из Парижа бельгийского подданного Генриха Мейна генерал-адъютанту Гурко 23 ноября 1879 года было своевременно предотвращено покушение на Российского Императора в Санкт-Петербурге русскими террористами Н.Сомовым, А.Юшиным и И.Сербиновым. На проведение этого оперативного мероприятия было выделено 15 тысяч франков из денежных средств 3-го Отделения с. е. и. в. канцелярии, имеющихся в Парижском посольстве².

Определенный интерес представляет письмо из тюремного замка в Мадриде министру иностранных дел России, отправленное Николасом Правесом и Куфино Гарригуэсом. Авторы предлагали оказать неоценимую услугу российскому правительству, т.к. располагали сведениями, которые могли привести к раскрытию тайного общества, которое готовило покушение на жизни российского и германского императоров. Никакого вознаграждения за предлагаемую услугу они не просили. Они предлагали, чтобы российское правительство потребовало их выдачу, а затем в России они и предложили бы необходимые средства для достижения цели. При этом они

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 441 (1893), д. 31, л. 58-60.

² Там же. Д. 2(1879 г.), л. 2, 21.

подчеркивали, что если они не выполнят предложенных услуг - пусть их отправят обратно в Мадрид¹.

Необходимо отметить особое взаимопонимание в вопросах борьбы с анархо-терроризмом правоохранительных органов России и Германии. Это подтверждает письмо российского посланника в Мюнхене тайного советника Орлова, адресованное в Министерство внутренних дел. В послании он сообщал, что получил письмо от президента здешней полиции барона Фейлича, в котором тот сообщал важные сведения о деятельности русских нигилистов в Мюнхене, который стал одним из этапных пунктов между российским и женеvским центрами революционной пропаганды.

Будучи очевидцем полезной деятельности местной полиции в применении на практике новых немецких законов против социалистов и революционеров всех национальностей, оказывая тем самым пользу не только германскому правительству, но и российскому, он предлагал поощрить чинов мюнхенской полиции в ее старании препятствовать в пределах Баварии революционным проиускам русских и польских нигилистов, т.е. наградить:

- барона М.Фейлича, президента мюнхенской полиции - орденом Святого Станислава II степени со звездой;

- полицейского советника Г.Пористера - орденом Святой Анны 3-й степени².

Российское посольство в Вашингтоне сообщило 21 марта/2 апреля о том, что получило сведения от местной полиции относительно нового способа преступного покушения на жизнь российского государя, проектируемого революционной партией - посредством заводящегося механизма снаряда, подвязанного под экипаж, а так же провоза через Мемель, Поланген и Вержболово революционной контрабанды³.

27 июля 1880 года Австро-Венгерское посольство в Санкт-Петербурге сообщило графу Лорис-Меликову про извещение, полученное директором

¹ АВПРИ, ф. 155, оп.441, д. 5(1879 г.), л.37.

² Там же. Л. 1.

³ АВПРИ, ф. 155, оп. 441, д. 2(1880 г.), л. 3.

полицей в Кракове о лицах, принадлежащих к революционному обществу и выехавших из Франции и Швейцарии в Россию с паспортами на чужие имена с целью осуществления террористических актов¹.

В 1900 году по приговору организации итальянских анархистов был убит король Италии Гумберт. В ходе расследования убийца Бресси показал, что существует заговор анархистов против Николая II. Итальянское правительство через посла срочно сообщило об этом в департамент полиции России. Это позволило принять своевременные меры к выдворению заговорщиков из Российской империи, при содействии иностранных правоохранительных органов усилить надзор за членами различных анархистских организаций и подозреваемыми людьми, направляющимися в Россию².

В августе 1900 года в результате эффективного взаимодействия департамента полиции с секретной полицией США был раскрыт заговор с целью покушения на российского императора³.

В 1907 году дрезденская полиция получила сведения о том, что 18 русских анархистов выехали из Петербурга в Женеву, чтобы там беспрепятственно приводить в исполнение свои планы по развитию революционного движения в России. Особенно эта группа была занята планом организации убийства русских Великих князей и различных высокопоставленных государственных деятелей. В результате оперативного сообщения президента Королевской прусской полиции директору департамента полиции Трусевичу заговорщики были обезврежены⁴.

Неоценимый вклад в организацию сотрудничества правоохранительных органов европейских государств в борьбе с анархо-терроризмом внесла международная конференция, посвященная проблемам защиты социального строя от происков анархистов (была организована по инициативе ита-

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 441, д. 3(1880 г.), л. 3.

² ГАРФ, ф. 102, оп. 226, д. 300 ч. 14, л. 2.

³ Там же. Д. 300 ч. 15, л. 1-2.

⁴ ГАРФ, ф. 102, оп. 237, д. 118, л. 5.

льянского правительства в Риме в декабре 1898 года). Россию на этом форуме представлял директор департамента полиции действительный статский советник С.Э.Зволянский.

В проекте секретного циркуляра особо подчеркивалось: "Опыт многих лет показывает - единичные старания отдельных государств недостаточны для искоренения зла - для сего необходимы совокупные усилия, основанные на международных договорах"¹.

По итогам работы форума руководители правоохранительных органов 20-ти государств подписали предложения Римской конференции, еще 17 стран приняли ее рекомендации без всяких оговорок. Подписанный 21 декабря 1898 года Акт включал в себя целый ряд мероприятий, затрагивавших область административного, законодательного и политического характера.

Со своей стороны российское правительство предложило включить в уголовные кодексы стран - участниц конференции общую статью, карающую анархизм как сообщество, вредное для безопасности социального строя, и налагающую взыскание за открытый призыв к убийству и разрушению.

На конференции было принято решение: учредить в Цюрихе Центральное международное бюро, главной целью которого должно было стать сосредоточение всех сведений и агентурных указаний, которые касаются происков анархистов².

Весьма важными в деле повышения эффективности взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с анархо-терроризмом являются решения Международного съезда начальников полиций, организованного по инициативе национальной Ассоциации шефов полиции Америки и Канады и проходившего 7 мая 1902 года в городе Луисвилле в штате Кентукки (США).

¹ ГАРФ, ф. 102, оп. 226, д. 500 ч.2, л. 2.

² Там же. Л. 2 об.

Еще 1 декабря 1901 г. Министерство внутренних дел России получило приглашение на это мероприятие, где подчеркивалось: "Ваши сведения дали бы возможность Ассоциации пролить свет на действия и намерения анархистов и, вообще, всех преступников, подлежащих Вашему надзору"¹.

Руководители полицейских органов выработали Соглашение о мерах борьбы против анархистов и других преступников. Участники съезда выразили серьезную обеспокоенность тем, что анархо-терроризм принимал все больший размах, а средства и методы его деятельности становились все опаснее, что, как подчеркивалось в решениях съезда, придавало особую значимость сотрудничеству государств в борьбе с этим страшным злом².

В начале XX века российские правоохранительные органы обращают свои усилия на укрепление сотрудничества с Германией. Так, 28 - 29 июля 1907 года в Берлине состоялось совещание с представителями германского правительства по выработке мер, которые необходимо было принять для борьбы с революционным движением, в развитие постановлений, изложенных в протоколе тайного международного соглашения в Санкт-Петербурге 1/14 марта 1904 года. Россию на этом совещании представлял директор департамента полиции действительный статский советник Трусевич. Делегатами со стороны германского правительства были назначены: директор полиции Экгардт и чины Министерства иностранных дел - тайный советник Ленце и имперский советник Эркерт.

На этом совещании руководитель департамента полиции России выдвинул в адрес правоохранительных органов Германии следующий пакет предложений:

1) установить сотрудничество по розыскной части не только между центральными органами - департаментом полиции и полицей-президиумом, но и между районными охранными отделениями в случаях экстренной необходимости;

¹ ГАРФ, ф. 102, оп. 230, д. 99, л. 6.

² Там же.

2) принятие полицейскими органами на себя обязательства производить расследования по просьбам заинтересованных властей по поводу действий анархистов, социалистов-революционеров, социал-демократов, допускающих террор:

3) чтобы полицейские учреждения, по просьбам органов договаривающихся сторон, устанавливали наружное наблюдение за разыскиваемыми революционерами и чтобы такое наблюдение могло производиться агентами заинтересованного правительства в соседней стране:

4) при постоянном передвижении революционных деятелей необходимо было максимально координировать работу правоохранительных органов, чтобы действия одного из них не наносили вреда интересам другого:

5) чтобы центральные уполномоченные органы сообщали друг другу результаты обысков по политическим делам в тех случаях, когда таковые касались соседнего государства¹.

В целом, согласившись с указанными предложениями, германское правительство обязалось высылать в распоряжение русских властей не только анархистов, но и революционеров вышеперечисленных партий.

Во-вторых, оказание правовой помощи по политическим делам, включая выдачу.

Это направление сотрудничества заключалось в осуществлении компетентными органами одного государства по просьбе другого действий, необходимых для расследования политического дела, а также для исполнения определенного наказания в запрашиваемом государстве. Основной формой такой помощи являлась экстрадиция, т.е. выдача при определенных условиях одним государством другому политического преступника с целью привлечения его к ответственности или исполнения вынесенного ему приговора².

¹ Записки С.Сватикова и документы заграничной агентуры // Заграничная агентура департамента полиции. М., 1941. С. 108-116.

² Лист Ф. Указ. соч. С. 315-316; Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Спб., 1905. Т.2. С. 424.

До начала XIX в. основное внимание государств обращалось преимущественно на государственных преступников, бунтовщиков и изменников, и взаимную выдачу этих лиц они старались обеспечить договорами гораздо раньше, чем лиц, виновных в уголовных преступлениях.

Так, в 1174 году Генрих II Английский заключил договор с Вильгельмом Шотландским, на основе которого лица, виновные в совершении измены в Англии и бежавшие в Шотландию, немедленно задерживались и судились шотландскими судами, или выдавались Англии, и наоборот¹.

По Парижскому договору Франции и Англии 1303 года оба государства обязывались не покровительствовать врагам друг друга².

В трактате между Карлом II Английским и Нидерландами 1662 года постановлялось о выдаче лиц, замешанных в убийстве английского короля Карла I³.

28 мая 1777 года Франция заключила трактат со Швейцарией о выдаче государственных преступников и других лиц, виновных в публичных преступлениях⁴.

Во многих других договорах на первом месте стояли преступления политические, влекущие за собой выдачу.

Но уже с конца XVIII столетия начинает утверждаться мнение, что государство не должно выдавать политических преступников. Так, в 1798 году Англия настояла угрозами на выдаче Гамбургом трех ирландцев, обвиняемых в политическом преступлении. Факт выдачи вызвал энергичный протест со стороны Наполеона Бонапарта. Он обвинял гамбургский сенат в нарушении законов гостеприимства, столь позорном, что за него краснели бы дикари⁵.

---

¹ *Никольский Д.* Указ. соч. С. 167.

² Там же.

³ *Мартенс Ф. Ф.* Там же. С. 450.

⁴ *Никольский Д.* Указ. соч. С. 168.

⁵ *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. С. 450; *Штиглиц А.* Указ. соч. С. 86.

Возвышенные понятия о гостеприимстве, оказываемом политическим изгнанникам, были в устах Наполеона не более чем фраза, но в скором будущем они нашли для себя твердую почву.

В период всеобщей реакции, охватившей Европу после Венского конгресса 1815 года, было много лиц, сочувствовавших началам свободы и конституционным порядкам и стремившихся к их осуществлению словом и делом. В глазах легитимных правительств, не забывших событий Великой французской революции, это были преступники и нарушители европейского мира; в глазах же общественности, желавшей лучших порядков - борцы за общее благо, попраемое реакцией. Менее всех могли считаться преступниками эти лица в том государстве, где цели, к которым они стремились, были уже достигнуты и освящены законом. Такие государства, как Англия, США, Швейцария сделались убежищем для политических эмигрантов, преследуемых в отечестве.

Из истории международных отношений России можно привести примеры, подтверждающие, что до того времени, пока она в отношении выдачи стояла как бы особняком, она по общему правилу выдавала политических беглецов. Но эта выдача зависела от дружественных отношений к заинтересованной стране. В этом отношении, как отмечалось ранее, она постоянно руководствовалась взаимностью и солидарностью интересов.

Из средневековой истории дошло известие, что двор Ярослава Мудрого был убежищем для детей английского короля Эдмунда, изгнанного Канутом. В 1609 году царь Василий Шуйский заключил соглашение с французским королем Карлом IX, которое предусматривало выдачу русских изменников¹.

В конце XVIII века и в России формируется новый подход к политическим преступникам-эмигрантам и на отношение к ним государства.

В инструкции, данной Павлом I графу Панину 5 июня 1797 года, говорилось, что французские эмигранты, "учинившиеся жертвою привержен-

---

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Спб., 1895. Кн.2. Т.8. С.273.

ности их к законному их государю", должны найти убежище в России. "Не лишаем мы себя права, - писал император, - дать спокойное убежище несчастным, кои по разнообразию мыслей с правлением, вновь ныне во Франции наставшем, опасаясь мщения, ищут одной только для себя безопасности"¹.

В начале XIX в. Россия, как известно, заключила ряд соглашений о выдаче политических преступников, в особенности в отношении польских агитаторов².

На основании картельной конвенции, заключенной между Россией и Австрией в 1857 году, в 1865 году австрийское правительство обратилось с ходатайством о выдаче австрийских подданных - как преступников, осужденных за участие в Варшавском восстании³.

С таким же ходатайством обратилось к России и прусское правительство⁴.

После 60-х годов прошлого столетия вопрос о выдаче за политические преступления решался всеми государствами отрицательно. Объясняется это, главным образом, отсутствием солидарности между государствами в преследовании подобного рода деяний.

Однако, начиная с начала 80-х годов, обстоятельства в этом отношении существенно изменились. Общество начинало понимать опасность деяний тех политических преступников, которые открыто выступали противниками всего существующего общественного и государственного строя. Соответственно этому все больше возникала потребность солидарности

¹ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. VI. 1884. №238. С. 255.

² Конвенции России: с Голландией 1867 г. (ст.6); с Баварией 1869 г. (ст.6); с Гессеном 1869 г. (ст.6); со Швейцарией 1873 г. (ст.6); с Австрией 1874 г. (ст.4); с Голландией 1880 г. (ст.6).

³ ГАРФ, ф.109, оп.150, д.18, л.1.

⁴ Там же, д.113, л.1.

всех государств в борьбе с всеобщей опасностью и постепенно приводило к изменению господствующего начала невыдачи¹.

Это хорошо видно на примере Швейцарии, правительство которой всегда принадлежало к числу самых упорнейших в вопросе выдачи политических преступников. Несмотря на постоянно возрастающую численность эмигрантов на этой территории, правительство не тревожилось, пока в среде их господствовал дух, враждебный лишь правительствам других государств. Так, 21 ноября 1869 года в гроте парка Петровской академии Нечаев, Николаев, Прыжов, Успенский и Кузнецов совершили тяжкое преступление - убили студента Иванова, причем С.Нечаев выстрелил ему из револьвера в голову и затем, привязав к трупу веревку с камнями, Нечаев и Николаев бросили его в пруд; после чего Нечаев скрылся за границей (в Швейцарии)².

В соответствии со статьей 190 Устава уголовного судопроизводства - когда есть основания предполагать, что обвиняемый находится за границей, то делается надлежащее сношение с правительством того государства, где он находится³ - российское правительство обратилось к Швейцарии с просьбой о выдаче С.Нечаева, который был арестован 2/14 августа 1872 года в Цюрихе агентами 3-го Отделения. Правительство Швейцарии согласилось выдать Нечаева при условии, что в России его будут судить не за государственное, а за общеуголовное преступление.

В начале 1873 года после выдачи С.Нечаева русский посланник в Швейцарии по поручению правительства начал переговоры о заключении со Швейцарией конвенции о взаимной выдаче преступников с включением пункта о непризнании за политическое преступление покушение против

¹ *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Спб., 1904-1905. Т.2. С. 453; *Никольский Д.* Указ. соч. С.171; *Фейгин Я.* Указ. соч. С.67; *Шостак Е.Я.* Указ. соч. 20.

² Из копии постановления судебного следователя по особо важным делам Геракова о приводе к следствию скрывавшегося в Швейцарии С.Нечаева // АВПРИ, ф.155, оп.241(1870 г.), д. 37, л. 1-3.

³ Там же.

особы иностранного государя. Однако Швейцария отклонила это предложение.

Но, когда на рубеже 70 - 80-х годов в швейцарское общество проникло революционное учение, не признававшее ни одну из существовавших тогда форм государственного устройства, и когда под влиянием этих идей, для достижения целей, заблуждение дошло до крайних пределов беззакония, швейцарское правительство изменило свой взгляд на рассматриваемую проблему, предвидя, что и швейцарская территория могла подвергнуться опасности со стороны нарушителей общественного спокойствия.

Такая перемена во взглядах швейцарского правительства впервые выразилась в распоряжении 1879 года, по которому наиболее опасным анархистам предложено было оставить швейцарскую территорию.

После этого Швейцария решила не отказывать правительствам других государств в своем содействии в наиболее важных случаях политических преступлений. Наглядным доказательством этому служило сообщение российского посланника в Берне от 13/25 сентября №27, в котором отмечалось, что при производстве швейцарскими властями розысков итальянских заговорщиков, они напали на след преступных замыслов против России и, раскрыв в Женеве производство взрывных бомб, заказанных одним из русских эмигрантов для отправления в Россию, продолжало следственные действия с целью обнаружения и самого заказчика, и что по этому поводу президент Швейцарского Союза изъявил готовность федеральных властей всегда содействовать в раскрытии злоумышленников и не терпеть их преступных действий на швейцарской территории¹.

Указанные в сообщении тайного советника Коцебу действия женеvской полиции принимали по отношению к России несравненно более важное значение, во-первых, потому, что действия эти не были вызваны требованием российского правительства, а имели совершенно самостоятельный характер; во-вторых, потому, что они не только были одобрены

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 241 (1879 г.), д. 9, л. 1.

швейцарским правительством, но и послужили поводом к тем заверениям, которые были даны российскому посланнику в Берне президентом Швейцарского Союза.

Результат не заставил себя ждать. Летом 1881 года швейцарские власти навсегда изгнали из страны одного из руководителей анархистов П.Кропоткина.

21 апреля/3 мая 1884 года российский посланник Гамбургер сообщил в Министерство внутренних дел о возможности предъявить требование о выдаче России проживавшего в Женеве Сергея Кравчинского. Министерство внутренних дел тут же приняло меры к возбуждению следственного производства по обвинению С.Кравчинского в убийстве бывшего шефа жандармов генерал-адъютанта Мезенцова и предъявлению требований о выдаче его в законном порядке¹.

В мае МИД России выслало швейцарскому правительству следующие документы: 1) две копии постановлений судебного следователя Санкт-Петербургского окружного суда по особо важным делам Петровского: а) о привлечении к следствию об убийстве Мезенцова в качестве обвиняемого отставного поручика артиллерии С.Кравчинского; б) о задержании и выдаче его российским властям; 2) выписку из российских законов, относящихся к преступлениям С.Кравчинского; 3) французские переводы вышеуказанных документов.

На основании этого швейцарскому федеральному правительству было предъявлено требование о задержании и выдаче российским правоохранительным органам С.Кравчинского по обвинению в преступлении, предусмотренном ст.ст. 1 и 3 Конвенции 1873 года².

Интересным представляется эпизод, связанный с возбуждением в 1878 году Министерством юстиции требования от швейцарского правительства выдачи Веры Засулич, обвиняемой в покушении на убийство генерал-адъютанта Трепова. В.Засулич была судима за покушение на убийство с за-

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 441, д.13 (1884 г.), л. 2, 11-24.

² Там же. Л. 30-31.

ранее обдуманном намерением (п.1 ст.3 Конвенции 1873 г.). Оправдательный вердикт присяжных был отменен в кассационном порядке и дело было передано на рассмотрение Новгородского окружного суда.

При таком положении дела российское правительство имело полное право, основываясь на договоре, требовать ареста, а затем выдачи Засулич. Однако вызывало опасение то, что это дело в Швейцарии могли подвести под ст.6 конвенции, т.е. признать деяние Засулич имеющим политический характер. Министерства внутренних и иностранных дел России высказали доводы "за" и "против" по поводу возбуждения дела о ее выдаче:

"за":

- 1) необходимость нравственного удовлетворения в преследовании и наказании преступницы;
- 2) требование закона как естественное последствие кассационного решения;
- 3) право требовать выдачи, основанное на положениях конвенции.

"против":

- 1) опасение, что швейцарское правительство попытается придать делу политический характер;
- 2) что это приведет к нежелательным объяснениям, а может быть и к отказу;
- 3) в случае промедления В.Засулич успеет скрыться от правосудия;
- 4) даже и при согласии швейцарского правительства на выдачу, маловероятно, чтобы преступницу успели задержать, так как нельзя не признать, она успела возбудить к себе сочувствие не только в России, но и за границей;
- 5) что, наконец, каждая неудачная попытка компрометирует правительство, а потому лучше не начинать дела, представляющего так много сомнительных сторон¹.

¹ АВПРИ, ф.155, оп.692 (1878 г.), д.21, л.5-9.

И вот 12 ноября 1878 года Министерство юстиции сообщило в МИД, что Император повелел: "ограничиться формальным вызовом В.Засулич, но не требовать выдачи ее от швейцарского правительства"¹.

Серьезным препятствием в вопросах выдачи политических преступников являлось их право на убежище в других странах, и правительства этих государств старались это право не нарушать.

Так, глава швейцарского правительства, желавший содействовать успеху в деле С.Кравчинского, не принял, даже частным образом, от российского посланника материалов, в которых говорилось о его революционной деятельности, т.к. женеvские власти не согласились бы на его выдачу как политического преступника, пользующегося правом убежища. Поэтому и были представлены лишь доказательства и улики убийства, на основании которого преступник и был выдан².

С аналогичной проблемой в деле экстрадиции политических преступников Россия столкнулась в отношениях с Бельгией. Так, чиновник по особым поручениям в Париже сообщал 20 февраля 1912 года в департамент полиции, что во время его пребывания в Брюсселе, получил конфиденциальное указание, в соответствии с которым российское правительство в своих обращениях к Бельгийскому правительству относительно выдачи политических преступников, в интересах успеха дела должно возможно кратко формулировать мотивы своего требования. Всякие подробности совершенного преступного деяния, которые давались ранее (по поводу выдачи Шиманского и Гайваса), являлись излишними и только давали защите материалы для возражений.

В целях успеха дела Российскому правительству предлагалось в своих ходатайствах ограничиваться одной квалификацией преступления (например: убийство, грабеж, вооруженное нападение и т.д.)³.

¹ АВПРИ, ф.155, оп.692 (1878 г.), д.21, л.86.

² Там же. Оп. 441, д.13 (1884 г.), л. 12.

³ ГАРФ, ф. 102, оп. 242 (1912 г.), д. 287, л. 1.

Наибольших успехов в вопросах выдачи политических преступников Россия достигла с Германией и Австро-Венгрией.

Проблемы, связанные с этим направлением деятельности, разрешались ими не только на основе норм международного права, т.е. официальным дипломатическим путем, но и негласным образом в результате непосредственных контактов правоохранительных органов.

Так, 7 мая 1875 года германское правительство обратилось к России с просьбой о выдаче им жителя Варшавы Фомы Дунина, обвиняемого в замышлях посягательства на жизнь канцлера Бисмарка. На что Российское правительство ответило утвердительно¹.

В августе 1881 года прусскими правоохранительными органами в Бромберге были арестованы по обвинению в революционной пропаганде российские подданные С.Мендельсон и М.Янковская. Российское правительство через посла в Берлине обратилось к прусскому правительству с ходатайством об их выдаче. Вопрос был рассмотрен в Министерстве внутренних дел Пруссии, которое сообщило, что по окончании срока заключения указанные преступники будут немедленно переданы негласным образом российским властям. Это произошло 11 января 1884 года².

5 декабря 1884 года германский посол в Санкт-Петербурге генерал Швейниц сообщил в Министерство внутренних дел, что берлинская полиция арестовала члена революционного сообщества "Пролетариат" В.Трушковского и готова негласно передать его российским властям по отбытии им срока заключения. 9/21 марта 1885 года по распоряжению прусского правительства В.Трушковский был выдан нашим пограничным властям в Александрове³.

23 октября /4 ноября 1884 года директор департамента государственной полиции предложил генеральному консулу в Берлине статскому совет-

¹ АВПРИ, ф. 155, оп.277, д. 25 (1875 г.), л. 1-3.

² ГАРФ, ф. 102, оп. 1881, д. 910, л. 23; АВПРИ, ф. 155, оп. 441, д. 16 (1881 г.), л. 2, 28, 54.

³ ГАРФ, там же, л. 92; АВПРИ, там же, л. 64.

нику Кудрявцеву провести переговоры с германской полицией о выдаче российского анархиста Тихомирова, проживавшего в это время в Париже, в случае если он переедет из пределов Франции в Германию¹.

Берлинские полицейские власти сообщили Кудрявцеву, что они готовы исполнить желание российского Департамента полиции, но для этого необходимо предписание германского Министерства иностранных дел. Поверенный в делах в Берлине Муравьев обратился к помощнику министра иностранных дел Бушу с просьбой содействовать в этом деле. На что Буш ответил положительно, и Тихомиров был выдан².

Министерство иностранных дел Германии конфиденциальной нотой от 10/22 мая сообщило российскому послу, который в свою очередь поставил в известность Министерство внутренних дел, что германское правительство решило выслать из пределов Империи в Россию уроженца города Варшавы Л.Скальского, проживавшего в Касселе за принадлежность к партии анархистов. Через месяц германская полиция передала Скальского российским правоохранительным органам на пограничном пункте Песчень³.

В 1886 году вследствие ходатайства Генерального консула в Австрии Губастова, по распоряжению австрийского министра внутренних дел графа Таафе был арестован и негласно выдан российским правоохранительным органам обвиняемый в государственном преступлении эмигрант Л.Ясевич, который в 1885 году руководил революционным движением в России, занимался изготовлением взрывных снарядов и затем скрылся за границу. Согласно этому распоряжению министра, австрийским полицейским властям было предложено, в случае предъявления кем-либо из российских аген-

¹ Российское правительство не могло предъявить требование о выдаче Тихомирова французским властям в виду отсутствия юридических доказательств участия его в одном из тех преступлений, которые по установленным международным нормам могли послужить поводом к экстрадиции // АВПРИ, ф. 155, оп. 441, д. 14 (1884 г.), л. 5.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 441, д. 14 (1884 г.), л. 2-3.

³ Там же. Д. 2 (1886 г.), л. 2-3.

тов условленной карточки генерального консула Губастова, немедленно арестовывать то лицо, на которое укажет агент¹.

В 1889 году германские правоохранительные органы получили необходимые материалы и 9 фотографий российских подданных, замешанных в деле о цюрихских взрывах бомб. Над этими лицами был установлен тщательный надзор. Генерал-адъютант Шувалов тут же попросил сообщить в Министерство внутренних дел эти сведения, чтобы иметь возможность или просить о передаче этих лиц российским властям на границу, или же сделать соответствующее распоряжение относительно виновности каждого из них, на случай прибытия их в Россию. 18 июня в 8 часов утра 6 студентов были переданы российским властям в Александрове².

23 ноября 1889 года по просьбе департамента полиции из Пруссии был выслан и выдан российским властям бывший студент Петровской сельскохозяйственной академии Р.Протас, обвиняемый в революционных происках³.

Важно отметить, что в это время изменяется способ взаимодействия российского консула в Берлине с местными полицейскими властями.

Учреждение консульских постов в Берлине, Вене и Париже и возложение на них задач по непосредственному взаимодействию с полицейскими властями последовало согласно указанию Александра III по просьбе министра внутренних дел Игнатьева от 2/14 октября 1882 года, причем консулу в Берлине предложено было войти в непосредственные и доверительные отношения с президентом Берлинской полиции фон Мадаи, что и было с успехом исполнено Кудрявцевым⁴.

С того времени, несмотря на смену лиц, руководящих деятельностью полиции в Германии, постоянное взаимодействие российского консула с местной полицией по различным вопросам борьбы с политической пре-

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 441, д. 20-а (1887 г.), л. 6-7.

² Там же. Д. 11(1889 г.), л. 2.

³ Там же. Д. 12(1889 г.), л.3-5.

⁴ Там же. Д. 11(1889 г.), л. 80.

ступностью не прерывалось и не вызывало никаких возражений со стороны германского правительства.

Канцлер Бисмарк, не выражая неудовольствия по поводу установившегося взаимодействия между российскими и германскими полицейскими властями, однако, подчеркивал, чтобы предшествующие выдаче такие важные вопросы как домашние обыски и аресты российских подданных, разрешались путем переговоров российского посольства с руководством германского правительства¹.

В ответ на это Муравьев предложил Бисмарку установить непосредственные отношения Кудрявцева вместо президента полиции с другим каким-нибудь официальным лицом, имеющим возможность безотлагательно и от имени канцлера воздействовать на местную полицию. Граф Бисмарк тут же согласился с этим предложением и указал на Ксйзера, докладчика по полицейско-политическому и законодательному отделу МИДа, как доверенное лицо канцлера, имеющее прямой контакт с Министерством внутренних дел².

В апреле 1890 года проездом из Парижа в Болгарию в Вене был арестован Г.Прокофьев, изгнанный согласно постановлению Швейцарского федеративного совета из пределов Швейцарии за участие в приготовлении в Цюрихе разрывных бомб. В результате совместных оперативных действий австрийских, германских и российских правоохранительных органов Прокофьев 7 мая был арестован и выдан России³.

В сентябре 1892 года российским пограничным властям был выдан из Германии И.Мосницкий, соучастник М.Зелинского, обвиняемый в производстве взрыва метательного снаряда в городе Варшаве⁴.

В 1903 году германское правительство предложило расширить и укрепить сферу деятельности правоохранительных органов в борьбе с по-

¹ АВПРИ, ф.155, оп.441, д. 12(1889 г.), л. 81.

² Там же. Л. 88-90.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 5(1892 г.), л. 1.

литической преступностью. 13 ноября, через посольство в Санкт-Петербурге, оно направило записку по вопросу допустимости преследования в России на основании взаимности государственных преступлений, учиненных русскими подданными против Германской империи, германских союзных государств или верховной власти этих государств. Поводом к этому послужило задержание в Берлине германских подданных Брауна и Новограцкого, обвиненных в распространении оскорбительных для российской верховной власти печатных изданий. Правительство Германии, предварительно начав судебное следствие по этому делу, хотело выяснить, будет ли ему обеспечена со стороны российского правительства полная взаимность в аналогичных ситуациях? Министр юстиции Муравьев Н., согласовав этот вопрос с МВД, 22 ноября направил ответ в МИД, где подчеркнул: "Приняв во внимание, что в вопросах, касающихся выдачи преступников о возбуждения против них преследования за преступления, учиненные вне пределов их отечества, российское и германское правительства всегда руководствовались, как свидетельствует о том многолетняя практика, началами строгой взаимности и доброго соседства, я не усматривал бы отступления от ст. 260 действующего Уложения о наказаниях в обеспечении с российской стороны взаимности по отношению к Германской империи в случаях, особенно, когда упомянутые в данном узаконении посягательства направлены против Императора или членов Его семьи". При этом он признал необходимым поручить российскому послу в Берлине предъявить местным властям требование о преследовании Брауна и Новограцкого по германским законам и дать обещание в соблюдении российским правительством взаимности в аналогичных случаях¹.

С проблемами выдачи политических преступников пришлось столкнуться российским и американским властям. Так, сенатор Эдлич Рут по сообщению нью-йоркского корреспондента газеты "Vorwarts" от 5 мая 1912 г. внес предложение в сенат о том, чтобы в новом законе об эмиграции была

¹ АВПРИ, ф.155, оп.362 (1903 г.), д.305, л.1-20.

помещена статья, согласно которой иностранцы, виновные в организации заговора против иностранного правительства, высылались из США, т.е. выдавались их правительству. Это предложение было принято.

При внесении своего предложения Э.Рут заявил, что он сожалеет о том, что он в качестве статс-секретаря по иностранным делам в свое время не выдал Я. Пурена и Х. Рудовица русскому царю¹.

С остальными европейскими государствами вопросы выдачи политических преступников России решались гораздо сложнее. Несмотря на настойчивость российской дипломатии, переговоры с остальными правительствами об экстрадиции не налаживались. Особенно трудно было добиться соглашения с Францией, которая стояла на втором после Швейцарии месте по количеству русских революционеров-эмигрантов.

В 1880 году французское правительство отказалось выдать России Льва Гартмана, участника покушения 19 ноября 1879 года на Александра II².

Для более решительных и окончательных переговоров с французским правительством в ноябре 1882 г. был командирован в Париж вице-директор департамента полиции Жуков. Он имел продолжительные беседы с российским послом Орловым, с префектом парижской полиции, с министром полиции и с самим председателем французского правительства Дюклерком. Но в основном вопросе о выдаче или изгнании из Франции наиболее известных русских революционеров беседы Жукова не имели положительных результатов³.

И все-таки власти Франции оказывали российским правоохранительным органам отдельные "услуги" в борьбе с политической преступностью. В ноябре 1882 года они арестовали П. Кропоткина и хотя выдать его царскому правительству не решились, продержали его три года в тюрьме.

¹ ГАРФ, ф. 102, оп. 242, д. 287, л. 4.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 441, д. 40-6-(1880 г.), л. 2-9.

³ Там же. Д. 13(1882 г.), л. 2-3.

А в 1890 году по инициативе российского поверенного в делах в Париже Коцебу французское правительство выслало из страны русских нигилистов П. Лаврова и М. Дембского¹.

В-третьих, взаимодействие заграничной агентуры департамента полиции с зарубежными правоохранительными органами в борьбе с политической преступностью.

События 1 марта 1881 года со всей остротой поставили перед правоохранительными органами и в целом правительством России вопрос о необходимости реорганизации как официальных, так и секретных отношений с западными государствами в области сотрудничества по борьбе с политическими преступлениями.

Система 3-го Отделения собственной его императорского величества канцелярии оказалась не в состоянии оградить Россию от постоянной связи ее революционных элементов с эмиграцией и от активного участия последней в ряде террористических актов. Одной из причин такого положения была слабость агентурной сети как в России, так и за рубежом, что лишало политическую полицию возможности получать достоверную и подробную информацию о деятельности революционных организаций.

Руководители политической полиции понимали всю важность создания широкой осведомительной сети за рубежом и придавали исключительное значение систематическому и негласному наблюдению за эмиграцией. Польза от конвенций о взаимной выдаче политических преступников была сравнительно невелика; выдавая России, как правило, лиц, покушавшихся на представителей царской фамилии, они ставили вне досягаемости всех остальных террористов. Успешное решение этой задачи во многом зависело от содействия иностранных правоохранительных органов.

Первые попытки организовать постоянную заграничную агентуру предпринимались еще Лорис-Меликовым в 1880 году. С этой целью в апре-

---

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 441, д. 1 (1890 г.), л. 2-5.

ле он командировал в Румынию, Швейцарию и Францию полковника Баранова, а в Германию действительного статского советника Юзефовича¹.

В одном из проектов организации заграничной агентуры, появившемся в стенах департамента полиции, говорилось: "Политические процессы последнего времени дают основания предполагать, что хотя социал-революционный заговор гнездится в самой России, тем не менее его представители находятся за границей, и в числе их встречаются как люди, временно там пребывающие вне активного участия в террористических и иных революционных предприятиях на месте действия, так равно и старожилы-эмигранты, посвятившие себя литературной разработке вопросов, выдвигаемых ходом русского противоправительственного движения. Наблюдение за русской эмиграцией, систематическое и негласное, составляет поэтому главную заботу русской государственной полиции. Успешное преследование этой задачи зависит в огромной степени от содействия иностранных полиций"².

Далее в записке предлагалось прикомандировать к российским дипломатическим представительствам в ряде европейских столиц по одному агенту Департамента государственной полиции, "не носящему, однако, сего звания гласно, для сношения как с иностранными полициями, так равно и с корреспондентами русской полиции, уже находящимися на местах"³.

Вскоре эта идея была осуществлена: русские консулы в Париже, Вене и Берлине, вице-консул в Сулине стали выполнять задания департамента полиции.

В это время наблюдение за русскими эмигрантами организует и "императорская миссия" в Вашингтоне. Для этих целей департаментом полиции было выделено на 1881 год 3000 рублей (1467 долларов 13 центов)⁴.

¹ Федоров К. Г., Ярмыш А. Н. История полиции дореволюционной России. Ростов н/Д., 1976. С. 48.

² ГАРФ, ф. 102, оп. 1881 г., д. 1313, л. 1.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ ГАРФ, там же, л. 113; АВПРИ, ф. 155, оп. 441, д. 8 (1881 г.), л. 9.

31 декабря 1881 года глава миссии действительный статский советник Бартоломей представил министру иностранных дел Н.К.Гирсу отчет о наблюдении за находящимися в Соединенных Штатах русскими "политическими выходцами и нигилистами". Из отчета явствует, что при организации наблюдения Бартоломей пользовался услугами двух агентов - неких Н.Михельсона и Ф.Ф. Миллена. Однако наибольшую пользу принес выделенный главным начальником нью-йоркской полиции в распоряжение русского дипломата детектив Роберт Мак-Наут, который проявил "твердое и постоянное рвение, хладнокровие и большую сдержанность в словах и действиях"¹.

Подводя итог этого направления деятельности, Бартоломей приходит к выводу, что "особой настоятельной опасности нельзя предвидеть от усилий наших врагов в Соединенных Штатах. Здесь, по-видимому, нет еще твердой организации, нет постоянного центра, к которому бы стремились русские выходцы и где могли бы быть сосредоточены их средства, переписка, архив и пр. Равномерно нет основания предполагать, что в Соединенных Штатах изготовляются разрушительные машины, динамит и прочие средства для исполнения пагубных намерений заговорщиков"².

Однако с весны 1891 года положение значительно изменилось. После майских арестов 1890 года в Париже и последовавшей затем высылки русских эмигрантов из Болгарии, многие из них, не находя себе безопасного убежища в Швейцарии, Франции, Болгарии и Румынии, переселились в Лондон, но тяжелые условия жизни в этом городе побудили многих эмигрантов переехать в Северную Америку с тем, чтобы при более благоприятных условиях и в полной безопасности организовать там активную революционную группу, с целью поддержания связи с русским революционным движением и оказывать ему всяческое содействие.

¹ ГАРФ, ф.102, оп. 1881 г., д. 1313, л. 115; АВПРИ, ф.155, оп. 441, д. 8 (1881 г.), л. 8.

² ГАРФ, там же, л. 114.

Вследствие этого министр внутренних дел П.Н.Дурново обратился непосредственно к Генеральному консулу в Нью-Йорке Оларовскому с просьбой оказать содействие в получении сведений о новых происках русских эмигрантов.

20 сентября/2 октября 1891 года в письме к Дурново Оларовский подчеркивал: "Считая деятельность здешних русско-революционных обществ серьезной и опасной для нас, я буду продолжать пользоваться всеми возможными средствами, чтобы следить за усиленно начинающей агитацией.

Пользоваться услугами наемных частных сыщиков и агентов, я считаю вполне непригодным:

во-первых, потому что они редко работают в пользу одного дела и при трудности контроля над ними чаще всего обманывают своих доверителей;

во-вторых, будучи частными агентами, они не пользуются теми привилегиями, которыми имеют агенты правительственного сыскного отделения и могут вовлечь нас своей оплошностью в судебные скандалы и тем самым испортить в дальнейшем возможность следить за революционной агитацией.

В виду всего вышесказанного, полагаю самым удобным и целесообразным иметь при генеральном консульстве негласного и совершенно секретного агента, наняв его из правительственного сыскного бюро, что возможно с платой ему годового содержания с тем, чтобы он, не оставя сыскного бюро был бы откомандирован для наших нужд. Такому лицу придется платить ежегодно содержание по 2 тыс. 190 долларов в год. На такое лицо мы вполне можем положиться, и он будет знать каждый шаг революционеров не только в Нью-Йорке, но и Бостоне и Филадельфии"¹. П.Н.Дурново предложил императорской миссии в Вашингтоне и российскому Генеральному консулу в Нью-Йорке принять необходимые меры к установлению необходимого контроля за деятельностью и передвижениями

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 441, д. 17(1891 г.), л. 1-14.

российских эмигрантов и доносить МИДу и МВД. Со своей стороны Министерство внутренних дел с полной готовностью откликнулось возмещать необходимые расходы.

Значительная роль в организации заграничной агентуры принадлежала Министерству иностранных дел. Так, императорским миссиям планировалось оказывать содействие тайной полиции в предупреждении и пресечении преступных замыслов против России по следующим направлениям:

1) Императорские российские миссии и генеральные консульства должны с ведома правительства, при котором аккредитованы, вступать в возможно близкие отношения с руководством местных полиций.

2) В случае действительно оказанных услуг руководители миссии могут представлять начальников полиции и их подчиненных к наградам подарками и деньгами (секретно), к орденам - за заслуги, не требующие секретности.

3) Представление к награде лежит на ответственности руководителя миссии. (Иногда успех дела зависел от уверенности полицейского чиновника в получении скорейшего вознаграждения за оказанные услуги).

4) Необходимо было заключить с иностранными правоохранительными органами (на тайном конгрессе) соглашение о взаимном содействии к обнаружению, преследованию и выдаче политических преступников.

5) Миссия могла содействовать в предотвращении преступных замыслов только через агентов полиции, находящихся за границей по поручению Российского правительства и на его жаловании.

6) Вместо существующих списков о бродягах и лицах, которым был воспрещен въезд в Россию, необходимо было сообщать списки лиц, подозрительных в политическом отношении, следить за которыми было поручено полиции.

7) Главные агенты правительства всегда должны были быть известны миссиям и сообщать им свои псевдонимы, тайные знаки, жительство и пункты для получения информации.

8) Для тайной переписки с главными агентами или 3-м Отделением все миссии были снабжены особым тайным шрифтом.

9) Если иностранец или лицо, не служащее российской полиции предложило бы миссии услуги по предотвращению преступных замыслов, миссия тайно должна была вступить по этому вопросу или с ближайшим главным агентом или непосредственно с 3-м Отделением.

10) Получив предложение такого рода от неизвестного ему лица главный агент должен был тайно просить миссию, к округу которого это лицо принадлежало, собрать о нем сведения¹.

2 октября 1881 года министр внутренних дел Игнатьев в письме к Н.К.Гирсу обращал внимание на безотлагательную необходимость воспользоваться готовностью французского правительства установить между российскими и французскими правоохранительными органами прямые и непосредственные отношения. И Генеральный консул в Париже действительный статский советник Карцев должен был стать в этом случае посредником между парижской полицейской префектурой и департаментом государственной полиции в Санкт-Петербурге. Предлагалось договориться с французским правительством о разрешении Генеральному консулу непосредственно общаться по делам о русских эмигрантах с представителями правоохранительных органов всех уровней.

Французские власти готовы были применить к российским революционерам-эмигрантам следующие административные меры:

1) усиленный надзор за действиями и движениями проживавших во Франции русских выходцев;

2) арест, допрос и обыск тех из них, которые могли быть заподозрены в заговоре или приготовлении к преступлению;

3) высылка эмигрантов из Франции по указанию российского правительства.

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 441, д. 8 (1880 г.), л.34-37.

Однако эти меры могли быть действенными только тогда, когда они осуществлялись при непосредственном участии Генерального консула¹.

Российские дипломаты, находившиеся в Париже, Мадриде, Лондоне, Вене, Берлине, Риме, Бухаресте, Берне, Вашингтоне, систематически сообщали в МИД, а нередко и прямо в Министерство внутренних дел, сведения о деятельности и перемещениях революционеров-эмигрантов².

Вследствие волны преступных покушений в начале 80-х годов, имевших политическую цель, объем работы российских дипломатических представительств по оказанию помощи правоохранительным органам в пресечении подобных актов, значительно увеличился. В связи с этими событиями в 3-м Отделении собственной его императорского величества канцелярии стало поступать как непосредственно, так и через МИД большое число заявлений от лиц, проживавших за границей.

Заявления эти были двух видов: а) одни указывали на новые преступные замыслы революционных организаций; б) другие представляли себе предложения различных непосредственных услуг, часто без указания на обстоятельства, вызвавшие это предложение.

Хотя эти заявления часто были лишены всякого основания, тем не менее оставлять их без внимания было нельзя и возникала необходимость, в целях успеха розыскных мероприятий, вызывать заявителей в Санкт-Петербург для личных объяснений.

Для устранения больших денежных затрат, часто бесполезных, и потери времени на напрасные розыски, отвлекаемые силы полиции, Лорис-Меликов обратился 31 марта 1880 года к Гирсу с просьбой, чтобы "в тех случаях, когда заявления представляются серьезными, признать возможным предоставить нашим посольствам и консульствам по получении заявлений о преступных политических замыслах в России, принимать на себя проверку и выяснение, через особо приглашенных для этого доверенных лиц, или

---

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 441, д. 8 (1880 г.), л. 55.

² ГАРФ, ф. 102, оп. 1881, д. 1333, л. 119-120.

инными способами, как личности заявителей, так и источников сообщаемых ими сведений"¹.

Российские миссии в Гамбурге, Берлине, Веймаре, Берне, Вене положительно отреагировали на это предложение².

Центр заграничной российской агентуры находился в Париже на улице Гренель, при российском посольстве. За ее организацию в период царствования Александра III, директор департамента полиции П.Н.Дурново был награжден орденом Почетного легиона от правительства республики Франции³.

Тогдашние руководители политической полиции Оржевский, затем Плеве предпринимали целый ряд мер для постановки заграничной политической агентуры на необходимый уровень. В июне 1883 года для общего руководства политическим розыском во Франции направляется в Париж надворный советник Корвин-Круковский⁴. В его удостоверении, подписанном Плеве, указывалось, что он - Круковский - "облечен доверием департамента полиции"; правительствам дружественных России держав предлагалось оказывать ему "содействие при исполнении им своего поручения"⁵.

В помощь Круковскому, для наружного наблюдения, были наняты 4 французских агента во главе с Барлэ.

Но Корвин-Круковский не сумел соответствующим образом выполнить порученное ему задание, что явствует из докладной записки руководителя 3-го делопроизводства департамента полиции Г.К.Семякина, составленной им 12 марта 1884 года, после заграничной командировки.

В записке дается обзор положения дел в "Заграничной агентуре" (так именовалась вся совокупность представителей департамента полиции за границей) и предлагались некоторые преобразования. Эти предложения сводились к тому, чтобы увеличить суммы, отпускаемые на секретные рас-

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 441, д. 28 (1880 г.), л. 3.

² Там же. Л. 10-11, 12-13, 14, 15-16, 17-18.

³ *Ольминский М.* Из прошлого. М., 1919. С. 13.

⁴ *Агафонов В.К.* Указ. соч. С.16-17.

⁵ Там же. С. 15-16.

ходы консулам, повысить жалование Милевскому¹, предоставить 3 тыс. рублей ежегодно в распоряжение австрийского полицейского комиссара в Кракове Костржевского².

Особо останавливается Семякин на деятельности парижской агентуры. Оценив весьма лестно работу "бригады Барлэ", он в то же время дает уничижительный отзыв о Корвин-Круковском, который, по его мнению, "делом не интересуется, не понимает его и даже не дает себе труда разбирать письма, доставляемые ему Барлэ, заваливая всяким хламом Департамент"³.

Семякин предложил уволить Корвин-Круковского, заменив его П.И.Рачковским, "как человеком довольно способным и во многих отношениях соответствующим этому назначению"⁴. Он также указывал на необходимость приобретения в Париже "из местных эмигрантов внутреннего агента, который находился бы в непосредственных сношениях с Рачковским"⁵.

Наряду с этими мероприятиями, Семякин рекомендовал присоединить к 3-му делопроизводству департамента полиции специальный "иностраный отдел" из трех чиновников, в ведении которого находились бы сообщения консулов, агентов, пограничных властей и т.д. Кроме того, этот отдел должен был "составить не существующий доньше список эмигрантов, регистрировать всех лиц, состоящих под надзором, выбывших за границу, еженедельно представлять обзор наиболее выдающихся сведений, полученных из поименованных выше источников, и ежемесячно выпускать сборник сведений: а) о происходящих в течение месяца событиях; б) о вновь установленных адресах и сношениях эмигрантов как за границей, так и с лицами, в империи проживающими; в) о выбывших за границу

¹ Агент Департамента полиции за границей; его предполагалось командировать в Бухарест.

² ГАРФ, ф. 102, оп. 1881 г., д. 1313, л. 24.

³ Цит. по: *Агафонов В.К.* Указ. соч. С. 20.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Цит. по: *Агафонов В.К.* Указ. соч. С. 20.

поднадзорных или бежавших преступниках и задержанных при возвращении; г) о вновь вышедших за границу революционных изданиях на русском языке, или имеющих отношение к России¹”.

На экстренные и случайные расходы и на награды заграничным агентам Семякин, как глава 3-го делопроизводства департамента полиции, требовал в свое распоряжение 1500 руб. в год.

Проект Семякина получил одобрение Плеве и Оржевского.

В 1885 году Заграничную российскую агентуру в Париже возглавил Рачковский, при котором она достигла должного уровня.

Для наибольшего успеха в своей деятельности Рачковский установил тесный контакт как с парижской, так и с женеvской полициями. Парижские, цюрихские и женеvские префекты, их помощники и рядовые полицейские за вознаграждение в несколько сот, а то десятков франков в месяц, в зависимости от ранга, не только закрывали глаза на деятельность русской охраны в их территориях, но и помогали ей всеми возможными средствами. В одном из рапортов директору департамента полиции за 1886 год Рачковский ходатайствовал о награждении ряда чинов парижской префектуры во главе с префектом Гроньоном и указывал на необходимость тесного контакта в будущем: “... при успешности названного ходатайства наши политические отношения с местной префектурой, как первенствующим полицейским учреждением в Париже, несомненно, должны стать на вполне прочные основания, укрепивши за мною возможность действовать без всяких внешних стеснений со стороны г. Гроньона и его подчиненных, а также и пользоваться их прямыми (хотя, конечно, негласными) услугами во всех потребных случаях”².

Главной задачей заграничной агентуры был сбор информации о личном составе эмигрантов и политических течениях среди них, о планах рево-

¹ Агафонов В.К. Указ. соч. С. 20-21.

² Там же. С.32; Записки С. Сватикова и документы заграничной агентуры // Заграничная агентура департамента полиции. М., 1941. С. 6-7; Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX - нач. XX в.). Нижний Новгород, 1993. С.68.

люционных организаций и т.д. Эта информация поступала сначала к Рачковскому, а от него, в обобщенном виде, - в департамент полиции¹.

Особенно интересовали департамент сведения, раскрывающие связи между заграничными центрами и революционными организациями, действовавшими на территории самой России. Своевременное получение таких сведений позволяло организовать на границе перехват "транспортов" революционной литературы, типографских принадлежностей, отдельных лиц, пересекающих границу нелегальными путями.

С начала XX века, когда за рубежом формируются руководящие партийные центры русского революционного движения, деятельность заграничной агентуры приобретает особое значение.

Департамент полиции постоянно стремился к расширению своих зарубежных органов: создается балканская агентура²; в 1896 г. Рачковский по поручению департамента полиции организует политическую агентуру в Галиции³; наконец, в 1900 г. предпринимается попытка организовать берлинскую агентуру.

Обосновывая необходимость создания агентуры в Берлине, директор департамента полиции Зволянский 9 декабря 1900 года докладывал министру внутренних дел: "За последнее время революционные деятели разного направления, пользуясь сравнительной близостью г. Берлина к границе Российской Империи, избирали этот город центром, куда стекается из разных европейских стран, преимущественно из Швейцарии, революционная и социал-демократическая литература, предназначенная для водворения

¹ Это был не единственный канал, по которому Департамент полиции получал сведения о положении дел за границей: "своих" агентов за рубежом имели столичные охранки и сам Департамент (Сб. материалов и статей. Вып. I. М., 1921. С. 218.).

² Во главе этой агентуры (она существовала до начала 1904 г.) стоял жандармский полковник Тржецяк. Его сотрудники (их было 28) "освещали" Румынию, Болгарию, Сербию, Вену. (См.: *Агафонов В. К.* Указ. соч., С. 62-63).

³ Видимо, деятельность Рачковского здесь не отличалась большой продуктивностью, поскольку в начале 1903 г. организация агентуры в Галиции поручается Гуровичу. (См.: Там же. С. 43-45).

в Россию через германскую границу. Это обстоятельство, а также имеющиеся в департаменте полиции сведения об образовании в Берлине кружка лиц, преимущественно русских поданных, придерживающегося народо-вольческой программы, заставили департамент полиции войти в соглашение с подлежащими германскими властями по вопросу об учреждении в Берлине особой агентуры их русских и иностранных агентов и филеров, по примеру Парижа и Лондона, для наблюдения за деятельностью проживающих в Берлине русских революционеров"¹.

Заключить соглашение с немцами Рачковскому поначалу было непросто: берлинская полиция подозревала его в военном шпионаже. Но затем, как докладывал Рачковский в департамент, "вслед за получением президентом берлинской полиции и другими его чиновниками почетных наград, дружественные отношения установились между мною и подлежащими властями"².

Итак, с согласия германского правительства в 1902 году в Берлине была учреждена самостоятельная агентура, начальником которой был поставлен Гартинг (Геккельман), бывший секретный сотрудник по партии "Народной Воли"³.

В 1902 году расходы по берлинской агентуре составили 39 тыс. марок, в 1903 году - 53 875 марок. Содержание же непосредственно руководимой Рачковским заграничной агентуры в Париже, Лондоне, Швейцарии и Галлии обходилось в 1902 году в 22 250 франков в месяц⁴.

Для борьбы с русской политической эмиграцией Гартинг (начальник заграничной агентуры с 19 июля 1905 г.) использовал не только своего секретную агентуру, но и полицию некоторых стран Европы. Если германское

¹ Цит. по кн.: *Агафонов В.К.* Указ. соч. С.45. См. также: Записки С. Сватикова и документы заграничной агентуры // *Заграничная агентура департамента полиции.* М., 1941. С. 9; *Шинджеликашвили Д.И.* Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, 1974. С. 104.

² *Агафонов В.К.* Указ. соч. С. 46.

³ Департамент полиции в 1982 - 1908 гг. // *Былое.* 1917. № 5-6 (ноябрь-декабрь). С. 20.

⁴ *Агафонов В.К.* Указ. соч. С. 50, 53-54.

и австро-венгерское правительства в соответствии с протоколом от 14 марта 1904 года, под видом анархистов охотно выдавали эмигрантов русской полиции, то французское и бельгийское правительства открыто этого делать не могли. Частые запросы в парламенте по поводу деятельности русской политической полиции в Париже и Брюсселе заставляли правительства этих стран формально препятствовать этой деятельности, а по существу не только закрывать глаза на ее деятельность, но и способствовать ей. В зашифрованной телеграмме на имя директора Департамента полиции 13 мая 1909 года Гартинг из Парижа доносил: "По совершенно секретному личному частному соглашению с чинами префектуры мною выработана следующая мера: префектура готова сформировать особый отряд агентов, долженствующий наблюдать исключительно важных русских террористов и будет осведомлять меня о результатах"¹.

С каждым годом департамент полиции все больше заботился о повышении эффективности деятельности своей заграничной агентуры. В тесном сотрудничестве с полицией России находились английская, итальянская полиция и полиция Балканских стран².

Вся Западная Европа, как и Америка, была покрыта всевозможными частными розыскными бюро, существовавшими на строго законном основании.

Одно из таких бюро и служило царской полиции. Русские заграничные агенты состояли на службе в некоем частном бюро, принадлежавшем гражданину Французской республики - Биттар-Монэну. Он и взялся оказывать услуги российской полиции. В его непосредственном наблюдении и распоряжении находилось не менее 50 опытных агентов наружного наблюдения. Под наблюдением агентуры Биттара находились следующие пункты: Па-

¹ Цит. по: *Сватиков С.Г.* Русский политический сыск за границей. (По документам парижского архива заграничной агентуры департамента полиции). Ростов н/Д., 1918. С. 12.

² *Мулукаев Р.С.* Полиция в России (IX - нач. XX в.). Нижний Новгород, 1993. С. 68; *Федоров К.Г., Ярмпи А.Н.* Указ. соч. С. 83; *Шинджикашвили Д.И.* Указ. соч. С. 104.

риж, Ницца, Канн, Сан-Ремо, Нерви, Женева, Гренобль, Лондон. В каждом из перечисленных пунктов находилась соответствующая ячейка агентурного характера и был организован приемный пункт для агентов.

Услуги Биттара являлись для российского правительства тем более ценными, что он наладил еще одно важное дело - организовал тесную связь своей организации со всеми официальными полицейскими учреждениями Западной Европы¹.

Перед первой мировой войной это частное ведомство помогло соответствующим органам установить тесную связь со всеми официальными полицейскими учреждениями Западной Европы, в том числе и органам государственной безопасности².

Таким образом, рост политической преступности во второй половине XIX и первое десятилетие XX века в России и государствах Западной Европы со всей остротой указывал на необходимость принятия совместных мер в борьбе с этой международной опасностью, главной целью которой было поколебать общественные и государственные устои.

Основными направлениями взаимодействия правоохранительных органов России с правоохранительными органами других государств в борьбе с политической преступностью в рассматриваемый период являлись:

1. Выработка общих подходов в борьбе с политической преступностью. Это выражалось, прежде всего, в приложении международных усилий правоохранительных органов в подавлении Польского восстания 1863 г., Парижской коммуны, борьбе с I Интернационалом. Инициативы по созданию международного фронта в борьбе с политической преступностью практически всегда исходили от России, которая как никто другой осознавала опасность этого явления.

¹ *Коляри Эдоардо*. Русская тайная полиция в Италии // *Былое*. 1924. №25. С. 146.

² *Мулукаев Р.С.* Полиция в России (IX - нач. XX вв.). Нижний Новгород. 1993. С.70.

2. Оказание правовой помощи по политическим делам, основной формой которой была экстрадиция, т.е. выдача политического преступника одним государством другому с целью привлечения его к ответственности. Наиболее тесные взаимоотношения в этом направлении сотрудничества сложились прежде всего с германскими, австрийскими и швейцарскими правоохранительными органами. Однако такие государства как США, Франция, Бельгия, Италия также оказывали России отдельные услуги в вопросах выдачи русских политических преступников.

Существенный вклад в дело организации и развития этого важнейшего направления деятельности правоохранительных органов России внесли дипломатические ведомства за рубежом.

3. Взаимодействие российской заграничной агентуры с зарубежными правоохранительными органами в борьбе с политической преступностью.

Одной из основных трудностей в деятельности российских правоохранительных органов по борьбе с политической преступностью являлось то, что многие революционно-террористические центры находились за границей. Власти понимали, что без хорошо организованной зарубежной агентурной сети, без эффективной помощи полицейских органов других стран оперативно предупреждать и пресекать преступные деяния было невозможно. Поэтому все усилия как правоохранительных, так и дипломатических служб России были направлены на то, чтобы каждый шаг революционеров-эмигрантов находился под постоянным контролем.

ГЛАВА 2. СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН В БОРЬБЕ С ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

§1. СОЗДАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ БАЗЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Преступность как отрицательное социальное явление всегда препятствовала нормальному развитию и функционированию человеческого общества, а со второй половины XIX века она стала явлением, серьезно подрывающим позитивные процессы во многих государствах, а также наносящим существенный ущерб установившимся международным связям.

Проблема общеуголовной преступности, организация борьбы с ней приобретала тогда все более и более глобальный характер. Во-первых, она превращалась в серьезное препятствие на пути социально-экономического, политического и культурного развития государств и существенно снижала уровень и качество жизни населения. Так, например, движение числа подсудимых и осужденных за различные виды преступлений в России с 1861 по 1865 годы (в тыс. чел.) составило:

- подсудимых - (1861 г. - 433, 5) (1865 г. - 510, 5).
- осужденных - (1861 г. - 79, 7) (1865 г. - 94, 0)¹.

С 1868 года все виды преступлений почти при стабильной численности населения возросли в несколько раз. Например, убийства - более чем в 10 раз, кражи - в 5 раз и т.д. Преступность в России в целом до конца столетия постоянно возрастала, опережая темпы роста населения. Ее увеличение происходило преимущественно за счет имущественных преступлений, дела о которых составляли две трети от общего числа всех уголовных дел².

¹ *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С.14.

² *Гуров А.И.* Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 68.

Во Франции с 1840 по 1886 годы число преступлений возросло на 130 %¹. Рост преступных деяний отмечался в Германии²:

Год	Кол-во преступлений	Кол-во осужденных преступников на 100 тыс. населения
1882	389658	1040
1887	454700	1081
1892	534025	1202
1897	559007	1240
1900	563819	1195

Число осужденных только за имущественные преступления в Швейцарии с 1892 по 1896 гг. составило - 5704³.

В целом в конце XIX века в большинстве европейских стран отмечался рост преступности⁴.

Все это предопределяло всеобщую обеспокоенность и заинтересованность европейских государств в совместном поиске наиболее эффективных путей и средств решения данной проблемы.

Во-вторых, потому, что постоянно расширялся круг деяний, представлявших несомненную международную опасность. Эффективную борьбу с такими преступлениями можно было вести только при согласованных действиях большинства государств, при рациональном сочетании внутригосударственных и международных усилий.

Одной из составных частей международных отношений в рассматриваемый период было сотрудничество правоохранительных органов, государств в области борьбы с общеуголовной преступностью. Его особенность в том, что эта область относилась к внутренней компетенции государства,

¹ *Лафарг П.* Преступность во Франции в 1840 - 1886 гг. М., 1908. С.18.

² *Гернет М.* Социальные факторы преступности // *Право.* 1906. №26. С.2279.

³ Там же.

⁴ *Принс А.* Преступность и репрессия. М., 1898. С. 1.

поскольку преступность как социально-правовое явление имела в целом национальный характер, определяемый совокупностью действовавших в данном государстве социально-экономических, правовых и иных факторов. Поэтому такое взаимодействие носило и носит сейчас вспомогательный по отношению к внутригосударственным мерам характер как по объему, так и по значению в деле успешной борьбы с уголовно наказуемыми деяниями.

Российские правоохранительные органы в той или иной мере участвовали в выполнении обязательств царского самодержавия по всем основным направлениям межгосударственного сотрудничества в борьбе с общеуголовной преступностью. Эта деятельность велась во взаимодействии с другими правоохранительными органами и заинтересованными государственными структурами. Одним из неперемennых условий этого взаимодействия было создание необходимой законодательной и организационной базы как на международном, так и внутригосударственном уровне.

Значительную часть международно-правовой базы сотрудничества правоохранительных органов России составляли договоры, заключенные царским самодержавием с другими странами.

Одной из важнейших проблем международных отношений являлась организация деятельности государств в области интересов правосудия. Вместе с постепенным развитием международного общения проблема эта все больше и больше проявлялась, а необходимость ее разрешения путем взаимных соглашений все отчетливее осознавалась всем миром.

История международных отношений показывает, что государства, вступая во взаимоотношения друг с другом относительно осуществления правосудия, старались разрешить множество самых разнообразных сторон этой проблемы.

Во-первых, государства стремились определить в международных договорах и в национальном законодательстве подсудность дел, возникающих в сфере международного права, а также обеспечить, при определенных условиях, правовую защиту как своих подданных вне отечества, так и иностранных граждан на своей территории.

Во-вторых, для организации и развития процесса в различных его стадиях часто возникала необходимость воспользоваться содействием иностранного государства, например, добиться выдачи преступника, скрывавшегося в другой стране, вручить судебную повестку участнику процесса, но жившему вне пределов данного государства, допросить свидетеля, находившегося за границей и т.д.

Во всех этих случаях государства не могли обойтись без взаимной помощи друг другу. С целью обеспечения взаимного содействия в рассматриваемых отношениях государствами заключались специальные международные договоры и, прежде всего, конвенции о взаимной выдаче преступников; о непосредственных сношениях пограничных судебных учреждений; об исполнении отдельных поручений иностранных судебных органов и другие¹.

Что касается российского самодержавия, то с ним могли происходить серьезные переговоры о заключении различного рода соглашений только после судебной реформы 1864 года. До этого времени европейские правительства уклонялись от принятия каких-либо серьезных обязательств в отношении России в этом направлении. Инициативы самодержавия по заключению картельных конвенций оставались, как правило, без результата².

¹ *Ивановский И.* Взаимное содействие государств в производстве следствий по делам уголовным. Одесса, 1889. С.1 - 4.

² В 1837 г. французское посольство в Санкт-Петербурге просило выдать своих подданных, обвиняемых в злостном банкротстве. МИД, поставив в известность министра юстиции, согласилось это сделать, но при условии взаимности. Затем в 1838 г. французский поверенный в делах граф Серсэ предложил договориться относительно выдачи не только лиц, виновных в злостной несостоятельности, но также совершивших преступления, перечисленные в предоставленных им 8 пунктах, которые охватывали общие правонарушения. Но при этом уполномоченный Франции заявил, что нет надобности заключать конвенцию, а можно ограничиться простым обменом нот. Однако такой шаг в действительности не обязывал бы Францию ни к каким действиям, так как по ее Конституции все договоры с иностранными государствами подлежали рассмотрению в палатах. (*Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Спб., 1904. Т.1. С.435-436.).

После издания российских Судебных Уставов 1864 года европейские государства стали гораздо чаще заключать с Россией договоры о взаимной правовой помощи.

В ряду этих договоров первое место принадлежало конвенциям о взаимной выдаче преступников. Начиная со второй половины 60-х годов XIX века и до 1917 года, Россия заключила 21 такое соглашение со следующими государствами:

Данией - 2 (14) октября 1866 года¹; Швецией - 15/27 декабря 1866 г.²; Нидерландами - 7 (19) 1867 г.³; Баварией - 14 (26) февраля 1869 г.⁴; Великим Герцогством Гессен-Дармштадским - 3 (15) ноября 1869 г.⁵; Виртембергским Королевством - 6 (18) марта 1870 г.⁶; Италией - 1 (13) мая 1871 г.⁷; Бельгией - 23 августа (4 сентября) 1872 г.⁸; Швейцарией - 5 (17) ноября 1873 г.⁹; Австро-Венгрией - 3 (15) октября 1874 г.¹⁰; Испанией - 9 (21) марта 1877 г.¹¹; Нидерландами - 1 (13) августа 1880 г.¹²; Монако - 24 августа (5 сентября) 1883 г.¹³;

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи. № 43737; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1867 г., № 1.

² АВПРИ, ф.155, оп.339, д.122, л.5-6.

³ АВПРИ, ф.155, оп.269, д.495 (1867 г.), л.144-146; Полное Собрание Законов Российской Империи. № 44692; Собр. узак. за 1867 г., № 76.

⁴ АВПРИ, там же, л. 182-184; Полное Собрание Законов Российской Империи. № 46872; Собр. узак. за 1869 г., № 51.

⁵ АВПРИ, ф.155, оп.272, д.10 (1870 г.), л. 75-78; Полное Собрание Законов Российской Империи. № 47652; Собр. узак. за 1870 г., № 14.

⁶ АВПРИ, ф.155, оп.272, д.11 (1870 г.), л.38-52.

⁷ АВПРИ, там же, д.17 (1871 г.), л.238-242; Полное Собрание Законов Российской Империи. № 49600; Собр. узак. за 1871 г., № 92.

⁸ АВПРИ, там же, д.19 (1872 г.), л.160-163; Полное Собрание Законов Российской Империи. № 51561; Собр. узак. за 1872 г., № 95.

⁹ Полное Собрание Законов Российской Империи. № 52865; Собр. узак. за 1874 г. № 11.

¹⁰ Полное Собрание Законов Российской Империи. № 55416; Собр. узак. за 1875 г. № 107.

¹¹ Полное Собрание Законов Российской Империи. № 57693; Собр. узак. за 1877 г. № 89.

¹² Полное Собрание Законов Российской Империи. № 61366а; Собр. узак. за 1881 г. № 45.

¹³ Собр. узак. за 1884 г., № 25.

Пруссией - 1 (13) августа 1885 г.¹; Баварией - 19 сентября (1 октября) 1885 г.²; Великобританией - 12 (24) ноября 1886 г.³; Португалией - 28 апреля (10 мая) 1887 г.⁴; Испанией - 12 (24) апреля 1888 г.⁵; Люксембургом - 19 (31) марта 1892 г.⁶; США - 16 (28) марта 1887 г. с дополнительным протоколом 19 февраля (3 марта) 1893 г.⁷; Нидерландами - 23 октября (4 ноября) 1893 г.⁸; Японией - 19 мая/1 июня 1911 г.⁹; Болгарией - 29 октября 1911 г.¹⁰.

¹ АВПРИ, ф.155, оп.344, д.4 (1885 г.), л.1-4; Собр. узак. за 1885 г., № 5.

² АВПРИ, там же, д. 12, л.2-6; Собр. узак. за 1885 г., № 112.

³ Собр. узак. за 1887 г., № 28.

⁴ Собр. узак. за 1887 г., № 96.

⁵ Собр. узак. за 1888 г., № 65; АВПРИ, ф.155, оп.350, д.2, л.147-154.

⁶ АВПРИ, там же, л.122-127 (23 февраля 1891 г. князь Урусов вручил Великому герцогу Люксембургскому грамоты, аккредитирующие его в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра. Перед аудиенцией у Великого герцога, он встретился с государственным министром Эйшеном, который подчеркнул, что "негодяи всей Европы считают Люксембург удобным убежищем". В связи с этим Герцогство Люксембургское заключило договоры о выдаче преступников со многими странами, за исключением немногих и в том числе Россией. Министр нашел это прискорбным и желал бы приступить к переговорам с российским правительством об экстрадиционном трактате. Великий герцог эту инициативу поддержал, подчеркнув, что этот договор имел бы большее значение для России, чем для Люксембурга. (На депеше Урусова российский император написал "конечно!" л.1-3); Сб. действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Спб., 1906. Т.2. 2-е изд. №128.

⁷ АВПРИ, ф. 155, оп.272, д.26 ч.1, л.1-117. (В 1879 г. МИД России дважды обращалось к Правительству США с просьбой о выдаче бывшего директора Сандомирской таможни Жилинского, бежавшего в Америку с весьма значительной суммой государственных и частных денег, а также лиц, прикосновенных к краже денег на 1,5 млн. рублей из хранилища Херсонского губернского казначейства, но в обоих случаях российский посланник в Вашингтоне получал отказ в своем ходатайстве, основанный на отсутствии конвенции о взаимной выдаче преступников.

Признавая, что при обширности территории США и дороговизны переправления оттуда преступников в Россию (процедура розыска и выдачи преступника обходилась в 4500-5000 долларов - л 57), тем не менее заключение подобного соглашения представлялось необходимым в целях остраски российских преступников и удержания их от побегов в США).

⁸ Сб. действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. 2-е изд. Спб., 1906. Т.2. № 133.

⁹ Собр. узак. за 1911 г., №178.

¹⁰ Собр. узак. за 1912 г., №55.

В 1876 году МИД России вступило в переговоры с французским правительством о заключении конвенции о взаимной выдаче преступников. Сопровождения проходили в Санкт-Петербурге с послом - генералом Лефле и привели к подготовке окончательного текста предполагаемого соглашения; однако переговоры в 1877 году прекратились вследствие заявления французского правительства о том, что готовится проект закона об экстрадиции и впредь до принятия этого акта оно обязано приостановить заключение новых конвенций¹.

Совершенно аналогичная ситуация имела место и в переговорах со шведским правительством в 1908-1911 гг.

Важными представляются инициативы России по заключению экстрадиционной конвенции с Парагваем. Эта страна представляла интерес для империи прежде всего с правоохранительной точки зрения. Экономический рост в Парагвае в начале XX века способствовал притоку эмигрантов на его территорию, в том числе и бежавших преступников, среди которых было немало и русских подданных. В марте 1904 года, через посредничество императорской миссии в Бразилии, начались переговоры между российским и парагвайским правительствами о заключении конвенции о взаимной выдаче преступников. Вопрос в принципе был решен и проект договора, представленный Парагваем и дополненный Россией, не встретил препятствий с обеих сторон. Вследствие этого было решено установить предполагаемые в договоре дипломатические отношения. Парагвайское правительство ходатайствовало об аккредитовании в Санкт-Петербурге своего посланника. Однако в связи со сменой правительства в Парагвае этот процесс прервался².

Анализ вышеуказанных договоров позволяет выделить четыре основных направления взаимодействия, относящихся к рассматриваемой проблеме: 1) *круг субъектов, подлежащих выдаче*; 2) *определение деяний, за которые преступники выдавались*; 3) *порядок выдачи*; 4) *последствия выдачи*.

¹ АВПРИ, ф.155, оп.339 (1880 г.), д.122, л.6.

² АВПРИ, ф.155, оп.363 (1904 г.), д.8, л.1-25.

1. Круг субъектов, подлежащих выдаче.

Казалось бы, выдаче должны были подлежать все лица, совершившие преступление или проступок, указанные в картельных конвенциях. Однако в действительности этого не происходило.

Существовало общее правило: не выдаются собственные подданные, совершившие преступления за границей.

Это положение было закреплено практически во всех конвенциях, заключенных европейскими государствами, и национальных законодательствах. Объяснялось это, прежде всего тем, что подданные, подвергшиеся выдаче, будут судимы в другом государстве небеспристрастно.

Так, во Франции это правило было отражено в 62 статье Конституции 1814 года, где было подчеркнуто: "Nul ne pourra être distrait de ses juges naturels" - никто не может быть изъят из ведения своих естественных судей¹.

Исключение составляли только Англия и США, которые выдавали своих собственных граждан, так как с точки зрения юриспруденции и судебной практики этих стран, определяющее значение принадлежало месту совершения преступного действия, а не национальности самого преступника.

Российское самодержавие в заключенных соглашениях также провозглашало принцип невыдачи собственных подданных. Так, например, в статье 2 российско-швейцарской конвенции 1873 года говорится: "Обязательство выдачи ни в коем случае не распространяется на собственных подданных или граждан того государства, от которого требуется выдача..."².

Более того, в конвенциях, заключенных Россией с другими державами, содержались положения о невыдаче не только собственных подданных, но и иностранцев, которые родились в России или иным образом получили

¹ Цит. по: *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Спб., 1905. Т.1. С.438.

² Конвенция о взаимной выдаче преступников, заключенная между Россией и Швейцарией 5 (17) ноября 1873 г. Спб., 1874. С.1.; См. также: ст.3 конвенции 1874 г. с Австро-Венгрией; ст.3 конвенции 1877 г. с Испанией; ст.1 конвенции 1880 г. с Нидерландами и т.д.

подданство или просто поселились в стране. Так, по ст.1 Конвенции 1867 года с Нидерландами, выдавались все лица, кроме "природных жителей", под которыми подразумевались и "те иностранцы, которые по законам той страны, от которой требуется выдача, уравнины с природными жителями, а также иностранцы, водворившиеся в стране и состоящие в браке с туземной женщиной, имеющие от нее ребенка или несколько детей, родившихся в стране"¹.

Из сказанного следует, что иностранец, проживший определенное время в России, мог совершить преступление в Нидерландах, бежать в Россию и не был бы выдан или судим.

Думается, что данное положение являлось несостоятельным. И, неслучайно, в Конвенции 1880 года с этой же страной в ст.1 говорится о том, что не выдаются только собственные подданные². Следовательно, иностранцы, женатые на подданных государства-ответчика, подлежали выдаче наравне с другими лицами. Однако в последних конвенциях это положение несколько видоизменилось. Так, в договорах России с Японией (ст.1) и Болгарией (ст.2) подчеркивается, что "договаривающиеся стороны обязуются при этом подвергать собственных подданных ответственности по своим законам за учиненные ими преступные деяния против законов другого договаривающегося государства, в случае предъявления об этом требования со стороны последнего"³.

Представляется, что выдача собственных подданных одинаково удовлетворила бы и интересы правосудия, и особенно, интересы подсудимого, потому что никакой другой суд, кроме места совершения преступления, не обеспечивал бы в надлежащей мере всех средств и способов как к привлечению к ответственности действительно виновного, так и к оправданию невиновного лица.

¹ АВПРИ, ф.155, оп.269, д.495 (1867 г.), л.144; см. так же: ст.1 конвенции с Баварией 1869 г.

² Собр. узак. за 1881 г. № 45.

³ Указанные соглашения, ст.1 ст.2.

2. Определение деяний, за которые преступники выдавались.

Важность и необходимость точного определения преступных деяний, за совершение которых предусматривалась выдача, не могла подвергаться никакому сомнению. Чем точнее они определялись в договорах, тем меньше возникало разногласий об экстрадиции преследуемого лица.

В этом отношении государства придерживались общего правила перечисления как в национальных законодательствах, так и в картельных конвенциях, тех преступлений, которые давали право требовать выдачи. Как правило, это были наиболее тяжкие преступления и проступки и, вслед за их перечнем, иногда отмечалось, что вообще влекли за собой выдачу все преступные деяния, наказываемые по законам договаривающихся сторон. Покушение и соучастие в общем перечне преступлений и проступков также служили основанием требований о выдаче¹.

Исторически сложилось так, что в договорах об экстрадиции преступников, заключавшихся в XVIII-XIX вв., выдача предусматривалась лишь за отдельные преступления. Так, в первых европейских соглашениях выдаче подлежали лишь лица, совершившие дезертирство. В договоре 1802 года, заключенном Англией, Францией, Испанией и Голландией, в качестве экстрадиционных назывались: убийство, злостное банкротство, фальшивомонетничество².

С течением времени количество преступных деяний, за которые допускалась выдача, увеличивалось. Так, в конвенциях, заключенных Россией с Данией в 1866 г. обозначено только 9 преступлений. Нидерландами 1867 г. - 7; Баварией 1869 г. - 10; Италией 1870 г. - 13; Бельгией 1872 г. - 18; Швейца-

¹ Так, в соответствии со ст.3 российско-баварской конвенции (1869 г.), ст.3 российско-гессенской (1869 г.), ст.1 российско-бельгийской (1872 г.), ст.3 российско-швейцарской (1873 г.), российско-испанской (1877 г.) и в других последующих предусматривалась выдача и за покушения и соучастия в преступлениях.

² См.: Шупилов В.П. Международная правовая помощь по уголовным делам // Советское государство и право. 1974. №3. С.87.

рией 1873 г. - 16; Австрией 1874 г. - 15; Испанией 1877 г. - 15; Нидерландами 1880 г. - 25; Португалией 1887 г. и Нидерландами 1893 г. - 26.

Какие же деяния, за которые, как правило, следовала выдача отмечаются практически во всех конвенциях?

Это можно проследить на примере соглашения, заключенного Россией с Австро-Венгрией 3 (15) октября 1874 г. В соответствии со статьей 2 выдача осуществлялась за следующие преступления или проступки, а также за покушение и соучастие в них:

1) всякого рода умышленное убийство, умышленное нанесение ран и телесных повреждений;

2) двоебрачие, насильственное похищение женщин;

3) похищение младенца;

4) поджог;

5) умышленное повреждение железных дорог, телеграфов;

6) вымогательство, грабеж, разбой, кража;

7) подделка, ввоз и выпуск в обращение фальшивой или измененной в достоинстве монеты или бумажных денег; подделка государственных процентных бумаг или облигаций, банковых билетов;

8) лжесвидетельство, ложные показания экспертов, склонение свидетелей и экспертов к даче ложных показаний, клевета;

9) присвоение или растрата должностными лицами вверенного им по службе имущества, получение взятки и дача взятки;

10) злостное банкротство;

11) злоупотребление доверием;

12) мошенничество или обман;

13) обманные действия шкиперов и корабельщиков против судовладельцев и грузовладельцев;

14) заговор экипажа или его части, совершенный с целью завладения при помощи насилия или обмана кораблем или отдача его морским разбойникам;

15) укрывательство вещей, добытых одним из преступлений или проступков, предусмотренных настоящей конвенцией¹.

Следует отметить, что существовали определенные разногласия в определении отдельных преступных деяний, указанных в соглашениях и в уголовных законах договаривающихся сторон. Так, например, в заключенных Россией конвенциях и Уголовном уложении 1903 года наименование преступлений неодинаковое. В текстах конвенций встречаются выражения: "убийство" и "умерщвление". Однако не совсем понятно, какие виды убийства, указанные в Уложении, подходят под понятие "умерщвление", относились ли сюда, например, отравление, детоубийство? Думается, что при различии в терминологии уголовных законов различных государств разногласия были неизбежны².

Данную проблему удалось разрешить, когда договаривающиеся стороны, вместо определения перечня наказуемых деяний, стали использовать так называемое правило "минимального срока наказания": "Обе стороны обязуются взаимно выдавать всех лиц, привлеченных к ответственности или осужденных за всякое деяние, наказуемое по законам обоих государств тюремным заключением на срок не менее 1 года или наказанием более тяжким"³.

3. Порядок выдачи.

В рассматриваемый период все сношения между государствами по вопросам выдачи преступников происходили дипломатическим путем. Су-

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи. № 52865; Собр. узак. за 1875 г. № 107; Сб. действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими державами. 2-е изд. Спб., 1906. Т.2. С.539-540.

² См.: Уголовное уложение. Представление в Государственный Совет министра юстиции и Председателя высочайше учрежденной Редакционной комиссии. Т.Х. Свод замечаний на Проект Редакционной комиссии. Спб., 1902. С.103.

³ См.: российско-японская конвенция, ст.2, российско-болгарская конвенция, ст.6.

дебные органы заинтересованных государств, в принципе, не могли входить в непосредственные отношения между собой по этим делам¹.

Исключение из правила предъявления требований о выдаче допускалось в том случае, когда в виду особых обстоятельств необходимо было немедленное задержание бежавшего преступника. Для достижения этой цели разрешались непосредственные сношения между судебными органами обоих государств по почте или телеграфу².

По требованию, сообщенному дипломатическим путем, обвиняемое лицо, как правило, подвергалось предварительному аресту, на основании распоряжения местных властей³.

Сроки предварительного содержания под стражей были различны. Так, в 1875 году германский поверенный в делах в Санкт-Петербурге заявил, что его правительство полагало бы определить 2-месячный срок для предварительного содержания под стражей лиц, совершивших преступление в России и бежавших в Пруссию, предоставляя себе право выпускать их по истечении этого срока на свободу, если не будет ему доставлено в это время судебного постановления об аресте.

Принимая во внимание, что в заключенных Россией с другими державами конвенций о выдаче преступников, срок предварительного ареста до

¹ До середины XIX в. переговоры о выдаче, наоборот, происходили непосредственно между пограничными властями. Такой порядок был установлен, например, между Россией и Пруссией договором 1804 г. и между Россией и Австрией на основании договора 1808 г. Кроме этого, обе стороны предоставляли друг другу право преследовать дезертиров даже на соседних территориях, до первого местного военного или таможенного поста. (См.: *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Спб., 1880. Т.3. № 61; 1885; Т. 6. № 242).

² См.: российско-датская конвенция 1866 г., ст.5; российско-голландская 1867 и 1880 гг. ст.7; российско-итальянская 1871 г., ст.10 конвенции и т.д.

³ Порядок рассмотрения требований о выдаче в разных государствах был различен. В рассматриваемый период действовали три системы: 1) французская - административная; 2) английская - исключительно судебная; 3) германо-бельгийская - судебно-административная. (См.: *Шостак Е.Я.* Указ. соч. С.28-30; *Heizer.* Deutsche Auslieferungsvertrage. Berlin, 1883. С.24.)

получения необходимых документов гораздо меньше: со Швейцарией и Бельгией - 3 недели; с Баварией - 20 дней. - Российское правительство признало этот срок вполне достаточным¹.

Предварительный арест давал возможность государству, в отношении которого было совершено преступление, обсудить требование о выдаче и подкрепить это требование необходимыми сведениями и документами.

Для того, чтобы акт выдачи состоялся, недостаточно было одного предъявления требования. Важно, чтобы оно сопровождалось необходимыми доказательствами, другими документами, подтверждающими его основательность. Все российские конвенции, подобно иностранным, требовали для осуществления выдачи соответствующего судебного постановления, причем довольствовались в этом отношении подлинником или копией постановления об аресте: должно было быть квалифицировано преступление, в котором обвинялся выдаваемый, и наказание, которому оно подлежало.

Когда требование об экстрадиции было рассмотрено, следовало или согласие на выдачу, или отказ.

В случае согласия, требуемое лицо выдавалось сотруднику правоохранительных или пограничных органов на границе. Если же договаривающиеся стороны не имели общей границы, то транзит преступника осуществлялся через территорию третьей страны, на который она, как правило, давала согласие.

Расходы, связанные с экстрадицией, до 60-х годов XIX века возмещались правительствами, которые ее требовали. В рассматриваемый период они осуществлялись за счет выдающего государства, которые имели место в пределах его территории. Расходы за границей, т.е. на территории третьей державы, - расходы по транспортировке, ложились на страну, требующую выдачи².

¹ АВПРИ. ф.155, оп.277, д.35 (1875 г.), л.1.

² См.: российско-гессенская конвенция 1869 г., ст.16; российско-швейцарская 1873 г., ст.18; российско-испанская 1874 г., ст.12; российско-голландская 1880 г., ст.15 и 16; российско-английская, ст. 16 и т.д.

Что касается отказа в экстрадиции, то в конвенциях, заключенных Россией с иностранными державами, говорится о двух основаниях невыдачи: об уголовном преследовании в запрашиваемой стране по идентичному преступлению и о давности¹.

На основании законов какой страны и каким образом обсуждалась давность? В виду установленного международными обычаями и принятого во всех заключенных Россией картельных конвенциях правила, исчисление сроков давности, освобождающей от выдачи, производилось согласно законам того государства, от которого требовалась выдача. На основании ст. 158 Уложения о наказаниях 1885 года при разрешении вопросов об экстрадиции преступников, давность должна была исчисляться с момента совершения преступления в иностранном государстве, требующим выдачи, до момента предъявления требования о выдаче — причем, время, которое неизбежно проходило от этого последнего момента до самой выдачи, в расчет не принималось.

Однако следует иметь в виду некоторую особенность российских постановлений о давности в сравнении с иностранными. Российские уголовные законы практически не знали института "давности наказания" и, когда дело было рассмотрено судом, то сколько бы ни прошло времени с момента осуждения преступника, он в России не мог подлежать освобождению от наказания, вынесенного ему по судебному приговору. Поэтому в установленных конвенциями случаях отсрочки экстрадиции требуемых от России преступников — погашение наказания давностью практически никогда не

¹ Так, в соответствии со ст.4 российско-швейцарской конвенции 1873 г. "Выдача не последует:

1. Когда она требуется по поводу того же преступления или проступка, за которые требуемое лицо несет или уже понесло наказание, или по которому оно было оправдано или освобождено от суда в той стране, от которой требуется выдача.

2. Если для начала дела или для наказания прошел срок давности по законам той страны, от которой требуется выдача". [Конвенция о взаимной выдаче преступников, заключенная между Россией и Швейцарией 5 (17) ноября 1873 г. Спб., 1874. С.5].

могло являться для российского государства поводом к отклонению просьбы о выдаче лица, которое не привлекалось к суду, но уже было осуждено за преступление, совершенное им за границей¹.

Кроме выдачи преступников в договорах имелись также и положения о других видах взаимной правовой помощи государств:

- а) поручение о проведении следственных действий;
- б) явка свидетелей;
- в) сообщение документов, актов и сведений по уголовным делам;
- г) очные ставки;
- д) арест вещей и их выдача.

а) Поручение о проведении следственных действий

В некоторых российских конвенциях упоминалось только об одном следственном действии - допросе свидетелей. В соответствии с российско-датским соглашением 1866 года свидетели допрашивались по возможности с соблюдением правил, указанных в ходатайстве, как желательных в силу постановлений законов той страны, где должно иметь применение свидетельское показание².

В остальных российских договорах отмечалось, что допрос свидетелей производится с соблюдением законов той страны, где свидетель привлекался к допросу. Просьба о допросе свидетелей по всем российским конвенциям передавалась дипломатическим путем. Данное следственное действие не допускалось по политическим преступлениям в договорах: российско-бельгийском, российско-австрийском, российско-испанском и российско-швейцарском.

б) Явка свидетелей

В рассматриваемый период международное договорное право выработало общие правила о явке свидетелей: явка необязательна для свидетеля; в случае согласия, все его расходы оплачивались заранее государством, где

¹ АВПРИ, ф.155, оп.353 (1894 г.), д.4, л.1-8.

² Полное Собрание Законов Российской Империи. № 43737; Собр. узак. за 1867 г., № 1.

проживал свидетель; окончательно издержки оплачивались государством, ходатайствующим о явке; свидетель защищался от уголовного и гражданского преследования, которое предшествовало его вызову; ходатайство о явке делалось дипломатическим путем (окончательно свидетель вызывался судебной властью). Некоторые юристы-международники высказывали предположение об установлении обязательности явки, вследствие усиления сотрудничества между государствами¹.

В российских конвенциях по вопросам о явке не были отражены некоторые из вышеперечисленных положений: российско-датская - правило о выдаче издержек заранее, о непреследовании свидетелей, об исключении по политическим преступлениям; российско-голландская, российско-баварская и российско-гессенская - о не преследовании свидетелей и о политических преступлениях; российско-итальянская и российско-бельгийская - политические преступления; российско-швейцарская - о непреследовании свидетелей. Исключение составляли только российско-австрийское и российско-испанское соглашения².

А в ст.14 российско-бельгийской конвенции, кроме того, подчеркивалось, что свидетели не могли быть арестованы за раскрытое на следствии их соучастие в рассматриваемом преступлении³.

Думается, что эти пробелы только вредили интересам уголовного правосудия, так как свидетели, неохотно соглашавшиеся на явку вообще, несмотря на довольно щедрое вознаграждение за издержки, еще неохотнее решались ехать, рискуя подвергнуться преследованию в вызывающей стране.

в) Сообщение документов, актов и сведений по уголовным делам

Все российские конвенции включали в себя положение по указанному вопросу и разрешали его следующим образом: правительство заинтересо-

¹ Шостак Е.Я. Указ. соч. С.38.

² См.: ст.ст.14 указанных конвенций.

³ АВПРИ, ф.155, оп.272, д.19 (1872 г.), л.162.

ванного государства обязано было доставить все следственные материалы с вещественными доказательствами и все сведения и документы, необходимые для дела¹. Кроме того, российско-бельгийская, российско-швейцарская, российско-австрийская и российско-испанская конвенции считали нужным подчеркнуть, что это требование не распространяется на политические преступления.

г) Очные ставки

При расследовании какого-нибудь уголовного дела часто возникала необходимость в очных ставках обвиняемого с другим лицом, находящимся в заключении в иностранном государстве. Достигнуть этого можно было с помощью ходатайства к другому государству о направлении заключенного в суд, рассматривающий данное дело. Чтобы определить и упорядочить по этой проблеме взаимные юридические отношения, в конвенции о выдаче преступников вносились соответствующие постановления.

В них подчеркивалось, что если при производстве в одном государстве следствия по какому-нибудь уголовному делу понадобится очная ставка подсудимого с лицами, содержащимися под арестом в другом государстве, то о пересылке таковых должно быть послано ходатайство дипломатическим путем. Оно должно было быть исполнено, если этому не препятствовали какие-нибудь "особые соображения" и под условием скорейшего обратного возвращения арестованных².

д) Арест вещей и их выдача

В договорах, заключенных между различными государствами, было выработано следующее правило: выдаются все вещи, добытые как в резуль-

¹ См.: ст. 4 российско-австрийской конвенции 1874 г.

² См. конвенции: российско-гессенская 1869 г., ст. 13, 16; российско-баварская 1869 г., ст. 13, 16; российско-итальянская 1871 г., ст. 15; российско-австрийская 1874 г., ст. 15; российско-голландская 1880 г., ст. 14, 16; российско-монакская 1883 г., ст. 15; российско-испанская 1888 г., ст. 15.

В остальных конвенциях о выдаче преступников между Россией и другими державами нет постановлений об очных ставках.

тате преступления так и могущие служить доказательством: выдача их производится независимо от выдачи преступника: права третьих лиц должны быть гарантированы¹.

Рассмотрим, как эти положения были отражены в соглашениях России с другими державами.

В российско-датской конвенции 1866 г. упоминания о вещах не находим. В российско-голландской 1867 г., гессенской 1869 г., швейцарской 1873 г. отмечается о всех вещах, изъятых у выдаваемого лица и возвращении их в момент выдачи государству-истцу².

Более подробно об аресте и выдаче вещей говорится в ст. 11 российско-итальянской конвенции 1871 г.: "вещи, добытые преступлением, принадлежащие обвиняемому или служащие уликами, выдаются независимо от выдачи лица; вещи, принадлежавшие третьим лицам, должны быть возвращены безвозмездно по окончании дела; государство выдающее может на время удержать указанные вещи, если они нужны ему для уголовного следствия по тому же или другому делу"³.

4. Последствия выдачи.

Акт выдачи влек за собой определенные юридические последствия, касающиеся как государства, которому был выдан субъект, так и самого преступника.

Государство, в пользу которого следовала выдача, могло судить выданное лицо только за преступление, указанное в договоре о выдаче.

Это правило нашло отражение только в одной статье каждой из заключенных Россией конвенций. Так, например, в статье 5 российско-австрийского соглашения 1874 года отмечалось, что выданный за общеуголовное преступление не мог быть судим за деяние политическое, совершен-

¹ См.: Шостак Е.Я. Указ. соч. С.36.

² См. ст.ст. 8, 10, 11 указанных конвенций.

³ АЗПРИ, ф.155, оп.272, д.17 (1871 г.), л.240.

ное до выдачи; точно так же выданный не мог быть судим за преступление, не упомянутое в требовании¹.

Последствия выдачи по отношению к выданному преступнику заключались в том, что это лицо, вследствие акта выдачи, не лишалось никаких судебных прав, которые принадлежали по закону каждому подсудимому. Выдаваемый имел право на беспристрастный и справедливый суд и не мог быть судим в отступление от установленного соглашения.

В вопросах заключения международных соглашений о взаимной выдаче преступников Россия имела богатейшую практику. И неслучайно некоторые европейские государства обращались к российскому правительству с целью изучения данного опыта. Так, в 1867 году миссия Великобритании в Санкт-Петербурге официально обратилась в МИД с просьбой о предоставлении копий договоров, заключенных Россией с другими державами, о взаимной выдаче преступников и вообще сведений по этому направлению международного сотрудничества. Великобританское правительство желало иметь:

“1) копии всех международных договоров о выдаче преступников, в которых Российское правительство участвует, как и всех законов, существующих по сему предмету;

2) сведения об общем законе, существующем независимо от особых трактатов, касательно выдачи преступников, русских подданных и иностранцев, которые избегают правосудия государства, в котором преступление было совершено;

3) какими преступлениями обуславливается выдача преступников;

4) какие требуются улики;

5) в каких формах должно быть составлено прошение о выдаче;

6) каким образом совершается выдача;

---

¹ См.: Полное Собрание Законов Российской Империи. № 55416; Собр. узак. за 1875 г., № 107; в 1872 г. швейцарские власти согласились выдать России С.Нечаева при условии, что он будет судим не за государственное, а за уголовное преступление.

7) составляет ли главное условие обоюдность в прошении о выдаче преступников:

8) обоюдность эта должна ли быть определена в виде международного обязательства или существовать только de-facto;

9) русские подданные могут ли быть вызваны к суду иностранными судами:

10) могут ли русские подданные и иностранцы быть судимы в России за преступления, совершенные в других государствах и какие требуются улики в подобных случаях¹.

10 апреля 1886 года португальская миссия в Санкт-Петербурге обратилась с просьбой к российскому правительству о предоставлении ей сведений о заключении конвенций о взаимной выдаче преступников Россией с другими государствами. 27 апреля российское правительство необходимую информацию представило².

С аналогичными просьбами к России обращались в 1892 году бельгийские³ и в 1911 году американские власти⁴.

Важным дополнением к системе двухсторонних соглашений по вопросам взаимной выдачи преступников явились Декларации между Россией и Швейцарией (9/22 февраля 1908 г.)⁵, Данией (26 февраля/11 марта 1909 г.)⁶, Княжеством Монако (14/27 января 1910 г.)⁷ о взаимной выдаче лиц, преследуемых за злоупотребление взрывчатыми веществами. В соответствии с этими соглашениями расширялся круг преступных деяний, предусмотренный в ранее заключенных договорах, за которые следовала выдача:

- причинение посредством взрывных веществ преднамеренно и в нарушение существующих законов вреда другому лицу или его имуществу;

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 268, д. 456, л. 5.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 345 (1886 г.), д. 527, л. 1-2.

³ АВПРИ, ф. 155, оп. 351 (1892 г.), д. 6, л. 1-2.

⁴ АВПРИ, ф. 155, оп. 370 (1911 г.), д. 113, л. 1-2.

⁵ Собр. узак. за 1908 г. № 66.

⁶ Собр. узак. за 1909 г. № 39.

⁷ Собр. узак. за 1910 г. № 29.

- изготовление, ввоз, хранение и использование каких-либо снарядов и веществ, без разрешения надлежащих властей, с преступной целью¹.

Какова причина подписания этих договоров? 9 февраля 1906 года Государственный Совет установил ответственность за изготовление, приобретение, хранение, ношение и сбыт без надлежащего разрешения взрывчатых веществ или снарядов. Нарушение этих положений влекло за собой лишение всех собственных прав и заключение в исправительно-арестанские отделения от 4 до 5 лет, а когда эти деяния совершались с какой-либо целью против государственной безопасности или общественного спокойствия - лишение всех прав состояния и ссылку на каторжные работы сроком от 4 до 15 лет².

В заключенных между Россией и иностранными государствами конвенциях о выдаче преступников не предусматривалась возможность предъявления требования об экстрадиции за перечисленные выше преступные деяния. Вследствие этого Министерство юстиции обратилось через МИД в российские посольства и миссии с предложением войти в сношения с правительствами тех государств, с которыми уже были заключены договора с включением в них постановлений относительно выдачи лиц, совершивших перечисленные деяния. Такие государства, как Англия, США, Португалия, Италия не стали заключать дополнительные соглашения, мотивируя тем, что эти деяния имеют под собой политическую основу.

Начиная с 70-х годов XIX века, по инициативе правоохранительных органов, Российское правительство стало заключать специальные соглашения о взаимном содействии государств в производстве следствий по уголовным делам. Это:

- декларация со Швецией и Норвегией 20 мая (1 июня) 1870 г. о судебных издержках³;

¹ См. ст. I указанных деклараций.

² Собр. узак. за 1906 г., ст. 306.

³ АВПРИ, ф. 155, оп. 272, д. 9 (1870 г.), л. 87-88; Полное Собрание Законов Российской Империи. № 48513; Собр. узак. за 1870 г. № 56.

- декларация с Италией 21 июня (3 июля) 1874 г. о передаче судебных объявлений и об исполнении судебных поручений¹;

- конвенция с Германией 23 января (4 февраля) 1879 г. о непосредственных сношениях между судебными учреждениями Варшавского судебного округа и германскими пограничными судебными властями по делам гражданским и уголовным²; с дополнительным актом к этой конвенции 17 (29) августа 1883 г.³

- конвенция с Австрией 21 марта (2 апреля) 1884 г. о непосредственных сношениях между судебными учреждениями Варшавского судебного округа и австрийскими пограничными судами Львовского и Краковского округов⁴; с дополнительной декларацией 24 марта (5 апреля) 1899 г.⁵;

- соглашение, заключенное с Францией 4 (16) апреля 1890 г. по вопросу об издержках по исполнению судебных поручений по уголовным делам⁶;

- конвенция с Румынией 12 (24) марта 1894 г. о непосредственных сношениях пограничных судебных учреждений⁷.

Почему возникла необходимость заключения трехстороннего соглашения между Россией, Швецией и Норвегией?

5/17 января 1821 года в Торнео между этими странами уже была заключена конвенция, где на основании ст.8 постановлялось, что если подданный одной державы совершит в пределах другой одно из преступлений: убийство, поджог, грабеж или кражу, и потом скроется в своем крае, то следствие о подобном преступлении производилось в ближайшем к месту

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи. № 53840; Собр. узак. за 1874 г. № 74.

² Полное Собрание Законов Российской Империи. № 59474; Собр. узак. за 1879 г. № 51.

³ Собр. узак. за 1884 г. № 5.

⁴ Собр. узак. за 1884 г. № 97.

⁵ Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Спб., 1906. Т.2.С.262-264.

⁶ Там же. С.635-636.

⁷ Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774-1906 гг.). Варшава, 1906. С.421-423.

преступления суде на родине подсудимого, истцу же и обвинителю надлежало явиться в упомянутый суд со свидетелями или другими документами¹.

После заключения этой конвенции часто случалось, что не только российские или финские граждане, являвшиеся по надлежащему вызову в качестве свидетелей, получали от шведского правительства вознаграждение за их расходы, но и шведские подданные, допрошенные в качестве свидетелей в финляндском суде, обращались к шведским властям за таким же вознаграждением, а так как необходимые суммы нельзя было получить ни с виновного, ни из финской казны, то правительство Швеции распоряжалось о выдаче этим лицам компенсации за расходы из своих средств, и тем самым принимало на себя расходы на свидетелей, выслушанных как в шведских так и финских судебных органах.

Поэтому 20 мая (1 июня) 1870 года российское правительство и правительства Швеции и Норвегии признали полезным установить общее правило, по которому в пограничных частях Финляндии и Швеции впредь возмещение расходов на проезд и проживание своих подданных, являвшихся на допрос в качестве свидетелей по уголовному делу в судебные органы другого государства, брало бы на себя правительство, в подданстве которого эти лица состояли².

Декларация 21 июня (3 июля) 1874 года о передаче судебных объявлений и об исполнении судебных поручений между Россией и Италией.

Правительства обеих стран стремились обеспечить порядок в этом направлении правовой взаимопомощи и постановляли:

- производить передачу судебных объявлений и приведение в исполнение судебных поручений по гражданским и уголовным делам через соответствующие власти и чтобы ко всем материалам был прилагается французский перевод;

¹ АВПРИ, ф.155, оп.272, д.8 (1870 г.), л.19.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 272, д. 8 (1870 г.), л. 87-88; См. так же: *Ивановский И.* Собрание действующих договоров, заключенных Россией с иностранными державами. Одесса, 1890. Т.2. С.209-210.

- должно быть точно обозначено местопребывание лица, к которому все это относилось;

- в соответствии со ст.2 передача судебных объявлений, судебных повесток и судебных поручений должна была производиться дипломатическим путем;

- расходы на указанные мероприятия осуществлялись государством, к которому было обращено ходатайство¹.

При производстве следственных действий по уголовным делам у судебных органов часто возникала необходимость прибегнуть к помощи иностранных коллег. Однако осуществление подобной процедуры было делом длительным и сложным.

Поэтому российское правительство заключило ряд конвенций о непосредственных сношениях пограничных судебных учреждений с соседними странами: Германией 23 января (4 февраля) 1879 г., Австрией 21 марта (2 апреля) 1884 г., Румынией 12 (24) марта 1894 г.

Заключение этих соглашений позволяло российским и соседним судебным органам, а также лицам прокурорского надзора осуществлять между собой без дипломатического посредничества по следующим требованиям, предъявляемым по гражданским и уголовным делам:

1) Требование о производстве предварительных дознаний, следственных действий о преступлениях и проступках, совершенных на территории той или другой из обеих стран, допросов, осмотров на месте происшествия, домашних обысков и выемок, медицинских освидетельствований.

2) Требование о передаче вещественных доказательств, ценностей и документов, относящихся к делам, рассматриваемым в судебных органах.

3) Переписка прокуроров по уголовным делам.

4) Передача повесток о вызове в суд, требований о явке в суд, повесток судебных приставов, судебных объявлений, судебных требований и других судебных актов, как по гражданским, так и по уголовным делам.

---

¹ Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Спб., 1906. Т.2. С.645-646.

5) Показания свидетелей под присягой и без нее¹.

Это позволяло заинтересованным сторонам более оперативно рассматривать уголовные дела. Однако в ст. 6 вышеуказанных соглашений подчеркивалось, что "в случае, если по особым соображениям было бы признано неудобным применить к какому-нибудь делу порядок непосредственных сношений, то высоким договаривающимся сторонам предоставляется производить взаимную передачу относящихся к этому делу судебных поручений дипломатическим путем"².

Издержки, связанные с передачей судебных объявлений и повесток о вызове в суд или приведением в исполнение судебных поручений, относились к государству, к которому было обращено требование³.

К правовым основам взаимодействия российских и зарубежных правоохранительных органов в борьбе с общеуголовной преступностью следует отнести и конвенции между Россией и Бразилией от 13/26 августа 1910 г.⁴ и Россией и Италией от 14/27 октября того же года⁵ об обязательном третейском разбирательстве.

Эти государства обязывались "представлять Постоянной Третейской Палате, учрежденной в Гааге 17/19 июля 1899 г., могущие возникнуть между ними разногласия в случаях, перечисленных в статье 3, насколько таковые не затрагивают чести, независимости жизненных интересов и осуществления верховных прав договаривающихся стран и поскольку полюбовное разрешение не могло быть достигнуто непосредственными дипломатическими отношениями или каким-либо другим способом примирения.

Ст.3. Третейское разбирательство обязательно для обеих сторон:

...3) вопросов судопроизводства как гражданского, так и уголовного, а также выдачи преступников"⁶.

¹ См.: ст.3 указанных соглашений.

² См.: ст.6 указанных конвенций.

³ См.: ст.7 названных конвенций.

⁴ Собр. узак. за 1912 г., № 173.

⁵ Там же, № 25.

⁶ Ст.ст. 1, 3 указанных соглашений.

Важным многосторонним соглашением в рассматриваемый период явилась конвенция о пресечении торга женщинами, с заключительным к ней Протоколом, принятая 4 мая 1910 года в Париже 14 государствами: Германией, Австро-Венгрией, Бельгией, Бразилией, Данией, Испанией, Францией, Великобританией, Италией, Нидерландами, Португалией, Россией и Швецией. В статье 1 этого соглашения подчеркивалось: "должен быть наказан всякий, кто для удовлетворения похоти другого лица склонил, вовлек или совратил в разврат несовершеннолетнюю женщину или девицу (ст.2 совершеннолетнюю женщину), хотя бы и с ее согласия, и хотя бы отдельные действия, являющиеся частями сего преступного деяния, были совершены в различных странах"¹.

Острую необходимость разработки и принятия международного соглашения вызывал рост масштабов такого преступного деяния, как распространение порнографических изданий. И, неслучайно, в мае 1910 года в Париже 15 государств, в том числе и Россия, приняли конвенцию о борьбе с этим преступлением. Державы в этом направлении взяли на себя следующие обязательства: создать специальные органы в каждом государстве для централизации всех сведений о таких деяниях; оказывать содействие международному розыску и пресечению данных преступлений. Однако в соглашении не было перечня преступных деяний и не предусматривались меры наказания².

Важную страницу в перечень многосторонних соглашений внесла Конвенция о борьбе с наркотиками, подписанная 12 государствами (Россией, Англией, Францией, США, Германией, Италией, Нидерландами, Португалией, Японией, Китаем, Персией, Сиамом (Тайландом) во время конференции в Гааге с 1 декабря 1911 года по 23 января 1912 года. Основная значимость этого соглашения состояла в том, что в нем были сформулированы

¹ Собр. узак. за 1912 г., № 226; АВПРИ, ф.155, оп.346 (1887-1914 гг.), д.356, л.158-166. (Российскую делегацию представляли: от МВД - гофмейстер А.В.Бельгард, от Министерства юстиции - действительный статский советник Дерюжинский).

² АВПРИ, ф.155, оп.368 (1909 г.), д.5, л.104-109.

принципы, являющиеся основой международного контроля над наркотиками до современного периода: производство и потребление наркотиков должно ограничиваться исключительно медицинскими и научными целями; контрольно-разрешительная система производства, торговли и потребления наркотических средств¹.

Проблема всевозрастающей преступности призывала государства мира к созданию различных организационных форм и методов взаимодействия.

Все настойчивее в рассматриваемый период высказывались предложения о создании различных международных организаций и всемирных законов - от Международного союза выдачи преступников до Кодекса международного уголовного права. В 1893 году немецкий ученый-юрист Франц фон Лист выступил с предложением о создании международной организации, главными задачами которой было бы преследование преступников в масштабах Европы. Он указывал на необходимость международной охраны "общих интересов всех культурных государств", подразумевая под "общими интересами" безопасность международных путей сообщения, межгосударственную торговлю, защиту денежной эмиссии государств, борьбу с морским разбоем, работоторговлей и международным мошенничеством². Однако предложение немецкого криминолога об организации международного института, целью которого была бы борьба с преступностью в международном масштабе, было слишком общим и осталось практически без внимания.

В 1872 году создается Международная уголовно-пенитенциарная комиссия. Решение о ее образовании было принято на I-м Международном конгрессе, проходившем в Лондоне. Комиссия была учреждена для разработки и подготовки к обсуждению на тюремных конгрессах выдвигаемых практической деятельностью вопросов уголовного права и тюремоведения. Представителями от российского правительства в ней всегда были началь-

¹ Бувайлик Г.Е. Международный контроль над наркотиками // Сов. государство и право. 1967. № 10. С.124-125.

² Лист Ф. Международное право. Юрьев, 1909. С.314-315.

ники Главного тюремного управления¹. В дальнейшем эта комиссия уделяла большое внимание организации II-XI пенитенциарных конгрессов, обсуждавших различные проблемы борьбы с преступностью: координация деятельности правоохранительных органов в борьбе с общим злом; правовая взаимопомощь; идентификация преступников; выдача государством собственных подданных; уголовные наказания иностранцев².

В 1889 году по инициативе известных европейских юристов Ф.Листа (Берлин), А.Принса (Брюссель) и Г. Ван Гаммеля (Амстердам) был учрежден Международный союз криминалистов, который выступил с призывом "изучать и подавлять" международные преступления путем проведения согласованных международных полицейских мероприятий. Центральными органами Союза являлись международные съезды³ и Центральное бюро. Центральное бюро состояло из 8 членов, под председательством профессора Принса; оно устраивало ежегодно совещания по вопросам совместной деятельности, приглашая на них представителей отдельных национальных групп. На них происходил также обмен мнениями относительно совершенствования законодательства в различных странах. К 1910 году организация располагала двумя периодическими изданиями:

- 1) *Bulletin de l'union Internationale de droit penal* (Берлин);
- 2) *Revue de droit penal et de criminologie* (Брюссель).

В начале XX века основная деятельность Союза активизировалась в национальных группах, которые имели своих членов и организовывали свои съезды. В 1908 году национальные группы насчитывали в своих рядах: германская - 339 членов, австрийская - 284, русская - 269, венгерская - 81.

¹ ГАРФ, ф.122, оп.1, д.2945, л.1-3.

² См.: *Бородин С.В., Ляхов Е.Г.* Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. М., 1983. С.16.

³ За время своего существования Союзом было организовано и проведено 12 съездов: Брюссельский - 1889 г.; Бернский - 1890 г.; Христианинскый (Осло) - 1891 г.; Парижский - 1893 г.; Антверпенский - 1894 г.; Лицкий - 1895 г.; Лиссабонский - 1897 г.; Будапештский - 1899 г.; Санкт-Петербургский - 1902 г.; Гамбургский - 1905 г.; Брюссельский - 1910 г.; Копенгагенский - 1913 г.

датская - 71, швейцарская - 43 и т.д. (всего 11 групп). 4 января 1914 года в Берлине было торжественно отпраздновано 25-летие Международного союза. К этому времени по численности на 1 месте стояла русская группа - 405 членов, германская - 315, в остальных не более 100 членов.

Первоначально в состав Союза входило более 600 членов - что считалось тогда "блестящим успехом". А к 1904 году организацию представляли 1300 человек в 29 странах.

Одной из наиболее авторитетных и сильных национальных групп Международного союза криминалистов являлась русская группа, действовавшая с 1897 по 1914 гг. и уделявшая основное внимание разработке мер борьбы с преступностью. Она включала в свой состав ученых-криминалистов самых различных политических убеждений. Возглавлял ее профессор Санкт-Петербургского университета И.Я.Фойницкий¹.

На рубеже XIX-XX веков во многих странах были образованы национальные комитеты по организации борьбы с торгом женщинами. В России такое учреждение под названием "Российское общество защиты женщин" было образовано в 1900 году. Эти комитеты находились в тесном сотрудничестве друг с другом и образовали в 1899 году Международный союз, который имел свой центральный орган - Международное бюро в Лондоне.

Практика международного общения и борьба с общеуголовной преступностью на рубеже XIX-XX веков привели к возникновению идеи о формировании международного уголовного права.

Первоначально под международным уголовным правом понимался ограниченный круг норм, регулировавших вопросы действия уголовного закона в пространстве (принцип, устанавливающий пределы действия закона на одной страны, если преступление совершено на территории другой страны, но гражданином государства, из которого он приехал). Этому спо-

¹ См.: "Русская группа Международного союза криминалистов. Протоколы собрания группы 3-6 января 1905 г.". Спб., 1905; "Русская группа Международного союза криминалистов", Спб., 1911; "Русская группа Международного союза криминалистов". Протоколы 9-го собрания группы 28-31 марта 1912 г. Спб., 1912.

собствовало увеличению числа преступлений, совершаемых иностранцами в странах временного их пребывания, в том числе дипломатическими представителями. Таким образом, эти первые узаконения уголовно-правового характера, хотя и имели специфические истоки - преступления, должны были способствовать урегулированию межгосударственных отношений. Кроме того, иногда государства стремились распространить действие своих национальных законов на территорию другого государства, что, естественно, вызывало негативную реакцию, так как это являлось посягательством на суверенитет других государств¹.

Итак, вторая половина XIX века как в России, так и в Европе, наряду со значительными экономическими, политическими и культурными преобразованиями, характеризуется и заметным ростом общеуголовной преступности. Такие преступления, как убийство, кража, различного рода мошенничества, подделка денежных знаков, банковских билетов и другие стали серьезно препятствовать позитивным процессам в большинстве стран.

Борьба с этими преступлениями, предпринимаемая отдельными государствами, в большинстве случаев оказывалась безуспешной в силу многих причин.

Ни одно государство того времени не в состоянии было собственными силами обеспечить уважение к праву и порядку внутри страны, все начинали понимать, это - задача международного уровня. Успешно осуществить эту задачу было невозможно без создания правовой и организационной базы взаимодействия правоохранительных органов.

Первым шагом российского государства в этом направлении стало заключение международных соглашений о взаимной выдаче преступников, которые становились обязанностью и актом правовой помощи в области международного сотрудничества.

Это направление проявлялось в достаточно большом количестве (21) картельных конвенций, которые Россия заключила в рассматриваемый пе-

---

¹ См.: *Карпец И.И.* Международная преступность. М., 1988. С.90.

риод с европейскими державами и США, причем, обязанность выдачи, с течением времени, распространялась на все большее и большее число преступных деяний. В первое десятилетие XX века эти соглашения были дополнены российско-швейцарской, российско-датской и российско-монакской декларациями о взаимной выдаче лиц, преследуемых за злоупотребление взрывчатыми веществами.

Кроме того, с 70-х годов XIX века Россия была связана целым рядом международных соглашений, которые определяли ее сотрудничество с различными державами относительно исполнения судебных поручений:

- о судебных издержках (со Швецией и Норвегией);
- о передаче судебных объявлений и об исполнении судебных поручений (с Италией);
- о непосредственных сношениях пограничных судебных учреждений (с Германией, Австрией и Румынией);
- об издержках по исполнению судебных поручений по уголовным делам (с Францией).

А многосторонние соглашения о пресечении торга женщинами, о борьбе с распространением наркотиков и порнографических изданий явились результатом международной обеспокоенности этими преступными явлениями.

Качественные изменения в динамике и структуре общеуголовной преступности в рассматриваемый период не только за счет ее количественных изменений, но и тяжести, организованности, степени общественной опасности обуславливали необходимость создания организационной базы взаимодействия правоохранительных органов.

Учреждение таких организаций, как Международная уголовно-пенитенциарная комиссия, Международный союз криминалистов; попытка формирования международного уголовного права, - способствовали более эффективной организации борьбы с преступностью в международном масштабе.

§2. ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Вторая половина XIX века была отмечена заметным ростом общеуголовной преступности во многих странах мира, принимавшей все более интернациональный характер. Эта проблема обнаружила необходимость принятия коллективных мер и усилий в борьбе с этой международной опасностью. В этой области борьбы интенсивно формировались следующие формы и методы взаимодействия:

- 1) совместное обсуждение проблем борьбы с общеуголовной преступностью;
- 2) оказание правовой помощи по уголовным делам;
- 3) обмен информацией (оперативной, о нормативно-правовом регулировании, об опыте работы и применении научно-технических достижений в борьбе с преступностью).

1. Совместное обсуждение проблем борьбы с общеуголовной преступностью

Ученые-юристы, представители правоохранительных органов различных государств выступали в рассматриваемый период за развитие научного сотрудничества в борьбе с преступностью, указывали на необходимость оперативного обмена сведениями о национальных нормах уголовного-пенитенциарного и других отраслей права; подчеркивали важность обмена опытом конструирования международно-правовых норм, объявляющих преступным то или иное деяние.

Начиная со второй половины XIX века, государства начали периодически организовывать международные конференции, конгрессы, где обсуждались проблемы борьбы с общеуголовной преступностью и намечались конкретные меры ее преодоления.

а) международные пенитенциарные конгрессы

Уже на первом конгрессе в Лондоне (1872 г.) рассматривались данные международной статистики, касающейся пенитенциарной системы, а также вопросы унификации соглашений о выдаче преступников¹.

На втором конгрессе в Лондоне (1878 г.) делегаты уделили особое внимание таким проблемам, как:

- пути и средства достижения единства в действиях правительств для предупреждения и раскрытия преступлений;
- установление союза между полицейскими органами различных стран.

Представитель правоохранительных органов Швейцарии Гильом призвал все государства составить одну общую программу деятельности полиции, и чтобы полицейские чиновники всех стран обязаны были получать одно и то же специальное образование. Организация полиции на одних общих началах облегчила бы взаимодействие между органами правопорядка различных государств. Кроме того, им было предложено основать общую международную полицейскую газету и международное полицейское бюро для справок. Все это послужило бы предупреждению преступлений, а также лишало бы возможности лиц, совершивших преступления, находить себе убежище в других странах и оставаться безнаказанными².

Одним из вопросов, рассмотренных на Вашингтонском конгрессе, явился вопрос о практических мерах, направленных к тому, чтобы сделать достоянием гласности в других странах приговоры, вынесенные по уголовным делам. Определенные попытки в этом направлении предпринимались ранее отдельными государствами. Так, Франция, начиная с 1857 года, заключила не менее 10 договоров с отдельными странами об обмене справками о судимости.

¹ См.: *Панов В.П.* Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями. М., 1993. С.5.

² *Мишле Э.И.* Второй международный тюремный конгресс. Стокгольм 20-28 августа 1878 г. Спб., 1878. С. 122-124.

Тюремный конгресс в Риме (1885 г.) предлагал обобщить эту практику, чтобы избежать сложного длительного пути дипломатических отношений, приняв следующую резолюцию:

1. Между всеми цивилизованными государствами должно быть достигнуто соглашение о том:

а) чтобы каждое государство получало от других извещения об обвинительных приговорах, вынесенных судебными органами этих государств по отношению к его подданным;

б) чтобы каждое государство сообщало другим бюллетени об осужденных за общеуголовные деяния в случае требования, заявленного судебной властью.

2. Следует заняться рассмотрением вопросов об организации международного информационного бюро для собирания справок о судимости и карточек, устанавливающих тождество личности преступников¹.

На конгрессе в Лондоне (1915 г.) предполагалось принять решение о применении мер для облегчения и большей эффективности обмена между различными органами, ведущими отождествление личности преступников, в частности посредством установления одинаковых:

а) дактилоскопических карточек в отношении формы и способов получения отпечатков;

б) антропометрических карточек в отношении формы, текста и сокращений;

в) формул, предназначенных для оповещения полиции других стран относительно лиц, подвергавших отождествлению².

Однако по известным причинам этот форум не состоялся.

б) Международные съезды Союза криминалистов

Все вопросы, рассмотренные на съездах, следует разделить на 3 направления:

¹ Люблинский П.И. Международные съезды по вопросам уголовного права за 10 лет (1905-1915). Пг., 1915. С.217.

² Там же. С.337.

- 1) вопросы процессуального характера;
- 2) вопросы о международных мерах борьбы с преступностью;
- 3) вопросы уголовной политики.

Для нас важным и интересным представляется область вопросов, связанная с объединением государств в деле обсуждения проблем борьбы с международной преступностью.

На Лиссабонском съезде (1897 г.) Союз сформулировал свои основные задачи: "Международный союз криминалистов защищает тот взгляд, что как преступление, так и средства борьбы с ним должны быть рассматриваемы не только с юридической, но и с антропологической и социологической точек зрения. Задачей своей Союз поэтому ставит научное исследование преступления, его причин и мер борьбы с ним"¹.

Однако практического воплощения призывы Союза тогда не получили. Был проведен ряд съездов, обсуждавших наиболее актуальные проблемы уголовного права; принят ряд научных рекомендаций в вопросах борьбы с преступностью.

На Гамбургском съезде (1905 г.) предлагалось создать Международное центральное бюро для надзора над профессиональными международными мошенниками². Однако голосования по этому вопросу не проходило.

На этом же форуме было принято предложение Ван Гаммеля об организации Международного бюро уголовной статистики. А советник прусского полицейского управления в Берлине Линденау высказал идею создания специального бюро, организованного в соответствии с новейшими (для того времени) требованиями техники преследования и розыска преступников³. Там же, профессор Гиппе подчеркнул необходимость большей научной подготовки органов полиции, в целях более успешной борьбы с международной преступностью и организовать "Polizeiliche Hochschule"⁴.

¹ Люблинский П.И. Международные съезды по вопросам уголовного права за 10 лет (1905-1915). Пг., 1915. С.9.

² Там же. С.20.

³ Там же. С.45.

⁴ Там же. С.45-46.

На заключительном заседании съезда была принята резолюция, в которой предлагалось учредить во всех государствах центральные органы для борьбы с международной преступностью, которые:

а) входили бы в состав полицейских учреждений больших городов;

б) собирали бы все сведения относительно международной преступности и постоянно обменивались бы ими в целях принятия профилактических мер и в интересах преследования;

в) имели бы право непосредственно общаться друг с другом¹.

В заключение на съезде была принята схема определения международного преступления: "Международным преступлением признается всякое деяние, наказуемое общим уголовным законом, которое будет подготовлено, облегчено или учинено или проявило свои последствия в различных странах, даже и в том случае, если отдельные действия в различных странах, входящие в состав этого деяния, были выполнены в различных странах. Всякий акт сотрудничества или соучастия составляет отдельное преступление, которое может подлежать преследованию в той стране, где оно выполнено, и которое будет судимо по законам, действующим в этой стране. Никакое преследование не может иметь места, если обвиняемый ссылается на то, что он уже подвергался суду в другом государстве, или на то, что относительно его существует приговор, вступивший в законную силу, и, наконец, в том случае, если он после осуждения отбыл наказание, получил помилование или был освобожден от наказания за давностью"².

Кроме того, съезд одобрил предложение Листа об ускорении и дальнейшей подготовке издания "Международное сравнительное уголовное законодательство". Вышедшие в 1896 и 1898 гг. два тома этого издания представляли только общую схему международного уголовного права, нуждающуюся в более обстоятельной разработке.

¹ *Люблинский П. И.* Указ. соч. С. 46.

² Там же. С. 20.

в) Международные конгрессы криминальной антропологии

Исходным пунктом в возникновении криминальной антропологии, как обособленной научной дисциплины, было учение Ламброзо о типе врожденного преступника. Учение это быстро обратило на себя всеобщее внимание - массовое тиражирование соответствующей литературы и живая полемика. Эта позитивная школа уголовного права приобрела широкий круг сторонников в других странах и возникла необходимость в их общении с помощью традиционных в то время международных конгрессов.

На форуме в Париже (1889 г.) ученые определили недостаточность антропологических измерений для создания "типа преступника" и отметили: преобладающее значение социальных факторов для проявления преступности.

Наибольшую известность получил Женевский конгресс (1896 г.), на котором было обсуждено около 30 сообщений из области криминальной антропологии. Особое место среди них занял доклад профессора юридического факультета Амстердамского университета Ван Гаммеля: "Анархизм и борьба с ним с точки зрения криминальной антропологии", в котором подчеркивалось, что деяния анархистов, стремясь к разрушению и террору, угрожают опасностью мирному развитию государств. Поэтому необходимо твердое и решительное их преследование. Участники форума показали анархистам, что их преступления, несмотря на кажущийся политический характер, есть обыкновенные преступления, которые осуждаются и наказываются согласно общеуголовному законодательству¹.

На последующих конгрессах в Амстердаме (1901 г.), Турине (1906 г.) и Кельне (1911 г.) все большее внимание уделялось вопросам о средствах и методах борьбы с международной преступностью на основе научно-практического сотрудничества правоохранительных органов.

¹ Розенбах П.Я. Четвертый конгресс криминальной антропологии // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 9. С.168.

2) Международные конгрессы по борьбе с торгом женщинами

В рассматриваемый период таких конгрессов состоялось пять: 1-й - в Лондоне (1899 г.), 2-й - во Франкфурт-на-Майне (1902 г.), 3-й - в Париже (1906 г.), 4-й - в Мадриде (1910 г.), 5-й - в Лондоне (1913 г.). 6-й конгресс предполагалось провести в России в 1916 г. Однако по причинам военного характера этого сделать не удалось.

На 1-м конгрессе был установлен факт широкого распространения во многих странах торговыми женщинами в целях разврата. При этом выяснилась трудность и порой невозможность преследования виновных вследствие отсутствия в национальных законодательствах соответствующих норм, наказуемых данное преступление. Участники форума пришли к выводу о необходимости организации повсеместной борьбы с этим позорным явлением путем создания специальных ассоциаций и тесного сотрудничества их со всеми Обществами защиты женщин.

Предметом обсуждений на последующих конгрессах явился ряд вопросов, выдвинутых потребностями эффективной организации и борьбы с этим деянием.

Значимость данной проблемы для всего мирового сообщества отмечал конгресс в Лондоне. В его работе приняли участие представители национальных комитетов 24 стран, в том числе России. Кроме того, правительства некоторых государств делегировали на него своих представителей. (Делегатами от России были: от Министерства юстиции - В.Ф.Дерюжинский, от Министерства внутренних дел - А.А.Марк, от Министерства иностранных дел - Д.М.Жеребцов)¹.

В начале XX века начинают предприниматься попытки объединения усилий непосредственно правоохранительных органов различных государств в организации борьбы с общеуголовной преступностью. Так, в 1905 году в Буэнос-Айресе была проведена конференция с участием представителей полицейских органов Аргентины, Бразилии, Уругвая и Чили, где бы-

¹ *Дерюжинский В.* Пятый международный конгресс по борьбе с торгом женщинами // Журнал Министерства Юстиции. 1914. №1. С.200-201.

ли приняты решения об оперативном обмене необходимой информацией и оказанию взаимной помощи по розыску скрывающихся преступников.

Через 5 лет, там же, в столице Аргентины, представители правоохранительных органов южноамериканских государств обратились с призывом организовать Всемирный полицейский союз. Однако это позитивное намерение оказалось безрезультатным.

Предпринимались и другие инициативы в этом направлении. В 1909 году в Шанхае была организована первая международная конференция по борьбе с наркоманией, где делегаты попытались обсудить различные вопросы, связанные с этим опасным явлением. Предметом дискуссий эта проблема стала и на последующих форумах в Гааге в 1911, 1913 и 1914 гг.

В 1912 году по инициативе министра внутренних дел Пруссии был проведен всегерманский полицейский конгресс, участниками которого были представители полицейских управлений отдельных германских союзных государств. На этом собрании рассматривались перспективы единой методики идентификации, а также обсуждались вопросы международного сотрудничества органов правопорядка¹.

В начале XX века возникает потребность государств в относительно постоянных формах согласования и регулирования международных усилий в области борьбы с общеуголовной преступностью, т.е. необходимость создания международной организации. Самым значительным мероприятием в этом направлении можно считать конгресс, состоявшийся в апреле 1914 года в Монако, созыву которого предшествовала почти двухгодичная организационная подготовка, проведенная специально созданным комитетом. Делегации из 24 стран Европы, Азии и Латинской Америки были представлены специалистами в области международного права, криминалистики, сотрудниками полиции, суда, прокуратуры, адвокатами. Россию представляли: делопроизводитель департамента полиции статский советник Лебедев и коллежский советник Гюнтер (министр юстиции Щегловитов не усмотрел

---

¹ *Фосдик Раймонд*. Организация полиции в Европе. Пг., 1917. С.210.

особой необходимости в командировании на конгресс представителя вверенного ему министерства).

Работа конгресса была организована по четырем направлениям:

- 1) установление единого порядка при осуществлении выдачи преступников;
- 2) координация работы идентификационных подразделений;
- 3) учреждение международного центрального бюро;
- 4) поиск общих средств и методов в деле ускорения и упрощения задержания преступников: установление бесплатных международных почтовых, телеграфных и телефонных сношений руководителей органов общеправовой полиции, учреждение международного справочного листка.

Его участники, опережая время, призывали к отказу от использования дипломатического пути для развития международных связей правоохранительных систем, учреждению "международного приказа" на арест преступников, созданию международных полицейских сил. Однако отсутствие единства мнений, несоизмеримость предложений с реальной обстановкой не позволили делегатам выработать эффективные меры в деле борьбы с международной преступностью¹.

2. Оказание правовой помощи по уголовным делам

В рассматриваемый период в практике международного сотрудничества правоохранительных органов в борьбе с преступностью регулярно возникали ситуации, когда для расследования и рассмотрения в суде уголовного дела или для исполнения уже назначенного наказания учреждения одного государства были вынуждены прибегать к помощи соответствующих органов другого государства. Если иностранная держава оказывала содействие в розыске скрывающихся на ее территории преступников, давала разрешение на допрос свидетелей, передавала вещественные доказательства, удовлетворяла требование о выдаче преступников, т.е. выполняла необходимые для осуществления правосудия в другой стране определенные

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 373 (1914 г.), д. 3, л. 1-11.; См. также: *Бельсон Я. М.* Интерпол в борьбе с уголовной преступностью. М., 1989. С.86.

действия, то таким образом она оказывала помощь в применении права в другом государстве. Такой вид помощи получил название правовой¹.

Начальной стадией этой формы сотрудничества являлась **организация розыска преступника**, скрывавшегося на территории другой страны. Взаимопонимание и содействие между соответствующими структурами в этом направлении отмечается уже в начале рассматриваемого периода.

Особую обеспокоенность у многих государств, в т.ч. и России, вызывал рост одного из самых древнейших международных преступлений - фальшивомонетничества. 1868 год был отмечен заметным притоком в Российскую Империю фальшивых кредитных билетов. По этому поводу прокурором Санкт-Петербургской судебной палаты 24 июля было возбуждено уголовное дело. А 23 сентября судебная палата вынесла определение и обратилась в МИД с ходатайством о производстве повсеместного розыска обвиняемых по данному делу К.Фреймана, О.Петкевича, Э.Фижана и В.Эстеррейхера, проживающих за границей. После того, как было установлено, что первые трое находятся в Швеции, а В.Эстеррейхер в Австрии, поступило ходатайство в эти страны об аресте и выдачи этих лиц².

В следующем году российские правоохранительные органы оказали содействие своим коллегам из Швейцарии в деле розыска, задержания и выдачи их подданного Эмиля Шерра, похитившего 2 млн. франков из Цюрихской конторы федерального банка. Следует подчеркнуть, что при представлении ходатайства по этому делу, швейцарское правительство обещало

¹ См.: *Валеев Р.Г.* Выдача преступников в современном международном праве. (Некоторые вопросы теории и практики). Казань, 1976. С.6; *Гардоцкий Л.* Международное сотрудничество по уголовным делам // Соц. законность. 1979. №6. С.61; *Шупилов В.П.* Международная правовая помощь по уголовным делам // Советское государство и право. 1974. №3. С.85; *Lombas C.* Droit penal international. Dallos, 1971. P.60.; Договор между СССР и республикой Кипр о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 19 января 1984 г., ст.3. // Сб. международных договоров о взаимной правовой помощи по гражданским и уголовным делам / Под ред. Б.В.Кравцова. М., 1988.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 241 (1868 г.), д. 34, л. 1-4.

России взаимность в подобных случаях. Преступник был выдан прокурорской власти Цюрихского кантона 8 октября 1869 г.¹

В ночь 9 сентября 1877 года бежал, осужденный за растрату значительной суммы денежных средств и подлог, бывший директор Московского коммерческого ссудного банка купец Г. Ландау, содержащийся под домашним арестом. Московский оберполицмейстер ходатайствовал перед департаментом полиции об организации розыска преступника, как в Российской Империи, так и в европейских государствах, и прежде всего в Германии и Австрии. Через МИД Департамент полиции разослал циркулярное отношение о розыске Ландау, приложив его фото, в 4 посольства, 17 миссий, 19 генеральных консульств и 24 консульства. Однако в отношении не было указано, за какое преступление он розыскивается. Поэтому правоохранительные органы некоторых государств (Италии, Нидерландов, Испании) сообщали, что не могут приступить к выполнению данного ходатайства. В результате оперативных действий германской полиции Ландау был обнаружен и задержан 30 ноября 1877 г.²

Успех этого направления взаимодействия зависел от оперативности проводимых мероприятий. И, неслучайно, иногда приходилось вносить коррективы в совместные действия. Так, 19/31 января 1897 года германское правительство выступило с предложением об изменении порядка розыска и задержания лиц, совершивших преступление в Германии и скрывшихся в России. Почему в этом возникла необходимость? До этого момента германские органы правопорядка, в случае необходимости задержания какого-

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 270 (1869 г.), л. 517, л. 1-3.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 279 (1877 г.), л. 29, л. 1-94 (Гессенское правительство ходатайствовало о выплате 47 марок, израсходованных им по поводу розыска Ландау. Однако оно не было удовлетворено в соответствии со ст. 16 конвенции между Россией и Гессеном от 3/15 ноября 1869 г., где подчеркивается, что "оба правительства отказываются от всякого требования возмещения издержек на содержание, пересылку и иных, какие могли быть употреблены в пределах территории каждого, по случаю выдачи обвиняемых, подсудимых или осужденных, а также расходов, употребленных по исполнению судебных ходатайств", л. 81).

либо лица, скрывшегося в Российской Империи, обращалось непосредственно к германским консулам с просьбой войти в сношение с российскими местными правоохранительными властями о розыске и задержании злоумышленников. Такой порядок взаимоотношений нередко не достигал цели по двум причинам: 1) не все места пребывания германских консулов были известны их полицейским и судебным властям. Поэтому вынуждены были обращаться только к ближайшим к границе; 2) предпринимаемый отдельно каждой полицейской властью в месте пребывания консула розыск ограничивался только небольшим районом; повсеместно же он не производился.

В виду этого германское правительство предложило установить новый порядок взаимоотношений по подобным делам - непосредственно между германским генеральным консулом в Санкт-Петербурге и департаментом полиции, которым бы и отдавалось распоряжение о повсеместном розыске и задержании скрывшихся в России преступников. Министры внутренних дел и юстиции согласились с предложением германских властей. Вместе с тем они полагали, что новый порядок, который будет установлен в этом направлении деятельности, должен получить, по принципу взаимности, применение к розыску и задержанию преступников, бежавших из России в Германию¹.

Имели место случаи, когда оперативному осуществлению розыска бежавшего в другую страну преступника мешали обстоятельства субъективного характера. Так, 22 ноября/5 декабря 1901 года шведское правительство обратилось с ходатайством к российским правоохранительным органам о розыске Г. Гилленгамера, обвиняемого в присвоении путем обмана 60 тысяч крон. Министерство юстиции признало возможным удовлетворение ходатайства шведского правительства, однако потребовало немедленного доставления необходимых судебных документов².

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 356 (1897 г.), д. 358, л. 1-10

² АВПРИ, ф. 155, оп. 360 (1901 г.), д. 338, л. 1-3.

9/22 февраля 1906 года германское посольство через МИД обратилось в департамент полиции о принятии в России мер в деле розыска и задержания преступников, похитивших монеты и медали из музея в городе Мангейме. Однако перечня похищенных предметов не предоставило, что мешало организации розыскных мероприятий¹.

В апреле 1912 года сыскная полиция в Нью-Йорке, через российское генеральное консульство, обратилось с ходатайством к российским властям, с приложением 3 фото, относительно розыска некоторых преступников. 29 января 1913 года Министерство юстиции, возвратив фото некоего Петра Кулика, сообщило, что по имеющимся в департаменте полиции сведениям о лицах, носящих фамилию Кулик, рассматривались семь различных в разных местах империи дел. Выяснить, относились ли приведенные сведения к разыскиваемому П.Кулику, не представляется возможным за отсутствием в ходатайстве более или менее конкретных сведений по этой фамилии. Остальные лица, изображенные на фото, не опознаны².

Одной из форм организации розыска преступников являлась публикация об этом в печатных изданиях. Таким образом в 1914 году осуществлялся розыск русских подданных И.Шапоринского, обвиняемого в составлении подложных векселей на сумму 100 тыс. рублей³. С.Клейменовой и Д.Мильзина, обвиняемых в хищении ребенка⁴.

Следующим актом в оказании правовой помощи являлось **исполнение судебных поручений** (отобрание присяжных показаний (допрос под присягой по ходатайствам иностранных властей), передача судебных бумаг, актов, вызовов, писем, объявлений и повесток), производство обыска. Каким образом осуществлялась эта форма сотрудничества? Ответ мы находим в разъяснении российского правительства бразильским властям, которых интересовали следующие проблемы:

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 365 (1906 г.), д. 15, л. 1-13.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 371 (1912 г.), д. 85, л. 1-3.

³ ГАРФ, ф. 102, оп. 221 (1914 г.), д. 43, л. 3.

⁴ Там же, л. 21.

1) обращения к российским властям должны передаваться только дипломатическим путем?

2) в отрицательном случае, какие судебные поручения передаются дипломатическим путем, а какие другим способом?

3) является ли передача дипломатическим путем достаточным доказательством или же требуются другие формы?

4) каким способом покрываются издержки, связанные с исполнением судебных поручений?

5) должны ли судебные поручения, обращаемые к российским властям сопровождаться обязательно русским переводом или же существуют исключения из этого правила?

6) какими законами или постановлениями регулируются вопросы о принятии и исполнении судебных поручений?

7) встречается ли какое-либо ограничение или обставляется какими-либо формальностями местная юрисдикция в территориальных водах, включая сюда и нормы, когда дело касается действий полиции на иностранном судне?

8) каким образом производится арест преступника, требуемого иностранным государством и путешествующего на пароходе, принадлежащем третьей стране?

9) подлежат ли местной юрисдикции или юрисдикции страны, которой принадлежит пароход, преступления, совершенные в русских территориальных водах на иностранных торговых судах?

Ответ был дан министром юстиции 2 июня 1910 года

1) на основании ст. 190 Учреждения судебных установлений сношения судебных мест и должностных лиц империи с подобными в иностранных государствах производится не иначе, как посредством министра юстиции через МИД. Но из этого общего правила существует исключение: в силу особо заключенных Россией с некоторыми государствами конвенций между отдельными судебными учреждениями и должностными лицами империи и

пограничными судебными органами иностранных соседних государств (Пруссией, Австрией, Румынией) установлены непосредственные сношения;

2) недипломатический путь сношений по уголовным делам, если только он предусмотрен специальным соглашением с сопредельной страной, может быть применяем к исполнению отдельных поручений - производству некоторых следственных действий (запросов, осмотров, обысков, выемок), передачи вещественных доказательств, вручению повесток, объявлений и других судебных актов, к переписке между прокурорами по уголовным делам;

3) передача судебного поручения дипломатическим путем является достаточным свидетельством подлинности такого поручения и никаких иных доказательств не требуется. При этом, разумеется, что акты, относящиеся к судебному поручению, удовлетворяют в отношении их формы всем требованиям законов страны, предъявляющей поручение;

4) по правилу большинства картельных конвенций и согласно международным обычаям все издержки, вызываемые исполнением требований о выдаче преступников и отдельных судебных поручений по уголовным делам, принимаются на счет государства, исполняющего такие требования или поручения на началах взаимности и дружбы, за исключением конвенций России с Великобританией (1886 г.) и Северо-Американскими Соединенными Штатами (1893 г.), где все расходы относят на счет государства, предъявившего требование о выдаче или отдельное судебное поручение;

5) обращаемые к российским властям судебные поручения иностранных правительств излагаются на русском языке, т.е. языке страны, где поручение должно быть исполнено, или сопровождается переводом на русский язык во избежание затруднений в случае малой распространенности языка, на котором должны быть изложены требования об исполнении судебного поручения. В этих случаях по общему правилу конвенций языком для взаимных сношений принят французский язык;

6) в Уставе уголовного судопроизводства не содержится никаких постановлений, прямо предусматривающих вопросы о принятии и исполнении судебных поручений. В этом отношении российские судебные органы и должностные лица действуют применительно к ст. 190 учреждения судебных установлений 1892 года, а российское правительство, предписывая местным органам исполнение таких поручений, руководствуется соображениями взаимности, дружбы и обычаям;

7) согласно ст. 228 устава уголовного судопроизводства и решению Уголовного кассационного департамента правительствующего сената 1872 г. № 1329 по делу греческого подданного Свазлоса, в случае учинения уголовного преступления на борту иностранного корабля, вступившего в российские территориальные воды или русский порт, действия полицейских органов не должны встречать никаких ограничений, поскольку действия эти являются исполнением обязанностей, возлагаемых законом. Однако действия российской полиции на борту иностранного судна должны считаться лишенными законного основания, если само преступление изъято из ведения российской судебной власти;

8) при рассмотрении вопроса о том, каким образом производится арест лица, требуемого иностранным государством и путешествующего на пароходе, принадлежащем третьей державе, встречаются два случая: указанный пароход находится в открытом море или же этот пароход находится в порту, гавани, на рейде или вообще в пределах территориальных вод Российской Империи. В первом случае, очевидно, требуемого иностранным государством ареста не может быть произведено. Во втором случае, арест такого лица производится по правилам, установленным российским законодательством;

9) согласно ст. 228 устава уголовного судопроизводства иностранцы, по преступлениям и проступкам, совершенным ими на территории России, подчиняются общим правилам о подсудности, если не существует исключе-

ния из этих правил в трактате, заключенном с той иностранной державой, в подданстве которого обвиняемые состоят¹.

Таким образом, взаимодействие российских правоохранительных органов с зарубежными по исполнению судебных поручений могло осуществляться только дипломатическим путем. 23 апреля 1882 года I департамент Министерства юстиции направил в МИД копию постановления судебного следователя Варшавского окружного суда о производстве обыска в банкирской конторе Дефуркат в Париже по поводу покупки в ней бельгийским подданным Жамулем фальшивых русских кредитных билетов, высылке плана местности названной конторы и ходатайствовал об установлении надлежащих сношений с французскими властями по исполнению данного поручения. 29 октября того же года департамент Министерства юстиции получил необходимые материалы по этому делу².

28 февраля 1887 года Министерство юстиции обратилось в МИД с ходатайством об установлении надлежащих сношений со швейцарскими властями, препроводив при этом копию постановления судебного следователя Пелецкого окружного суда о допросе свидетелей по делу В.Скальского, обвиняемого в клевете. 19 мая руководитель миссии в Швейцарии Гамбургер направил в МИД протокол допроса под присягой пастора П.Лафрита и его супруги в качестве свидетелей по делу В.Скальского. 29 мая МИД препроводил указанный документ в Министерство юстиции³.

Подобным образом были исполнены судебные поручения о допросе: в Париже в 1887 году Витковского и Замойского в качестве свидетелей по делу о Рокоссовском, обвиняемом в подлоге⁴, в Лондоне и Аргентине в 1889 году свидетелей по делу о Л.Залуцком и М.Эпштейне, обвиняемых в торговле женщинами⁵, в Копенгагене в 1901 году И.Матиасена, в качестве свиде-

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 368 (1909 г.), д. 184, л. 1-15.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 346 (1887 г.), д. 264, л. 1-8.

³ Там же. Д. 335, л. 1-4.

⁴ Там же. Д. 272, л. 42-50.

⁵ АВПРИ, ф. 155, оп. 360 (1901 г.), д. 278, л. 1-11.

теля по делу Р.Гандрупа, обвиняемого в присвоении и растрате 6000 руб.¹, в Мюнхене в 1907 году барона А.Засса в качестве свидетеля по делу о подлюге².

22 февраля 1894 года Министерство юстиции обратилось через МИД к правоохранительным органам Северо-Американских Соединенных Штатов с ходатайством о производстве следственных действий по делу Викентия Вашкевича, обвиняемого в братоубийстве, направив при этом необходимые документы. 9 мая российское консульство в Чикаго выслало в МИД для Министерства юстиции следующие материалы: письмо судебного следователя графства Кук М.Гала; протокол допроса в качестве свидетеля Ф.Мекаулика; протокол судебно-медицинского освидетельствования трупа Владислава Вашкевича доктором Витчелом; свидетельство о вещественных доказательствах по данному преступлению; две фотокарточки Викентия Вашкевича. Со стороны судебного следователя М.Гала никакого ходатайства о вознаграждении за расходы по производству следствия заявлено не было³.

Подобного рода судебные поручения выполнялись и российскими правоохранительными органами. Так, например, по ходатайству французского правительства были допрошены в качестве свидетелей: в 1890 году жена прапорщика артиллерии Ф.Блещинская по делу своего супруга, обвиняемого в краже и убийстве⁴; в 1894 году Е.Демидова по делу Л.Кортварена, обвиняемого в мошенничестве⁵; в 1890 году по ходатайству австрийского правительства были проведены следственные действия по делу австрийского подданного В.Сусла, обвиняемого в убийстве Ф.Пловацкой⁶. В ноябре 1899 года в Канне был арестован русский подданный М.Стризан, подозреваемый в преступных умыслах против высокопо-

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 360 (1901 г.), д. 268, л. 1-3.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 366 (1907 г.), д. 73, л. 1-4.

³ АВПРИ, ф. 155, оп. 353 (1894 г.), д. 272, л. 1-8.

⁴ АВПРИ, ф. 155, оп. 349 (1890 г.), д. 351, л. 1-4.

⁵ АВПРИ, ф. 155, оп. 353 (1894 г.), д. 275, л. 1-4.

⁶ АВПРИ, ф. 155, оп. 349 (1890 г.), д. 267, л. 1-9.

ставленных русских чинов, проводящих там зиму. 10 декабря того же года французская полиция направила в департамент полиции протокол допроса, фото и антропометрические данные подозреваемого с просьбой установления личности¹.

В 1899 году требований о производстве допросов было направлено:

1) российскими властями в иностранные государства - 10 (по уголовным делам)²;

2) иностранными государствами в Россию: Германией - 95 (7 - по уголовным делам, 88 - по гражданским), Бельгией - 4 (1 - по уголовному, 3 - по гражданскому делам), Францией - 3 (все по уголовным делам), Испанией - 1 (по уголовному делу), Северо-Американскими Соединенными Штатами и Швецией - по одному гражданскому делу³.

В том же году российскими властями было вручено за границей судебных повесток - 144, из них - 17 по уголовным делам (в Германии - 8, Австрии - 6, Франции - 2, Бельгии - 1)⁴. В 1905 году вручено повесток - 162, из них - по уголовным делам - 6⁵.

В силу изменения национальных законодательств отдельных стран и в целях оперативного и успешного расследования преступлений приходилось отступать от установившейся практики исполнения судебных поручений, т.е. дипломатическим путем. Так, до 1888 года эта форма сотрудничества российских и северо-американских правоохранительных органов не встречала никаких затруднений. Но с указанного времени государственный департамент США разослал своим дипломатическим службам циркуляр, разъясняющий новый порядок исполнения в пределах какого-либо штата судебных поручений, исходящих от иностранных судебных органов. Согласно этому документу Департамент не мог более оказывать никакого содействия по исполнению судебных требований, сообщенных ему диплома-

¹ ГАРФ, ф. 102, оп. 227, д. 537, л. 1-3.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 395 (1899 г.), д. 1, л. 1-126.

³ См.: АВПРИ, ф. 155, оп. 395 (1899 г.), род 4, д. 4-8, 10.

⁴ АВПРИ, ф. 155, оп. 395 (1899 г.), род 3, д. 1, л. 1-374.

⁵ АВПРИ, ф. 155, оп. 396 (1905 г.), род 2, д. 1, л. 1-481.

тическим путем и что об исполнении таких требований иностранные власти должны были сами входить в непосредственные сношения с американскими судами. В результате этого решения российские представители в США не имели больше возможности дипломатическим путем, как это было ранее, передавать федеральному правительству поручения российских судебных органов. В виду того, что непосредственная передача российскими судебными органами поручений в американские суды требовала подробного знания организации и законодательства последних, что представляло значительные трудности, оставался практически один способ - обращение к местным адвокатам, которые в качестве частных поверенных входили бы в американские судебные учреждения с ходатайствами о снятии показаний и т.д.¹ Так, 20 января 1909 года Министерство юстиции обратилось к американским судебным властям с ходатайством о допросе в качестве свидетеля проживающего в городе Кливленде (штат Огайо) на Biotsen Avenue П.Бейтана. Получив 28 апреля ответ, что на основании наведенных адвокатами конторы "Hout, Dustin, Keller, McKleehan and Andrews" справок, свидетель не может быть розыскан, так как указанной улицы в Кливленде не существует, а дальнейший розыск его в городе ни к чему не привел, с возвращением необходимых документов, одновременно был предъявлен счет в 10 долларов 40 центов упомянутой адвокатской фирмой за услуги по розыску П.Бейтана².

В 1909 году Министерство юстиции внесло коррективы в исполнение судебных поручений российских учреждений в Китае, Турции и Персии. 20 мая МИД направил в посольство в Константинополе, миссии в Пекине и Тегеране и генеральное консульство, консульства и вице-консульства указанных стран циркуляр министра юстиции старшим председателям и прокурорам судебных палат, председателям и прокурорам окружных судов и председателям мировых съездов, где подчеркивалось, что сотрудничество России с азиатскими государствами по исполнению судебных поручений

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 347 (1888 г.), д. 342, л. 1-2.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 368 (1909 г.), л. 1-3.

осуществлялось в соответствии со ст.190 учреждения судебных установлений - дипломатическим путем. Между тем подобный порядок, вызывая необходимость двукратных (для передачи поручений и получения ответа) сношений между указанными судебными органами и большей частью достаточно отдаленными от них центральными учреждениями, весьма неблагоприятно отражался на ходе правосудия, крайне замедляя и затрудняя выполнение необходимых судебных действий. В виду этого при ходатайстве об исполнении судебных поручений в вышеперечисленных государствах российские судебные органы могли непосредственно обращаться к российскому консулу, в пределах ведения которого необходимо было произвести определенные судебные действия; если же учреждению или лицу, сообщаемому указанного рода поручение, не известно, к компетенции какого именно консула должно быть отнесено исполнение этого действия, то с ходатайством о его производстве необходимо было обращаться в соответствующую российскую миссию для направления к консулу, от которого данные по исполнению поручения должны быть получены непосредственно тем судебным органом, от которого это поручение исходило¹.

Особое место в системе правовой помощи по уголовным делам занимала **выдача преступников**. В 1879 году на сессии в Брюсселе институт международного права определил выдачу как действие, которое одинаково соответствует идее справедливости и интересу государств, имея в виду действительное предупреждение и пресечение нарушения уголовного права, т.е. передачу преступника государством, на территории которого он находится, другому государству, для суда над ним или для применения к нему наказания². Рассмотренные выше виды правовой помощи по уголовным делам находились, как правило, в прямой зависимости от института выда-

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 368 (1909 г.), д. 88, л. 1-2.

² См.: *Комаровский Л.Л.* Работа института международного права по вопросу о выдаче преступников // *Русская мысль*. 1884. № 1. С.41; *Валеев Р.М.* Указ. соч. С.28; *Шаргородский М.Д.* Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве // *Вестник Ленинград. ун-та*. 1947. № 8. С.44.

чи преступников, так как по установившемуся порядку розыск и задержание скрывшихся в России преступников из подданных иностранных государств по требованию их правительств производился только после разрешения положительным образом Министерством юстиции вопроса о выдаче таких злоумышленников. Вместе с тем, довольно часто в целях скорейшего рассмотрения дел подобного рода, одновременно с распоряжением о розыске и задержании преступника рассматривался и вопрос о его выдаче, если требование сопровождалось высылкой необходимых документов¹.

Статистика выдачи преступников иностранными государствами России и наоборот за 10 лет (1886 - 1895 гг.) выглядит следующим образом:

№ п/п	Вид преступления	Год									
		1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895
1	Кражи	14	9	12	10	9	4	12	8	4	7
2	Грабеж	3	2	-	2	-	-	-	1	-	1
3	Разбой	-	2	2	-	2	-	1	1	1	-
4	Убийство	1	1	2	-	3	2	1	2	-	-
5	Подлог	6	2	4	-	5	1	2	8	2	5
6	Растрата	2	2	2	3	2	-	-	2	1	2
7	Вымогательство	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
8	Мошенничество	-	2	-	1	-	4	-	2	-	2
9	Другие преступления	15	5	8	10	12	9	7	14	14	6
10	Высланы и выданы Россией	33	35	33	36	37	42	34	31	41	45

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 342 (1883 г.), д. 429, л. 1-5. Отдельные примеры выдачи преступников имели место еще в древнем мире. Однако носили они тогда характер больше случайный, чем закономерный, так как не существовало в древности ни договоров о выдаче, ни определенных правил и форм, к ней применяемых. Если государства и решались, после длительных переговоров, выдать преступника, то, в основном, виновного в политическом отношении. И только в XIX веке выдача становится результатом успешного развития международных отношений всех европейских народов: а с 30-х годов предметом международных соглашений становятся не только политические деяния и дезертирство, но и уголовные преступления.

Приведенные цифры позволяют сделать вывод о том, что: 1) количество совершенных русскими подданными за границей и иностранными подданными в России преступлений примерно одинаково; 2) из общего числа деяний основную массу составляли имущественные преступления.

В организации и осуществлении выдачи уголовных преступников между российскими и европейскими правоохранительными органами каких-либо особых трудностей и осложнений не встречалось. Так, например, российским властям были выданы: Пруссией - в 1877 г. - Ф.Глинка, обвиняемый за взлом тюремного помещения и побег, Шимонский и Яношик, обвиняемые в убийстве; в 1880 г. - С.Энштейн и В.Вашковский, обвиняемые в служебных злоупотреблениях, и Х.Бутвецкий, Н.Якубовский, Г.Нездвецкий, обвиняемые в подлоге; в 1881 г. - М.Виткин, обвиняемый в воровстве; в 1887 г. - Я.Домбровский, обвиняемый в хищении денежных средств; в 1891 г. - Х.Радер, обвиняемый в торговле женщинами; в 1895 г. - А.Антковяк, обвиняемый в грабеже¹; Австро-Венгрией - в 1874 г. - пристав 2-го стана Владимировольнского уезда Мокршанский, обвиняемый в хищении денежных средств; в 1877 г. - Ф.Булка, обвиняемый в различных преступлениях, и Е.Котык, обвиняемую в краже; в 1880 г. - А.Амерзон, обвиняемый в краже со взломом; в 1887 г. - И.Беранек и В.Сосницкий, обвиняемые в злоупотреблениях по воинской повинности; в 1896 г. - С.Вольницкая, обвиняемая в краже²; Англией - в 1887 г. - Д.Голендер, обвиняемый в присвоении 11 тысяч рублей³; Швецией - в 1915 г. - В.Олим, обвиняемый в краже⁴; Норвегией - в 1917 г. - И.Рогачевский, обвиняемый в грабеже⁵.

¹ См.: АВПРИ, ф. 155, оп. 279 (1877 г.), д. 21, л. 1-9; д. 27, л. 1-26; оп. 339 (1880 г.), д. 31, л. 1-45; д. 34, л. 1-37; оп. 340 (1881 г.), д. 456, л. 1-14; оп. 346 (1887 г.), д. 245, л. 1-16; оп. 354 (1893 г.), д. 320, л. 1-127.

² См.: ГАРФ, ф. 109, оп. 159, д. 92, л. 1-2; оп. 162, д. 92, л. 1-3; АВПРИ, ф. 155, оп. 339 (1880 г.), д. 41, л. 1-58; оп. 346 (1887 г.), д. 273, л. 1-24; оп. 355 (1896 г.), д. 380, л. 1-6.

³ АВПРИ, ф. 155, оп. 346 (1887 г.), д. 295, л. 1-13.

⁴ АВПРИ, ф. 155, оп. 444 (1915 г.), д. 12, л. 1-33.

⁵ АВПРИ, ф. 155, оп. 444 (1917 г.), д. 5, л. 1-4.

В то же время российским правительством были выданы, например: Германии - в 1878 г. - Л. Розенталь и К. Бонк, обвиняемые в присвоении денежных средств; в 1880 г. - А. Рутинский, обвиняемый в подстрекательстве к лжеприсяге; в 1881 г. - К. Маевский, обвиняемый в краже; в 1884 г. - К. Станкевич, обвиняемый в убийстве; в 1899 г. - А. Марквардт и А. Прейсс, обвиняемые в краже; в 1910 г. - И. Гертог, обвиняемый в убийстве¹; Австро-Венгрии - в 1879 г. - М. Мыдлик, обвиняемый в убийстве и клевете; в 1880 г. - С. Цвиклина, обвиняемая в краже; в 1886 г. - К. Луцкий, К. Мидацкий, А. Вилковский, обвиняемые в краже 60 тысяч форинтов; в 1892 г. - И. Калинин, обвиняемый в подлоге²; Швеции - в 1878 г. был выдан Д. Бергер, обвиняемый в злом банкротстве³; Швейцарии - в 1882 г. - А. Штерн, обвиняемый в мошенничестве⁴; Италии - в 1886 г. - А. Вентура, обвиняемый в убийстве, а в 1903 г. - Ц. Коринальди, обвиняемый в мошенничестве⁵.

В осуществлении этой формы правовой помощи возникали иногда отдельные проблемы, связанные с нарушением установленных сроков и требований в оформлении судебных документов, а также порядка предъявления требования о выдаче преступников. Так, в 1877 году российскими судебными властями было предъявлено к Австро-Венгрии требование о выдаче И. Хураса, обвиняемого в краже денежных средств. Однако краковский обер-ландгерихт не признал возможным выдачу обвиняемого в виду того, что требование это не было подкреплено доказательствами виновности И. Хураса в совершении преступления. Министерство юстиции Австрии это решение признало правильным, так как российской стороной не были со-

¹ См.: АВПРИ, ф. 155, оп. 280 (1878 г.), д. 67, л. 1-26; оп. 339 (1880 г.), д. 72, л. 1-11; оп. 340 (1881 г.), д. 461, л. 1-8; оп. 343 (1884 г.), д. 373, л. 1-16; оп. 358 (1899 г.), д. 275, л. 1-10; оп. 369 (1910 г.), д. 22, л. 1-12.

² См.: АВПРИ, ф. 155, оп. 281 (1879 г.), д. 41, л. 1-14; оп. 339 (1880 г.), д. 77, л. 1-21; оп. 345 (1886 г.), д. 99, л. 1-15; оп. 351 (1892 г.), д. 15, л. 1-12.

³ АВПРИ, ф. 155, оп. 280 (1878 г.), д. 68, л. 1-7.

⁴ АВПРИ, ф. 155, оп. 343 (1882 г.), д. 482, л. 1-11.

⁵ См.: АВПРИ, ф. 155, оп. 345 (1886 г.), д. 92, л. 1-8; оп. 362 (1903 г.), д. 221, л. 1-15.

общены данные, которые давали бы возможность определить состав и обстоятельства совершенного деяния. Кроме того, свое решение австрийские власти мотивировали еще и тем, что требование Краковского суда о предоставлении необходимых документов осталось неисполненным вопреки ст. 10 российско-австрийской конвенции 1874 года - в месячный срок. И только в результате повторного требования И.Хурас был выдан российским властям в марте 1879 года¹.

Не совсем обычная обстановка сложилась в 1902 году во взаимоотношениях между правоохранительными органами России и Англии в деле оказания правовой помощи. В Лондонскую сыскную полицию нередко поступали телеграммы от российских полицейских учреждений и даже непосредственно от лиц, пострадавших от преступлений, об аресте и задержании бежавших в Англию преступников. Предъявляя эти телеграммы в российское посольство, местные полицейские органы ходатайствовали о командировании представителя посольства в Главный полицейский суд для получения распоряжения суда об аресте и задержании указываемых в телеграммах лиц. Распоряжение же выдавалось только после присяжного показания со стороны представителя посольства о том, что в России уже принято соответствующим органом распоряжение об аресте преступника. А однажды российское посольство было поставлено в неудобное положение. 4 марта 1902 года вследствие предъявленной телеграммы начальника Одесской полиции, а также письма и телеграммы пострадавшего от преступления Левина, представитель посольства дал присяжное показание, что Одесским судом уже сделано распоряжение об аресте Э.Островского, бежавшего с похищенными 1913 рублями в Англию, и что требование о его выдаче в Россию будет своевременно предъявлено правительством. Сразу же после ареста Островского, 6 марта посольство телеграфировало прокурору Одесского окружного суда о немедленном оформлении судебных документов и отправлению их в Министерство юстиции для препровождения через МИД

---

¹ АВПРИ, ф. 11, оп. 279 (1877 г.), д. 21, л. 1-34.

в Лондон. Между тем Одесская полиция стала присылать телеграммы, сообщая о невинности обвиняемого и настаивая на его освобождении. 19 марта посольство телеграммой просило градоначальника Одессы официально констатировать невинность арестованного. 21 марта пришел ответ, что в аресте нет более необходимости, в виду того, что необходимая сумма Левину была возмещена родственниками Островского. После этого он был освобожден. Российское посольство вынуждено было просить, чтобы Министерство юстиции циркуляром по своему ведомству поставило в известность судебные власти, что в Англии распоряжения об аресте и выдаче бежавших туда преступников: 1) принимаются только Главным полицейским судом в Лондоне; 2) выдаются после присяжного показания представителем посольства, а потому 3) все ходатайства об исполнении судебных поручений должны адресоваться только в российское посольство в Лондоне¹.

Из-за дальности расстояния и специфики законодательства особые отношения по вопросам выдачи преступников складывались у российских правоохранительных органов с американскими. В апреле 1893 года МИД по ходатайству Министерства юстиции обратился в посольство в Нью-Йорке к князю Кантакузину с просьбой ознакомиться частным образом по имевшим уже в Штатах примерам, с деталями экстрадиционного процесса, а также относительно суммы расходов, связанных с требованием о выдаче преступников и доставкой их в Европу. Руководитель посольства ответил, что случаи выдачи преступников другим европейским государствам, заключившим конвенции раньше России, нередки, а расходы в каждом конкретном случае находились в зависимости от количества судебных инстанций, пройденных делом, от расстояния порта выдачи до Европы и т.д. Так, в 1893 году выдача Адутта Австро-Венгрии обошлась в 6 тысяч долларов, что составляло наивысшую сумму, израсходованную каким-либо прави-

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 361 (1902 г.), д. 241, л. 1-16.

тельством на этот предмет. Во всех случаях преступники отправлялись в Европу на обыкновенных пассажирских пароходах.

26 ноября МИД телеграммой уполномочил Кантакузина потребовать выдачи русских подданных Мамелока, обвиняемого в подлоге. Любина и Минциса, обвиняемых в растрате, сообщив при этом, что капитаны пароходных компаний, совершавшие срочные рейсы между Америкой и Европой, согласны перевезти названных преступников. 24 марта 1894 года генеральное консульство в Копенгагене сообщило, что датское пароходное общество "Thingvalla" согласно перевезти указанных преступников, дав им и сопровождающим их лицам помещение во 2-м классе с продовольствием в пути. За помещение 3-х преступников, сопровождающего полицейского агента, 3-х сторожей и продовольствия им в пути, но без вина, общество потребовало 1440 датских крон. Продолжительность в пути составила 15 суток¹.

Эффективную пользу в деле расследования преступлений приносила такая форма международного сотрудничества правоохранительных органов России как **обмен информацией**, который осуществлялся, в основном, по трем направлениям: а) **обмен оперативной информацией**; б) **обмен информацией о нормативно-правовом регулировании**; в) **обмен информацией о применении научно-технических достижений в борьбе с преступностью**.

а) обмен оперативной информацией

Примеры сотрудничества в этом направлении имели место на протяжении всего рассматриваемого периода. Так, 4 августа 1865 года российский посол в Вене Сталкельберг сообщил о предложении австрийского правительства оказать помощь в раскрытии производства фальшивых русских кредитных билетов в Лондоне за денежное вознаграждение в размере 8 тысяч рублей, которое должно было быть выдано агентам лишь в том случае, если они действительно окажут помощь в обнаружении склада фальшивых кредитных билетов и дадут необходимую информацию об из-

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 351 (1892 г.), д. 5, л. 1-42.

гоготовителях, чтобы их можно было предать английскому суду. Уже 30 сентября австрийское Министерство полиции сообщило в департамент полиции сведения о лицах, занимавшихся распространением фальшивых денег посредством покупки товаров - Шапире, Стешковском, Фрейде и Вейхе. В начале 1866 года в австрийских газетах был обнародован приговор над преступниками, где двое последних были приговорены к 10-летнему тюремному заключению. При этом отмечалось особое усердие в расследовании чиновника венской полиции К.Вахлера, который по информации одного агента обнаружил 359 фальшивых купюр. По решению российского императора за заслуги в данном деле Вахлер 1 апреля 1866 года был награжден орденом Святого Станислава 3 степени, а агент - 150 гульденами¹.

В ноябре 1880 года австро-венгерское посольство по поручению своего правительства обратилось к российским властям с предложением обмена сведениями о лицах, в отношении которых возбуждено преследование со стороны судебной или полицейской власти, мотивируя это тем, что в Вене дирекцией полиции издается особый журнал таковых лиц и сообщается всем европейским государствам, за исключением России. Это мероприятие, по утверждению австрийских властей, способствовало успешному расследованию преступлений, совершенных за границей. Департамент полиции тут же одобрил австрийскую инициативу. 29 апреля 1881 года австрийское посольство доставило в департамент полиции экземпляр журнала за 1880 год, в котором имелись сведения об указанных личностях. При этом посольство заявило о желании своего правительства, чтобы обмен этих сведений происходил непосредственно между соответствующими российскими и австрийскими правоохранительными властями, а не дипломатическим путем, во избежание потери времени².

В целях учета совершенных преступлений и лиц, привлеченных к уголовной ответственности, происходил регулярный обмен сведениями о судебных приговорах иностранных судов по делам русских подданных за

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 241 (1865 г.), д. 30, л. 1-35.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 339 (1880 г.), д. 137, л. 1-8.

границей и иностранцев в России. Так, например, в 1887 - 88 гг. в Россию были направлены копии приговоров над русскими подданными: из Италии - 8, Швейцарии - 6, Бельгии - 4, Германии - 2, Франции - 1. 15 марта 1888 года Министерство юстиции направило через МИД итальянским властям копию приговора Одесского окружного суда по делу об итальянском подданном И. Давиде, осужденном в России¹.

В целях оперативного расследования преступления 19 мая 1910 года Генеральным директором общественной безопасности в Брюсселе был сделан запрос на имя директора департамента полиции с просьбой сообщить сведения о личности, поведении и судимости некоего Соломона Зельцера, который в Бельгии 16 апреля совершил "кражу с насилием нескольких лиц"².

В целях установления надзора за преступниками во время предстоящих в 1912 году Олимпийских игр в Стокгольме, 23 января шведская миссия в Петербурге обратилась через МИД к Петербургскому градоначальнику с ходатайством о доставлении шведским властям дактилоскопических карточек, вместе с фотографиями и описанием примет известных Петербургской полиции карманных воров и международных воров-гастролеров, которые вместе с многочисленными иностранными туристами могли приехать на Олимпиаду. 29 февраля 1912 года начальник сыскной полиции и санкт-петербургский градоначальник направили в МИД список этой категории преступников, зарегистрированных в местной полиции, с приложением 34-х фотографических карточек³.

Сотрудничество правоохранительных органов России в этом направлении не ограничивалось только пределами Европы. В начале сентября 1911 года в аргентинской провинции Сантьяго дель Эстеро была задержана банда преступников, которая в течение длительного времени совершила целый ряд преступлений. Ввиду того, что ее участники в большинстве сво-

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 347 (1888 г.), д. 270, л. 1-7.

² ГАРФ, ф. 102, оп. 217, д. 11 ч.17, л. 1-2.

³ АВПРИ, ф. 155, оп. 371 (1912 г.), д. 14, л. 1-5.

ем оказались русскими подданными, российская миссия в Буэнос-Айресе обратилась к аргентинскому правительству с просьбой предоставить ей подробные данные о личностях преступников, которые по всем признакам должны были иметь ряд прецедентов в России и могли разыскиваться российской полицией. Полученные сведения 4 октября миссия сообщила в Россию. 1 августа 1912 года департамент полиции направил сообщение в миссию, подчеркивая, что никаких криминальных сведений об упомянутых преступниках в ведомстве не имеется, за исключением мещанина города Стародуба С.Шевченко, который привлекался к следствию по подозрению в совершении 4 преступлений, но ни по одному делу не был осужден, так как в 1907 году эмигрировал в Америку¹.

б) Обмен информацией о нормативно-правовом регулировании

Сотрудничество правоохранительных органов России в этом направлении способствовало поиску и формированию наиболее оптимальных подходов в борьбе с общеуголовной преступностью, а также эффективному использованию законодательного опыта зарубежных государств. Державы интересовались, в первую очередь, различными аспектами экстрадиционной политики: мерой и степенью наказаний выдававшихся преступников; обоюдными объявлениями судебных приговоров; особенностями исполнения судебных поручений; организацией преследования преступников на иностранной территории и т.д.

1 августа 1877 года британское правительство обратилось к России с ходатайством о предоставлении сведений по одной из проблем, которая имела место в международно-правовой практике:

1) Подлежит ли по закону или трактату в России наказанию преступник, выданный российскому правительству иностранной державой за указанное в договоре о выдаче преступление, привлечению к суду за другое деяние, совершенное им до выдачи, кроме того, по поводу которого выдача его последовала?

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 370 (1911 г.), д. 20, л. 1-4.

2) Если подлежит, то должно ли это другое преступление быть из числа тех, которые упомянуты в трактатах?

3) Если бежавший преступник подлежит суду за другое деяние, то может ли он освободиться от суда заявлением, что это преступление имело политический характер?

Министерство юстиции через МИД сообщило британским властям, что наказание выдававшихся России преступников осуществляется в соответствии с экстрадиционными соглашениями; политические мотивы преступлений не являются поводом к освобождению от ответственности¹.

9 марта 1888 года Российский Генеральный консул в Данциге направил отношение в МИД по поводу запросов германских властей о сообщении им сведений по уголовным делам прусских подданных, совершивших преступления в России. Основанием для этого явился германский Закон от 15 мая 1871 г., в котором подчеркивалось, что мера наказания за совершенное преступление германским подданным за границей, должна соответствовать строгости законов той страны, где было совершено деяние.

На этом основании местные суды неоднократно обращались в российское генеральное консульство с официальным запросом по уголовным процессам своих подданных, совершивших преступление в России. Однако проблема состояла в том, что Генеральный консул давал поверхностные ответы на эти запросы, так как большинство российских консулов не являлись юристами и не могли безошибочно квалифицировать то или иное деяние, а между тем, их ответы служили местным судам мерилем налагаемого ими наказания обвиняемому. Поэтому было принято решение о том, чтобы ландгерихт обращался через своего посла в Санкт-Петербурге непосредственно в Министерство юстиции за юридическими разъяснениями по вопросам, возникающим при производстве дел о германских подданных, привлекаемых по законам своей страны к ответственности за преступления, со-

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 279 (1877 г.), д. 58, л. 1-3.

вершенные в пределах России, и касающимся применения к этим делам законов Российской Империи¹.

В соответствии с конвенциями о выдачи преступников устанавливалось взаимное обязательство государств сообщать друг другу дипломатическим путем судебные приговоры, вынесенные в отношении обоюдных подданных, виновных в совершении преступлений. Так, в феврале 1888 года в Министерство юстиции поступил запрос от бельгийской миссии о том, какие распоряжения сделаны российским правительством в исполнение ст. 17 конвенции между Россией и Бельгией 1872 г., в соответствии с которой оба правительства обязались сообщать друг другу судебные приговоры в отношении их подданных. 17 апреля того же года Министерство юстиции сообщило в МИД информацию о приговорах над бельгийскими подданными².

22 июня 1892 года Австро-Венгерское правительство обратилось к российским властям с предложением о заключении дополнительного соглашения относительно порядка возмещения расходов, связанных с исполнением экстрадиционных требований и поручений, в частности, чтобы свидетелям, вызываемым судебными органами одного из государств из пределов другого, сверх вознаграждения, которое полагалось этим лицам на покрытие транспортных расходов и суточного довольствия, выдавалось пособие примерно от 50 до 100 гульденов (от 30 руб. 87 коп. до 61 руб. 75 коп.) на каждое лицо. По мнению тайного советника С.Ю.Витте, вознаграждение в размере указанной суммы вполне обеспечивало возмещение всех затрат вызываемого из-за границы свидетеля. При этом министр финансов отметил, что это вознаграждение могло быть выдано российскому свидетелю на основании ст. 979 устава уголовного судопроизводства, лишь в том редком случае, когда он находился в пути и на заседании, примерно,

---

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 347 (1888 г.), д. 274, л. 1-7.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 347 (1888 г.), д. 314, л. 1-3.

30 суток и вызван был на расстояние не менее 1312 - 2875 верст в оба конца¹

13 июля 1901 года испанские власти обратились к России с запросом относительно наказаний по русскому уголовному праву, налагаемых за подкуп лиц, находящихся на государственной службе. 10 сентября Министерство юстиции направило в испанское посольство: а) выписку из действующего Уложения о наказаниях по данному вопросу; б) вырезку из объяснительной записки к составленному Редакционной Комиссией проекту Уголовного Уложения (1903 г.), заключающей в себе сведения об историческом развитии российского законодательства по этому предмету и текст ст. 148 названного проекта, предусматривающей лиходательство².

Особенности национальных законодательств некоторых стран по борьбе с теми или иными видами преступлений интересовали и российские правоохранительные органы. Так, 16 сентября 1909 года Министерство внутренних дел обратилось в МИД с ходатайством в связи с тем, что это ведомство разрабатывало комплекс мер по борьбе с проституцией и надлежащей постановке надзора за ней в городах империи и просило сообщить ему действующие в то время в других странах законоположения, правила, касающиеся регламентации этого безнравственного явления.

9 октября МИД направило в 7 посольств, 12 миссий, 17 генеральных консульств, 33 консульства и 5 вице-консульств ходатайство о получении соответствующей информации. С 22 ноября 1909 года по 2 июня 1912 года МИД получило 23 сообщения о действующих законодательствах по указанной проблеме из Европы, а также из Кореи, Японии, Аргентины, Бразилии и Мексики. Анализ этой информации показывал, что практически все государства, за исключением Турции и Бразилии, имели те или иные законы о борьбе с проституцией. В Бразилии, например, проституция практиковалась совершенно свободно и не была упорядочена никакими законами. Единственным полицейским распоряжением, касающимся этого явления,

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 351 (1892), д. 395, л. 1-38.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 360 (1901 г.), д. 303, л. 1-5.

являлось требование, чтобы ставни окон нижних этажей помещений, занимаемых проститутками, были днем закрыты. Но и это требование редко соблюдалось¹.

Важными представляются инициативы аргентинского и чилийского правительств относительно допущения полицейских отрядов одного из этих государств на территорию другого в целях преследования и задержания укрывшихся преступников. Данное соглашение являлось необходимым в виду наличия значительной пограничной линии между Аргентиной и Чили, проходившей при этом по почти пустынной территории и служившей убежищем для преступников. Об этом аргентинская миссия сообщила российским властям 9 января 1914 года. Принимая во внимание, что Российская Империя находилась в аналогичных условиях, аргентинское правительство интересовалось - имелись ли у нее какие-либо соглашения с соседними государствами по вышеизложенному вопросу? Российское правительство ответило, что подобных соглашений с соседями оно не заключало².

в) обмен информацией о применении научно-технических достижений в борьбе с преступностью

В начале XX века преступность характеризовалась всевозрастающей утонченностью способов совершения деяний. Между тем обычные приемы и способы раскрытия преступлений, состоящие преимущественно в допросе свидетелей, представлялись настолько несовершенными, что они часто оказывались не способными быть действенным средством в обнаружении виновных. Этим обстоятельством объяснялось то наблюдаемое в судебной практике явление, что значительное количество уголовных дел, в которых событие преступления являлось установленным, но часто прекращалось в виду необнаружения личности преступника.

Вследствие этого многие ученые-юристы стали настойчиво проводить идею необходимости применения в расследовании преступных деяний методов биологических и физических наук, в частности, фотографию, дакти-

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 368 (1909 г.), д. 204, л. 1-47.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 379 (1914 г.), д. 50, л. 1-3.

лоскопию, антропометрию, химические и микроскопические анализы и т.д. Эта идея получила практическое осуществление в создании так называемых институтов научной полиции, организованных в Италии, Франции и Швейцарии, деятельность которых имела положительные результаты и которые оправдали возлагавшиеся на них надежды.

Учитывая это, Министерство юстиции признало необходимость создания в России кабинетов научно-судебной экспертизы, имеющих своей целью предоставление правоохрнительным органам возможности пользоваться научно-криминалистическими данными для наиболее успешного выяснения материальной истины в судебных решениях. Первый такой кабинет был открыт в Санкт-Петербурге 9 декабря 1912 года¹, а позже такие кабинеты были созданы в Москве, Киеве и Одессе.

В целях изучения и обобщения опыта летом 1913 года группа чинов правоохрнительных органов, под руководством старшего юрисконсульта Министерства юстиции С.Н.Трегубова, посетила Рим, ознакомилась с учебными программами и деятельностью образовательных судебно-полицейских учреждений, которых в Риме существовало три: школа научной полиции, королевская школа жандармской полиции и школа городской полиции. Особое внимание российская делегация уделила школе научной полиции: ее организации, изучению поставленных перед ней задач, а также современных, для того времени, методов преподавания, дающих качественные результаты, которые в значительной степени обеспечивались тщательным подбором преподавательского состава, ознакомлению с курсом "научной техники расследования преступлений" профессора Гейсса. Знакомство с деятельностью этого учебного заведения было полезным для широкого круга правоохрнительных органов России².

¹ Закон 28 июня 1912 г. об учреждении кабинета научно-судебной экспертизы // Собр. узак. за 1912 г. Ст.1237.

² Пфедфер.Э.Г. Школа научной полиции в Риме и дактилоскопическая регистрация в Италии // Журнал Министерства юстиции, 1914, № 4. С.163-177.

Важной представляется инициатива европейских правоохранительных органов в организации непосредственных взаимодействий между антропометрическими бюро. Обмен необходимой информацией напрямую имел несомненную пользу для установления наиболее эффективного наблюдения за теми преступниками, деятельность которых не ограничивалась пределами своей страны.

Австро-Венгерское правительство первым 20 марта 1900 года выступило с предложением к России об установлении такого контакта между антропометрическим бюро в Вене и Санкт-Петербурге. На что Министерство внутренних дел 22 мая ответило утвердительно, подчеркнув однако, чтобы в эти сведения не включалось ничего, имеющего отношение к настоящему или прошлому политической деятельности подвергаемого измерению лица. После этого австро-венгерский посол доставил 21 апреля 1903 года проект правил об организации взаимодействия Венского антропометрического бюро с такими же учреждениями других государств, рекомендуя ими руководствоваться.

Практически в то же время германский посол в Санкт-Петербурге препроводил аналогичные правила, принятые Главным полицейским управлением в Берлине для взаимодействий в этом направлении с полицейской Дирекцией в Вене, и также рекомендовал принять эти правила для организации взаимодействия между Берлинским и Санкт-Петербургским антропометрическими бюро.

4 марта 1905 года Нидерландская миссия в Санкт-Петербурге предложила заключить в целом международное соглашение относительно обмена информацией по антропометрическому измерению преступников. Министр внутренних дел П.А.Столыпин признал необходимым заключение такого соглашения на основе германского проекта, в соответствии с кото-

рым обмен сведениями касался не только измерений местных подданных того или иного государства, но и международных преступников¹.

В виду значимости применения дактилоскопии как улики по делам об уголовных преступлениях и в соответствии с Законом от 6 июля 1908 г., для оборудования созданных 89 сыскных отделений департаментом полиции были приобретены на французских фабриках "Gilles" и "Durand" 89 портативных аппаратов для метрической фотографии системы Бертильона и 90 комплектов антропометрических инструментов той же системы².

Определенным препятствием в деле международного сотрудничества по уголовным делам являлось отсутствие единой системы идентификации. Существовала потребность в единообразной классификации дактилоскопических снимков во всей Европе. Важную роль в этом направлении сыграла Россия. С 1908 года в расследовании преступлений на ее территории стала применяться новая система классификации дактилоскопических и антропометрических данных, которую изобрел начальник московской сыскной полиции и руководитель уголовного розыска империи - Аркадий Францевич Кошко. Эффективность ее не вызывала сомнений у профессионалов, и она была перенята многими европейскими правоохранительными учреждениями, а Скотленд-Ярд пользовался ею почти до второй мировой войны³.

Важно подчеркнуть, что с падением царского самодержавия, сотрудничество России с другими государствами в области борьбы с преступностью не прекратилось, несмотря на то, что правоохранительная система царского режима была упразднена, а новая находилась в стадии становления. Ее функции стали выполнять те ведомства, сотрудники которых совершали преступления и бежали за границу. Так, 9 августа 1916 года Воен-

¹ АВПРИ, ф. 155, оп. 359 (1900 г.), д. 227, л. 1-26.

² АВПРИ, ф. 155, оп. 359 (1900 г.), д. 227, л. 43-54.

³ Кошко А.Ф. Очерки уголовного мира царской России. (Воспоминания бывшего начальника московской сыскной полиции и заведующего всем уголовным розыском Империи). Париж, 1929. Т.2. С.27.

но-морское судное управление направило в МИД отношение, в котором сообщалось, что лейтенант Балтийского флота И.Яворский, будучи в должности ревизора учебного судна "Океан", получив в 1909 году из конторы порта императора Александра III 4 тысячи рублей аванса на морскую провизию, деньги эти присвоил и во избежание суда скрылся. Было установлено, что Яворский проживает в Копенгагене под фамилией Озерова, где содержал бюро переводов "Интернационал". Управление ходатайствовало о возбуждении дипломатических сношений с датским правительством по вопросу выдачи преступника.

20 декабря российский посланник в Копенгагене Буксгевлен сообщил телеграммой, что потребовал экстрадиции Яворского и связался с российским посланником в Швеции Неклюдовым о выдаче преступника через Швецию.

23 февраля 1917 года Неклюдов сообщил в МИД, что Яворский, обвиняемый в подлоге и растрате, ныне выдан датским правительством и после 8 марта будет доставлен в Хапаранду (Финляндия) для передачи российским властям.

16 апреля временно исполняющий должность военно-морского следователя Е.Масловский сообщил во 2-й департамент МИД, что преступник доставлен в Петроград и что ему поручено принять его для допроса и дальнейшего производства следствия. Однако в дни февральских событий все материалы следствия были уничтожены и в данный момент никаких доказательств для привлечения Яворского в качестве обвиняемого по делу нет.

МИДу пришлось просить датское правительство доставить ранее переданные ему документы или их копии. 22 апреля российская миссия в Копенгагене выслала необходимые документы по делу Яворского¹.

28 апреля 1917 года комендант Владивостокской крепости направил ходатайство в МИД о сношении с американским посольством в Петрограде

---

¹ АВПРИ, ф. 157, оп. 455-а-, д. 71, л. 1-32.

в целях оказания содействия в розыске в США бежавшего капитана владивостокского крепостного артиллерийского склада А.М.Гладкова. 3 мая Правовой департамент МИД поставил в известность Временное управление по делам общественной полиции о готовности американских властей принять соответствующие меры к розыску бежавшего преступника, однако просили сообщить им подробные сведения о порте, через который преступник бежал, и о пароходных маршрутах. В результате проведенных мероприятий в США было установлено, что капитан Гладков там не появлялся, о чем Правовой департамент и сообщил 14 августа коменданту крепости¹.

Заслуживает внимания переписка МИД о выдаче румынскому правительству одного из офицеров, обвиняемого в революционной деятельности. 9 августа 1917 года вице-директор дипломатической канцелярии при Верховном Главнокомандующем Кутепов направил в Правовой департамент МИД сообщение о том, что помощник Главнокомандующего армиями Румынского фронта донес Верховному Главнокомандующему, что военный министр Румынии уведомил его об обвинении военно-прокурорским надзором румынского сержанта Добржан Керия в принятии участия в заговоре с целью вызвать революционные волнения в Румынии. Судя по найденной у него корреспонденции, один из организаторов этого дела - Бюзар, офицер-дезертир румынской армии, находится в Одессе. Румынский военный министр просил о выдаче Бюзара их властям. Телеграммой от 12 августа министр иностранных дел России поддержал эту просьбу. Однако 24 августа Правовой департамент МИД сообщил в дипломатическую канцелярию при Верховном Главнокомандующем - в виду того, что конвенция о взаимной выдаче дезертиров, о заключении которой ведутся переговоры с румынским правительством, до настоящего времени не заключена, выдача Бюзара не может иметь места².

¹ АВПРИ, ф. 157, оп. 455-а-, д. 67, л. 1-15.

² Там же. Д. 68, л. 1-6.

Таким образом, в конце XIX и начале XX вв. международное сотрудничество в борьбе с общеуголовной преступностью постоянно расширялось с точки зрения круга участников, так и в формах и направлениях не только борьбы с преступностью, но и в обсуждении проблем предупреждения преступлений и обращения с правонарушителями; не только правовой помощи и выдачи преступников, но и научно-информационного обмена опытом и знаниями в борьбе с преступностью, а также признания необходимости в договорно-правовом порядке координировать борьбу с преступлениями, затрагиваемыми интересами нескольких государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая половина XIX века как в России, так и в Европе, наряду со значительными экономическими, политическими и культурными преобразованиями, характеризуется и заметным ростом преступности, как политической, так и общеуголовной. Такие преступления, как политический террор, убийство, кража, различного рода мошенничества, подделка денежных знаков, банковских билетов и другие стали серьезно препятствовать позитивным процессам в большинстве стран.

Происходят процессы профессионализации преступности, криминальные сообщества вырабатывают свои обычаи, традиции. Высокий уровень социальной динамики в индустриальных странах создает условия для интернационализации преступности. Государственные границы становятся все более и более прозрачными для преступных элементов.

Попытки правительственных кругов многих государств установить контроль над преступностью, затормозить ее рост, приостановить ее глобализацию в многих случаях оказывались безуспешными в силу объективных причин: политических и правовых отличий, разных подходов в определении преступных деяний; отличительных особенностей правоохранительных систем; несогласованности при рассмотрении экстрадиционных вопросов, нежелания осложнять дипломатические отношения и т.д.

Важнейшей особенностью исследуемой проблемы в указанный период являлось то, что государствам приходилось противостоять не только общеуголовной преступности, но и политической. Если деяние становилось не столько актом борьбы с определенным правительством, сколько борьбой одного общественного класса с другим - оно, неизбежно, теряло свой изолированно-национальный характер и приобретало новый - интернациональный. Движение, направленное против существовавшего политического порядка, было одинаково направлено против всякого государственного строя, без отношения к границам данного государства, поэтому любое правительство было вынуждено прибегать к соответствующей реакции. Под-

тверждением этого являлось объединение международных усилий правоохранительных органов в подавлении Польского восстания 1863 г., Парижской коммуны, в борьбе с I Интернационалом; заключение десятью европейскими правительствами секретного соглашения против преступлений анархистов. Важно подчеркнуть, что Россия более других стран инициировала активные действия, направленные против политической преступности. Это стало возможным, главным образом, в силу того, что на государственном уровне была осознана опасность политического терроризма, от которого пострадали практически все последние представители династии Романовых.

Главные препятствия в организации сотрудничества в борьбе с политической преступностью заключались: а) в недостаточно развитой законодательной базе этих совместных усилий; б) в медленной выработке единого подхода в определении понятия политического преступления; в) в существенных отличиях политических устройств различных государств.

Ни одно государство того времени не в состоянии было собственными силами обеспечить уважение к праву и порядку внутри страны, все начинали понимать, что преступность стала приобретать характер глобальной проблемы, поэтому вынужденно активизировались поиски адекватной международной реакции на эту опасную тенденцию.

Весьма обоснованными оказались попытки создать организационную и правовую основы международного сотрудничества, ибо существовавшие в то время возможности были недостаточными: европейские законодательства были составлены в такую эпоху, когда международная преступность еще только зарождалась, и потому необходимо было пересмотреть их в соответствии с изменившейся обстановкой; возникла необходимость обеспечивать не только выдачу, но и взаимную помощь при осуществлении правосудия над такими преступниками.

Политические и правовые, экономические и идеологические основы сотрудничества правоохранительных органов различных стран не соответ-

ствовали новым задачам, а в ряде случаев даже служили препятствием в развитии антикриминальной кооперации.

Данное положение было результатом традиционного, не основанного на использовании международного опыта, подхода к деятельности органов правопорядка. Такой подход укладывался в парадигму внутренних дел, которая понималась с изрядной долей стремления к независимости и невмешательства в дела суверенного государства.

Организация и развитие такого сотрудничества являлось одним из основных средств обуздания заметного роста преступности, как на национальном, так и на международном уровне.

Первым шагом Российского государства в этом направлении стало заключение международных соглашений о взаимной выдаче преступников, которые становились обязанностью и актом правовой помощи в области международного сотрудничества.

Это направление проявлялось в достаточно большом количестве (21) картельных конвенций, которые Россия заключила в рассматриваемый период с европейскими державами и США, причем, обязанность выдачи с течением времени распространялась на все большее и большее число преступных деяний. В первое десятилетие XX века эти соглашения были дополнены российско-швейцарской, российско-датской и российско-монакской декларациями о взаимной выдаче лиц, преследуемых за злоупотребление взрывчатыми веществами.

Кроме того, с 70-х годов XIX века Россия была связана целым рядом международных соглашений, которые определяли ее сотрудничество с различными державами относительно исполнения судебных поручений: о судебных издержках (со Швецией и Норвегией); о передаче судебных объявлений и об исполнении судебных поручений (с Италией); о непосредственных сношениях пограничных судебных учреждений (с Германией, Австрией и Румынией); об издержках по исполнению судебных поручений по уголовным делам (с Францией).

А многосторонние соглашения о пресечении торга женщинами, о борьбе с распространением наркотиков и порнографических изданий явились результатом международной обеспокоенности этими преступными явлениями.

Качественные изменения в динамике и структуре как общеуголовной, так и политической преступности в рассматриваемый период не только за счет ее количественных изменений, но и тяжести, организованности, степени общественной опасности обуславливали необходимость создания организационной базы взаимодействия правоохранительных органов.

Учреждение таких организаций, как Международная уголовно-пенитенциарная комиссия, Международный союз криминалистов; попытка формирования международного уголовного права, способствовали более эффективной организации борьбы с преступностью в международном масштабе.

Так, шаг за шагом, отдельные эпизоды взаимодействия правоохранительных органов со временем превратились в тесное сотрудничество, без которого и в современных условиях немыслима сколько-нибудь эффективная борьба с преступностью. Это сотрудничество преследовало не узкокорыстные цели, а было искренним, плодотворным, объединяющим государства как в практической деятельности, так и в теоретических поисках: ученые-юристы, правоохранительные структуры России обсуждали проблемы преступности и боролись с ней рука об руку со своими коллегами из Германии, Австрии, Швейцарии, Америки и т.д., искали разрешения одних и тех же проблем.

Волею исторической судьбы мы долгое время были изолированы от активного участия в борьбе с всевозрастающей и качественно изменяющейся международной преступностью, что, несомненно, отразилось на состоянии правопорядка в нашей стране.

Изучив и усвоив то, что было создано в поисках и ошибках старшими поколениями, сегодняшние профессионалы должны идти дальше, ибо про-

блемы борьбы с преступностью не такие, чтобы они могли быть разрешены раз и навсегда.

На основе анализа международного опыта сотрудничества государств в области правоохранительной деятельности в период с 1861 по 1917 годы можно сделать вывод о том, что исторически сложившиеся формы взаимодействия представляют актуальный интерес и могут быть использованы на новом современном этапе развития межгосударственных связей в сфере борьбы с преступностью.

На основе обобщения изложенного материала следует сформулировать конкретные практические рекомендации. По нашему мнению наиболее существенными являются следующие возможные практические действия правоохранительных органов Российской Федерации:

1) подготовить нормативные акты, направленные на создание единой системы безопасности на Европейском континенте, ориентированную на борьбу против преступных сообществ в регионе;

2) подготовить концепцию сотрудничества, которая бы предусматривала добровольный отказ от ряда своих прав стран-участников, и подчинение некоторых национальных интересов коллективным;

3) создать сеть представительств правоохранительных органов при посольствах и консульствах для координации и сближения данных институтов в целях борьбы с международной преступностью;

4) созвать международную конференцию для выработки рекомендаций правительствам и законодательным органам в целях снятия существенных противоречий и препятствий в сфере сотрудничества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные акты и официальные документы

1. Законы о политических и общественных преступлениях / Под ред. П.Н.Малянтовича, Н.К.Муравьева. Спб., 1910.
2. Конвенция о взаимной выдаче преступников, заключенная между Россией и Швейцарией 5 (17) ноября 1873 г. Спб., 1874.
3. Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие (1855 - 1880 гг.). Спб., 1880.
4. Материалы по иностранному законодательству и международному частному праву. Труды 44. М., 1989.
5. Обзор 10-летней деятельности Главного тюремного управления. 1879-1889 гг. Спб., 1889.
6. Об иностранцах в России: Сб. узаконений, трактатов и конвенций с относящимися к ним и судебными разъяснениями / Под ред. М.И Мыша. Спб., 1888. -532 с.
7. "О мерах по дальнейшему развитию НЦБ Интерпола". Приказ МВД РФ № 666 от 13 октября 1997 г.
8. Отчет о деятельности Санкт-Петербургской сыскной полиции за 1903 год. Спб., 1904.
9. Полное Собрание Законов Российской Империи: №№ 6780, 38786, 43737, 44692, 46872, 47652, 48513, 49600, 51561, 52865, 53840, 55416, 57693, 59474, 61366а.
10. Революционное движение в России в докладах министра Муравьева / Предисл. Л.Мартова. Спб., 1906.
11. Российское законодательство X - XX веков: В 9 т. / Под ред. О.И.Чистякова. М., 1984-1985.
12. Русско-германские отношения 1873 - 1914 гг. (Документы из секретного архива Министерства иностранных дел). М., 1922.

13. Сб. действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами: В 2 т. 2-е изд. Спб., 1905-1906.
14. Сб. действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами и касающихся различных вопросов частного международного права: В 4 т. Спб., 1888-1896.
15. Сб. документов "Царская дипломатия и Парижская коммуна 1871 года" / Под ред. Ц.Фридлянда. М.: Л., 1933.
16. Сб. конвенций о выдаче преступников, о непосредственных сношениях русских судебных учреждений с таковыми же германскими и австрийскими и о наследствах. Спб.: Изд-во Министерства юстиции, 1888.
17. Сб. международных договоров о взаимной правовой помощи по гражданским и уголовным делам / Под ред. Б.В.Кравцова. М., 1988.
18. Сб. договоров России с другими государствами (1856-1917 гг.). М., 1952.
19. Сб. международных договоров СССР. Вып. XXXVII. М., 1984.
20. Собрание действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с иностранными державами: В 2 т. Одесса, 1889-1890.
21. Собрание трактатов и конвенций / Под ред. Ф.Ф.Мартенса: В 8 т. Спб., 1874-1888.
22. Собрание важнейших трактатов, конвенций / Под ред. В.Н.Александренко. Варшава, 1906.
23. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774-1906 гг.). Варшава, 1906.
24. Собрание узаконений и распоряжений правительства: 1867 г., № 1; 1869 г., № 51; 1870 г., № 14, 56; 1871 г., № 92; 1872 г., № 95; 1874 г., № 11, 74; 1875 г., № 107; 1877 г., № 89; 1879 г., № 51; 1881 г., № 45; 1884 г., № 5, 25, 97; 1885 г., № 5, 112; 1887 г., № 28, 96; 1888 г., № 65; 1906 г., № 306; 1908 г., № 66; 1909 г., № 39; 1910 г., № 29; 1911 г., № 178; 1912 г., № 25, 55, 173, 226.
25. Уложение о наказаниях. Проект Редакционной комиссии. Спб., 188... ч.1.

26. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Спб., 1845.
27. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Спб., 1885.
28. Уголовное уложение. Представление в Государственный Совет Министра юстиции и Председателя высочайше учрежденной Редакционной комиссии. Т.Х. Свод замечаний на Проект Редакционной комиссии. Спб., 1902.
29. Уголовное уложение. Спб., 1903.

II. Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации:

1. Фонд 102 (Департамент полиции. 1 делопроизводство)
оп. 1, д.д. 7, 8.
2. Фонд 102 (Департамент полиции. 2 делопроизводство)
оп. 262, д.д. 193, 194, 195.
3. Фонд 102 (Департамент полиции. 3 делопроизводство)
оп. 1881, д.д. 78, 187, 910;
оп. 61, д. 1337;
оп. 78, д. 931.
4. Фонд 102 (Департамент полиции. 8 делопроизводство)
оп. 217, д. 11;
оп. 218, д. 45;
оп. 221, д. 43.
5. Фонд 102 (Департамент полиции. Особый отдел)
оп. 226, д.д. 17, 248, 300, 500;
оп. 227, д. 537;
оп. 230, д.д. 99, 598;
оп. 231, д.д. 1075, 1225, 1550, 2082;
оп. 232, д. 17;
оп. 233, д.д. 450, 999, 1000;

- оп. 234, д. 880;
- оп. 236, д. 17;
- оп. 237, д.д. 118, 220, 356, 488, 554;
- оп. 238, д.д. 9, 509;
- оп. 239, д.д. 75, 251;
- оп. 240, д. 251;
- оп. 242, д. 287;
- оп. 243, д. 325.

6. Фонд 109 (3-я экспедиция 3 отделения Его Императорского Величества канцелярии)

- оп. 148, д.д. 38, 75, 84;
- оп. 150, д.д. 18, 65, 66, 113;
- оп. 152, д.д. 53, 72;
- оп. 154, д. 115;
- оп. 157, д. 106;
- оп. 159, д.д. 92, 97;
- оп. 162, д.д. 92, 93, 251, 252;
- оп. 163, д. 148;
- оп. 165, д. 276.

7. Фонд 122 (Главное тюремное управление)

- оп. 1 ч.1, д.д. 110, 940;
- оп. 1 ч.1(2), д.д. 235, 1777, 1806, 1931, 2060;
- оп. 1 ч.1(3), д.д. 2650, 2670, 2945, 3511, 3762, 4022;
- оп. 1 ч.2(2), д. 5986.

Государственный исторический архив Российской Федерации

1. Фонд 908 (министра внутренних дел П.А.Валуева)

- оп. 1, д.д. 331, 397, 399, 410, 534.

2. Фонд 1405 (Министерство юстиции. 2-е уголовное отделение)

оп. 535, д.д. 2, 7, 10, 45 - 1879 г.; д. 20 - 1880 г.;

*Архив внешней политики Российской Империи***1. Фонд 155 (2-й Департамент (Департамент внутренних сношений, I стол)**

оп. 264, д.д. 114, 358, 363;

оп. 265, д. 404;

оп. 266, д.д. 350, 356, 365;

оп. 267, д. 324;

оп. 268, д.д. 456, 461, 480;

оп. 269, д.д. 495, 507, 508;

оп. 270, д. 517;

оп. 272, д.д. 8, 10, 11, 17, 19, 23, 26, 39, 45, 47, 52, 54, 68;

оп. 273, д. 18;

оп. 276, д.д. 12, 53, 54;

оп. 277, д.д. 25, 35, 36;

оп. 279, д.д. 21, 27, 29, 47, 49, 58;

оп. 280, д.д. 31, 41, 67, 68, 84;

оп. 281, д. 41;

оп. 339, д.д. 31, 34, 41, 50, 72, 77, 122, 137;

оп. 340, д.д. 454, 456, 457, 461, 468, 473, 489;

оп. 341, д.д. 444, 482, 483, 492;

оп. 342, д.д. 429, 462;

оп. 343, д.д. 5, 373, 384, 490;

оп. 344, д.д. 4, 12;

оп. 345, д.д. 5, 22, 36, 57, 64, 77, 87, 89, 92, 99;

оп. 346, д.д. 1, 2, 5, 14, 15, 20, 24, 31, 32, 33, 36, 47, 55, 95, 112, 116;

- оп. 347, д.д. 3, 15, 18, 20, 21, 25, 38, 49, 60, 66, 91, 94;
оп. 348, д.д. 2, 7, 11, 66, 103;
оп. 349, д.д. 2, 6, 12, 101;
оп. 350, д.д. 1, 2, 9;
оп. 351, д.д. 1, 2, 6, 7, 9, 25, 70, 116;
оп. 352, д.д. 1, 2, 4, 5, 9;
оп. 353, д.д. 1, 4, 22, 25, 122;
оп. 354, д.д. 1, 63, 106;
оп. 355, д.д. 6, 17, 35, 37, 141;
оп. 356, д.д. 41, 103;
оп. 357, д.д. 8, 47;
оп. 358, д.д. 1, 7, 38, 94, 124, 126;
оп. 359, д.д. 8, 42, 107;
оп. 360, д.д. 1, 16, 18, 19, 31, 41, 46, 57, 66, 101;
оп. 361, д.д. 6, 33, 88;
оп. 362, д.д. 2, 15, 100;
оп. 363, д.д. 2, 3, 8;
оп. 365, д.д. 6, 15, 17, 23, 81, 140;
оп. 366, д. 73;
оп. 367, д.д. 2, 10, 13, 24, 87, 133, 165;
оп. 368, д.д. 1, 5, 18, 88, 165, 184, 204, 206;
оп. 369, д.д. 1, 2, 22, 176;
оп. 370, д.д. 1, 2, 14, 26, 40, 113, 154, 200, 201, 234;
оп. 371, д.д. 6, 12, 14, 23, 29, 85, 117, 135, 211, 220, 252;
оп. 372, д.д. 18, 128, 277;
оп. 373, д.д. 3, 8, 17, 21, 50, 144;
оп. 444(1915 г.), д. 12;
оп. 444(1917 г.), д. 5.

2. Фонд 155 (2-й Департамент (Департамент внутренних сношений,
4 "Секретный стол")

- оп. 241 (1864 г.), д.д. 35, 48, 52, 53,
(1865 г.), д.д. 30, 39, 48, 59, 61;
(1868 г.), д.д. 5, 15, 34;
(1870 г.), д. 37;
(1877 г.), д.д. 5, 6, 10;
(1879 г.), д.д. 2, 5, 9, 10;
- оп. 441 (1880 г.), д.д. 2, 3, 6, 10, 12, 13, 14, 17, 29, 32, 40;
(1881 г.), д.д. 8, 15, 16, 20;
(1882 г.), д.д. 70, 76, 79, 81;
(1883 г.), д.д. 92, 94, 106, 112;
(1884 г.), д.д. 13, 14, 15;
(1885 г.), д.д. 2, 7;
(1886 г.), д.д. 2, 11, 12, 16;
(1888 г.), д. 6;
(1889 г.), д.д. 11, 12, 22, 23, 30-б-, 35;
(1890 г.), д.д. 1, 4, 7, 9, 19, 27, 35, 37;
(1891 г.), д.д. 15, 17;
(1892 г.), д.д. 5, 11;
(1893 г.), д.д. 15, 31;
(1894 г.), д. 28;
(1895 г.), 2;
(1896 г.), д.д. 10, 31;
(1897 г.), д.д. 3, 18, 21;
- оп. 692 (1878 г.), д.д. 136, 141, 151;
(1879 г.), д. 191;
- оп. 391 (1882 г.), д. 12;
- оп. 392-а-, д. 4;

- оп. 681 (1889 г.), д. 2;
 оп. 394-а-, д.д. 59, 64, 68, 93, 208;
 оп. 394-б-, д.д. 3, 4, 12, 13, 24, 28, 47, 98;
 оп. 394-в-, д.д. 44, 67;
 оп. 395-г-, д.д. 1, 2, 6, 7, 8, 10;
 оп. 396 (1911 г.), д.д. 11, 15, 17, 20;
 оп. 397 (1912 г.), д. 31.

Фонд 157 (Правовой департамент)

- оп. 455-а-, д.д. 5, 62, 65, 67, 68, 69, 70, 71, 79;

Фонд 162-а- (МИД Пруссии. Центральное бюро)

- оп. 460, д. 1016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агафонов В.Ф.* Заграничная охранка. Изд-во "Книга", 1918.
2. *Андреанов Н.* Министерство внутренних дел. Спб., 1902.
3. *Анненков М.Н.* Международный тюремный конгресс и английские тюрьмы. Спб., 1873.- 62 с.
4. *Басилая Ш.И.* Меры российского правительства для ограждения империи от проникновения идей Парижской коммуны. Сухуми, 1952.
5. *Басилая Ш.И.* К вопросу об отношении царского правительства к Парижской коммуне. Сухуми, 1954.-172 с.
6. *Баум Я.Д.* Борьба царского правительства против права убежища // Каторга и ссылка. 1928. № 5.
7. *Бельсон Я.М.* Интерпол: прошлое и настоящее // Правоведение. 1980. № 3.

8. *Бельсон Я.М.* Россия в Интерполе: Учеб. пособие // Под общ. ред. С.Ф.Зыбина. СПб.: С.-Петербург. юрид. институт МВД России, 1995. -240 с.
9. *Бельсон Я.М.* Интерпол в борьбе с уголовной преступностью. М., 1989. -236 с.
10. *Бельсон Я.М.* Международная организация уголовной полиции (Интерпол). М., 1981. -76 с.
11. *Богатырев А.Г.* Международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью. М., 1989.
12. *Богучарский В.Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. М., 1912. -483 с.
13. *Богучарский В.Я.* Кровавый синодик. Смертная казнь по политическим делам в России. Спб., 1906. -31 с.
14. *Бородин С.В., Ляхов Е.Г.* Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. М., 1983. -200 с.
15. *Бояр-Созонович Т.С.* Международный терроризм: политико-правовые аспекты. Киев-Одесса. 1991. -161 с.
16. *Бувайлик Г.Е.* Международный контроль над наркотиками // Советское государство и право. 1967. № 10.
17. *Булатов С.Я.* Уголовная политика эпохи империализма. М., 1933. -225 с.
18. *Валеев Р.М.* Выдача преступников в современном международном праве. Казань, 1976. -126 с.
19. *Вербловский Г.Л.* О взаимной выдаче преступников и дезертиров // Юрид. вестник. 1867. № 6; 1868. № 7.
20. *Виноградов В.И.* Международный тюремный конгресс. Четвертый. Спб., 1892.
21. *Витюк В.В., Эфиров С.А.* "Левый" терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. -320 с.

22. *Галенская Л.Н.* Основные направления сотрудничества государств по борьбе с преступностью. (Правовые проблемы). Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук Л., 1979. -44 с.
23. *Галенская Л.Н.* Право убежища. М., 1968. -128 с.
24. *Галенская Л.Н.* Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью. Л., 1978. -88 с.
25. *Галенская Л.Н.* Международная борьба с преступностью. М., 1972. -167 с.
26. *Гардоцкий Л.* Международное сотрудничество по уголовным делам. // Соц. законность. 1979. № 6.
27. *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985. -208 с.
28. *Гернет М.Н.* Общественные причины преступности. М., 1906. - 210 с.
29. *Гернет М.Н.* Революция, рост преступности и смертная казнь. М., 1917.
30. *Гернет М.Н.* Смертная казнь. М., 1913. -149 с.
31. *Гернет М.Н.* Уголовное право и социализм: Сб. статей. М., 1908. -227 с.
32. *Гефтер А.В.* Европейское международное право. Спб., 1880. - 619с.
33. *Глинский Б.Б.* Период твердой власти // Ист. вестник. 1912. Т.127. № 2.
34. *Гредескул Н.А.* Террор и охрана. Спб., 1912. -35 с.
35. *Губанов А.В.* Полиция Запада: основы деятельности по охране правопорядка. М.: ВНИИ МВД России, 1993. -104 с.
36. *Гуров А.И.* Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М.: Юрид. лит., 1990. -301 с.
37. *Дашкевич Л.В.* Наше Министерство внутренних дел. Берлин, 1895. -80 с.
38. Департамент полиции 1892-1908 гг. (Из воспоминаний чиновника) // Былое. 1917. № 5-6.

39. *Дерюжинский В.* Пятый международный конгресс по борьбе с торговом женщинами // Журнал Министерства юстиции. 1914. № 1.
40. *Достоевский Ф.М.* Бесы: Роман в трех частях / Авт. вступ. ст. Б.Н.Тарасов. М., 1993. -638 с.
41. *Драгоманов М.П.* Тираноубийство в России и поведение Западной Европы: Собр. полит. соч. Париж, 1906. Т.2. -874 с.
42. *Дриль А.А.* Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Спб., 1912. -568 с.
43. *Ефремов В.А.* Заграничная охранка Российской Империи // Правовое государство и деятельность ОВД по борьбе с преступностью. СПб., 1993. Вып.2.
44. *Ефремова Н.Н.* Министерство юстиции Российской Империи (1802-1917 гг.). М., 1983. -149 с.
45. *Желудкова Т.И.* Основные направления деятельности полиции до-революционной России по охране феодального и буржуазного общественного порядка. М., 1977. -40 с.
46. *Заварзин П.П.* Работа тайной полиции. Париж, 1924. -175 с.
47. Заграничная агентура Департамента полиции. (Записки С.Сватикова и документы заграничной агентуры). М., 1941. - 152 с.
48. *Зайончковский П.А.* Российской самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х - начала 90-х годов). М., 1970. - 444 с.
49. *Закревский П.П.* Отчет о занятии Четвертого международного уголовно-антропологического конгресса. Спб., 1897.
50. *Зимин В.П.* Международное сотрудничество правоохранительных органов. М., 1990. - 54 с.
51. *Ивановский И.* Взаимное содействие государств в производстве следствий по делам уголовным. Одесса, 1889. - 149 с.
52. *Игнатенко Г.В.* Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. Свердловск, 1980. - 75 с.

53. Из истории политического сыска в России // Из глубины времен. СПб., 1992.

54. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России / Под ред. С.Белецкого, П.Руткевича. Спб., 1913. - 42 с.

55. Индивидуальный политический террор в России XIX - начало XX в.: Материалы конференции. М., 1996. - 184 с.

56. *Казанский П.Е.* Всеобщие административные союзы государств: В 3 т. Одесса, 1897.

57. *Кантор Р.М.* В погоне за Нечаевым. 2-е изд. Л.-М., 1925.

58. *Кантор Р.М.* Французская охранка о русских эмигрантах // Каторга и ссылка. 1927. № 2.

59. *Кантор Р.М.* Царская охранка и Парижская коммуна // Прожектор. 1928. № 12.

60. *Карпец И.И.* Преступления международного характера. М., 1979. - 264 с.

61. *Карпец И.И.* Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. - 432 с.

62. *Карпец И.И.* Международная преступность. М., 1988. - 112 с.

63. *Керсновский А.А.* История русской армии: В 8 т. Т.2. М., 1993. - 336 с.

64. Князь Бисмарк и цареубийство 1-го марта 1881 года. (По неизданным документам Е.Тарле) // Былое. 1919. № 14.

65. *Ковалевский М.* Русская революция в судебных процессах и мемуарах. М., 1923. Кн.1.

66. *Комаровский Л.Л.* Работы Института Международного права по вопросу о выдаче преступников // Русская мысль. 1884. № 1.

67. *Коркунов Н.М.* Опыт конструирования международного уголовного право // Журнал гражданского и уголовного права. 1889. № 1.

68. *Кошко А.Ф.* Уголовный мир царской России. Новосибирск, 1991.

69. *Кошко А.Ф.* Очерки уголовного мира царской России. (Воспоминания бывшего начальника московской сыскной полиции и заведующего всем уголовным розыском Империи): В 3 т. Париж, 1926 - 1929.
70. *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1990. - 526 с.
71. *Кузьминский.* Участие русских в революционном движении // Право. 1906. № 8.
72. *Лазаревич Васа.* Международная полиция: история, работа, результаты. Белград, 1933.
73. *Лафарг П.* Преступность во Франции в 1840-1886 гг. М., 1908.
74. *Левин Д.Б.* Наука международного права в России в конце XIX и начале XX в. М., 1982.
75. *Лемке М.* Наш заграничный сыск (1881-1883 гг.) // Красная летопись. 1923. № 5.
76. *Леонов М.И.* Эсеры в революции 1905-1907 гг. Самара, 1992.
77. *Леонов М.И.* Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев, 1987.
78. *Лихачев.* Договор России с Англией о выдаче преступников // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. № 9.
79. *Лист Ф.* Задачи уголовной политики. Спб., 1895. - 142 с.
80. *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении. Юрьев. 1909. - 581 с.
81. *Лонге Ж., Зильбер Г.* Террористы и охранка. М.: Прометей, 1924. - 206 с.
82. *Лопухин А.А.* Докладная записка Директора департамента полиции // Вперед. Женева, 1905.
83. *Лопухин А.А.* Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907. - 69 с.
84. *Люблинский П.И.* Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905-1915). Пг., 1915. - 379 с.

85. *Люблинский П.И.* Итоги международного тюремного конгресса в Вашингтоне. Спб., 1911. - 93 с.
86. *Люблинский П.И.* Полиция, суд и тюрьмы Америки. М., 1933. - 152 с.
87. *Люблинский П.И.* Брюссельский международный конгрессе Союза криминалистов (2-7 августа 1910 г.). Спб., 1910. - 58 с.
88. *Ляхов Е.Г.* Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом. М., 1979. - 168 с.
89. *Ляхов Е.Г.* Терроризм и межгосударственные отношения // Международные отношения. 1991.
90. *Малиновский А.* Кровавая месть и смертные казни. (Известия императорского Томского университета). Кн. 33. Томск, 1909. Вып.1. - 204 с.; Вып.2. - 149 с.
91. *Манфред А.З.* Внешняя политика Франции. 1871 - 1891. М., 1952. - 587 с.
92. *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Спб., 1904-1905. Т.1. - 438 с.; Т.2. - 626 с.
93. *Марьшиева Н.И.* Правовая помощь по уголовным делам (международный аспект) / Материалы по иностранному законодательству и международному частному праву. Труды 44. М., 1989. - 184 с.
94. Международное право: Учебник / Отв. ред. Ю.М.Колосов, В.И.Кузнецов. М., 1995. - 608 с.
95. Международное сотрудничество и международное право: Сб. статей / Под ред. Н.А.Ушакова и М.М.Славина. М., 1977. - 136 с.
96. *Меншиков Л.* Русский политический сыск за границей. Париж. 1914. - 249 с.
97. Министерство внутренних дел (1802-1902). Спб., 1902. - 225 с.
98. *Мишле Э.И.* Второй международный тюремный конгресс. Стокгольм, 20 августа 1878 г. Спб., 1878. - 177 с.

99. *Мокринский С.И.* Смертная казнь и борьба с политическими преступлениями // *Право.* 1906. С. 1901 - 1908.
100. *Морозов Н.* Террористическая борьба. Лондон, 1880. - 14 с.
101. *Мулукаев Р.С.* Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер. М., 1976.
102. *Мулукаев Р.С.* Полиция в России (IX- нач. XX в.). Нижний Новгород, 1993.
103. *Мулукаев Р.С.* Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964.
104. *Мушников А.А.* Петербургский международный тюремный конгресс. СПб., 1890.
105. *Набоков В.* Отмена смертной казни // *Право.* 1906. № 21.
106. *Нарбутов Р.В.* Полиция Российской Империи (1862-1917). Историко-правовой аспект. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992.
107. *Никольский Д.* Выдача преступников по началам международного права. Спб., 1884. - 539 с.
108. Общий обзор деятельности Министерства внутренних дел за время царствования Императора Александра III. Спб., 1901.
109. *Ольминский М.* Из прошлого. М., 1919 - 120 с.
110. *Оржевский И.В.* 3-е отделение // *Вопросы истории.* 1972. № 2.
111. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960.
112. Охранные отделения в последние годы царствования Николая II. М., 1917.
113. *Панов В.П.* Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями. М., 1993.
114. *Пантин И.К.* и др. Революционная традиция в России: 1783 - 1883 гг. М., 1986. - 343 с.
115. *Перегудова З.* Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением // *Факел.* М., 1990. С. 197 - 205.

116. *Покровский Н.* Политические убийства. убийства вообще и смертная казнь. Спб., 1909.
117. *Принс А.* Преступность и общество. М., 1896. - 28 с.
118. *Принс А.* Преступность и репрессия. М., 1898. - 210 с.
119. *Принс А.* Защита общества и преобразования уголовного права. М., 1912. - 161 с.
120. *Путятин И.Д.* Записки. Спб., 1903.
121. Процесс 16-ти террористов. 1880 г. Спб., 1906.
122. Проблемы борьбы с терроризмом в России на современном этапе: Сб. науч. докладов / Владимирский юридический институт МВД России. Владимир. 1996. - 134 с.
123. Проблемы и перспективы сотрудничества полицейских сил Европы. Экспресс-информация ГИЦ МВД России. Вып.9. 1994. - 12 с.
124. *Пфедфер Э.Г.* Школа научной полиции в Риме и дактилоскопическая регистрация в Италии // Журнал Министерства юстиции. 1914. № 4.
125. *Фосдик Раймоно.* Организация полиции в Европе / Под ред. проф. П.И.Люблинского. Пг., 1917.
126. Революционное народничество 70-х годов XIX в. // Сб. документов и материалов: В 2 т. М.: Л., 1965.
127. *Рейснер М.А.* Духовная полиция в России. Спб.-М., 1906. -108 с.
128. *Решетов Ю.А.* Борьба с международными преступлениями. М., 1983.
129. *Родионов К.С.* Интерпол: миф и действительность. 2-е изд. М., 1986.
130. *Родионов К.С.* Интерпол: вчера, сегодня, завтра. М., 1990.
131. *Розенбах П.* Четвертый конгресс криминальной антропологии. // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 9.
132. Русская группа Международного союза криминалистов. Протоколы собрания группы 3-6 января 1905. Спб., 1911; Протоколы 9-го собрания группы 28-31 марта 1912. Спб., 1912.

133. *Савинков Б.В.* Воспоминания. М., 1990.

134. *Сватиков С.Г.* Русский полигический сыск за границей. (По документам Парижского архива заграничной агентуры Департамента полиции). Ростов н/Д., 1918. - 78 с.

135. *Селиванов Н.* Судебно-полицейский розыск у нас и во Франции // Юрид. вестник. 1884. Т.15. № 1-2.

136. *Сидорова М.В.* Архивы центральных органов политического розыска России XIX - нач. XX в. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993.

137. *Сизиков М.И., Борисов А.В., Скрипильев А.Е.* История полиции России (1718-1917 гг.). Вып. 2. М., 1992. -56 с.

138. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 1 - 6. Спб., 1893 - 1895.

139. *Тарасов И.Т.* Полиция в эпоху реформ. М., 1885.

140. *Тельберг Г.Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912.

141. *Тихомиров Л.Я.* Заговорщики и полиция. М., 1930.

142. *Ткаченко М.* Договоры о выдаче, заключенных Россией с иностранными державами и их отношение к ст. 168 - 174 Уложения о наказаниях // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 5.

143. *Ткачуков И.* Охранка и 11-й съезд партии // Каторга и ссылка. Кн. 45-46. М., 1928.

144. *Трайнин А.Н.* Защита мира и уголовный закон. М., 1969.

145. *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866 - 1882 гг. М., 1978. - 335 с.

146. *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866 - 1895 гг. М., 1979. - 350 с.

147. *Троицкий Н.А.* Царские суды против революционной России. (Политические процессы 1871 - 1880 гг.). Саратов, 1976.

148. *Тютюнник Л.И.* Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX-XX веков (1880 - 1904). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986.

149. *Федоров К.Г., Ярмыш А.Н.* История полиции дореволюционной России. Ростов н/Д., 1976. - 96 с.

150. *Фейгин Я.* Выдача политических преступников // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. № 4.

151. *Фойницкий И.Я.* Линцкий съезд международного союза уголовного права // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 1.

152. *Ханс-Петер Гассер.* Запрет на акты террора в международном гуманитарном праве. Международный комитет Красного Креста, 1994. - 16 с.

153. *Хилков Д.* Террор и массовая борьба. Типография партии социалистов-революционеров, 1904. - 47 с.

154. *Членов Б.С.* Московская охранка и ее секретные сотрудники. М., 1919.

155. Царская дипломатия и Парижская коммуна 1871 г. М.; Л., 1933. - 240 с.

156. *Шаргородский М.Д.* Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве // Вестник Ленинград. ун-та. 1947. № 8.

157. *Шаргородский М.Д.* Некоторые вопросы международного уголовного права // Советское государство и право. 1947. №3.

158. *Шинджихашвили Д.И.* Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, 1974.

159. *Шинджихашвили Д.И.* Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973.

160. *Шостак Е.Я.* О выдаче преступников по договорам с иностранными державами. Киев, 1882.

161. *Штиглиц А.* Исследование о выдаче преступников. Спб., 1882.

162. *Шуйский П.А.* Департамент полиции. 1880 - нач. XX в. Харьков. 1930.
163. *Шушилов В.П.* Международная правовая помощь по уголовным делам // Советское государство и право, 1974, № 3.
164. *Коляри Эдоардо.* Русская тайная полиция в Италии // Былое. Л., 1924. № 25.
165. *Ярмыш А.Н.* Политическая полиция Российской Империи (1880 - 1904 гг.). Ростов н/Д., 1978. - 198 с.
166. *Ярмыш А.Н.* Судебные органы царской России в период империализма (1900 - 1917 гг.). Киев, 1990.
167. *Butler J.P.* National Priorities and Policing by Objectives // Management Challenges in 21 st Century Policing. Canada: Ottawa, 1995.
168. *Friedman L.* A history of American Law. New York: Simon and Schuster, 1973.
169. *Hetzer.* Deutsche Auslieferungsvertrage. Berlin, 1883. S.24.
170. *Lombas S.* Droit penal international. Dallas, 1974. P.60.